

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
“Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова”

Научный журнал

Издаётся с 2001 года

(до 1 января 2012 года – “Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки”)

Выходит 6 раз в год

**СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Свидетельство о регистрации
Эл № ФС77-89123
выдано 07 февраля 2025 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор В.И. Голдин

Редакционный совет:

И. Брок (Норвегия),
А.В. Головнёв,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баева, Л.И. Богданова, С.В. Борисов,
В.Н. Гончаров, И.В. Дёмин,
Т.Ю. Загрязкина, Н.А. Илюхина,
Д. Кемпер (Германия),
А.В. Колмогорова, Н.И. Коновалова,
И.В. Кузнецова (отв. секретарь),
А.Г. Лошаков, В.А. Марьянчик, А.А. Мёдова,
Й.П. Нильсен (Норвегия), М.Ю. Опенков,
А.В. Петров, Р.Г. Пихоя, А.М. Поликарпов,
Ю.В. Попков, А.М. Прилуцкий,
А.В. Репневский, К.Я. Сигал, Б.Г. Соколов,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Терехин, П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
О.С. Чеснокова, А.В. Чудинов,
А.Е. Шапаров, Л.Ю. Щипицина

**СЕРИЯ
“Гуманитарные и социальные науки”**

**Т. 25,
№ 1 / 2025**

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Бражников С.А. Развитие деятельности органов внутренних дел по предупреждению правонарушений несовершеннолетних в России конца XX века.....	5
Мотревич В.П., Мамяченков В.Н. Совхозы Архангельской области в 1946–1950 годах (по данным сводных годовых отчетов).....	15
Ондриков К.В. Расходы уездных земств Вологодской губернии в 1871–1916 годах.....	25
Потемкина М.Н., Храмшина Ю.Н. Организация пассажирских перевозок на трамваях в 1930–1940-е годы: опыт городов Челябинской области.....	37
Хорошев А.А. Взаимодействие органов НКВД и репатриации в организации возвращения советских граждан из Финляндии в 1944–1955 годах.....	48
Шайхисламов Р.Б. Барщина в помещичьих имениях Южно-Уральского региона России в первой половине XIX века.....	57

ЛИНГВИСТИКА

Анашкина И.А., Конькова И.И. Научно-технический отчет и патент: сопоставление с использованием корпусного подхода....	68
Дорофеева М.В. Деонтические лексемы в переводах произведений авторов Русского Севера на английский язык.....	77
Пантелеев А.Ф., Талалаева М.А. Грамматическая метафора и темпоральный контраст в поэзии Ольги Арефьевой.....	87
Кутлимурадова Н.И. Возраст лирического персонажа как поэтическая информация в стихотворениях Махтумкули.....	96

СОДЕРЖАНИЕ

Индексируется в: Размещается в:

Редактор
Е.А. Почехина

Ведущий редактор
А.В. Крюкова

Переводчик
С.В. Бирюкова

Документовед
Е.В. Орёл

Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес издателя:

163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Адрес редакции:

163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины,
д. 17, ауд. 1336
Тел.: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Выход в свет 24.03.2025.

Бумага писчая. Формат 84×108 1/16.

Усл. печ. л. 15,54. Уч.-изд. л. 13,10.

Тираж 1000 экз. Заказ № 8836.

Адрес типографии:

Издательский дом имени В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д. 56

Свободная цена

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2025

ФИЛОСОФИЯ

Воробьева Е.Ю. Экзистенциальные вызовы будущего в контексте аксиологии.....	105
Новиков Н.С. Современные аспекты формирования личности российских военных профессионалов.....	114
Сацукевич А.И. Абстракционизм и конечность: от феноменологии смерти к предельности искусства.....	124
Собольникова Е.Н., Дороднева Н.В. Шестов и Гегель: опыт познания истины = Sobolnikova E.N., Dorodneva N.V. Shestov and Hegel: The Experience of Truth.....	132

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Федуленкова Т.Н. Мотивационно-ориентирующая доминанта как специфическая черта терминообразования.....	140
Наши рецензенты.....	144
К сведению авторов.....	146

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal

Published since 2001

(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences)

Issued bi-monthly

VESTNIK

OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL
UNIVERSITY

Registration certificate
EI no. FS77-89123
issued on February 7, 2025
by the Federal Service for Supervision
of Communications,
Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief **V.I. Goldin**

Editorial Council:

I. Broch (Norway),
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Board:

L.V. Baeva, L.I. Bogdanova, S.V. Borisov,
V.N. Goncharov, I.V. Demin,
T.Yu. Zagryazkina, N.A. Ilyukhina,
D. Kemper (Germany),
A.V. Kolmogorova, N.I. Konovalova,
I.V. Kuznetsova (Executive Secretary),
A.G. Loshakov, V.A. Maryanchik,
A.A. Medova, J.P. Nielsen (Norway),
M.Yu. Openkov, A.V. Petrov,
R.G. Pikhoya, A.M. Polikarpov,
Yu.V. Popkov, A.M. Prilutsky,
A.V. Repnevsky, K.Ya. Sigal, B.G. Sokolov,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin,
P.V. Fedorov, M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway),
O.S. Chesnokova,
A.V. Chudinov, A.E. Shaparov,
L.Yu. Shchipitsina

SERIES
"Humanitarian and Social Sciences"

Vol. 25,
No. 1 / 2025

CONTENTS

HISTORY

Brazhnikov S.A. The Work of the Internal Affairs Bodies on Preventing Juvenile Delinquency in Late 20th-Century Russia.....	5
Motrevich V.P., Mamyachenkov V.N. State Farms in the Arkhangelsk Region in 1946–1950 (According to Consolidated Annual Reports).....	15
Ondrikov K.V. Expenditures of Uyezd Zemstvos in the Vologda Province in 1871–1916.....	25
Potemkina M.N., Khramshina Yu.N. Organization of the Tram Service in the 1930s – 1940s: Experience of the Cities in the Chelyabinsk Region.....	37
Khoroshev A.A. Cooperation Between the NKVD and Repatriation Authorities in Organizing the Return of Soviet Citizens from Finland in 1944–1955.....	48
Shaikhislamov R.B. Corvée in the Landlord Estates of the Southern Urals in Russia in the First Half of the 19th Century.....	57

LINGUISTICS

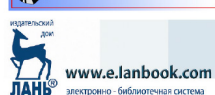
Anashkina I.A., Konkova I.I. Scientific Technical Report and Patent: A Comparative Analysis of Genres Using a Corpus-Based Approach.....	68
Dorofeeva M.V. Deontic Lexemes in the English Translations of the Works by Northern Russian Authors.....	77
Panteleev A.F., Talalaeva M.A. Grammatical Metaphor and Temporal Contrast in Olga Arefieva's Poetry.....	87
Kutimuradova N.I. Age of the Lyrical Hero as Poetic Information in Magtymguly's Poems.....	96

CONTENTS

Indexed in:

Included in:

Editor

E.A. Lochekhina

Managing Editor

A.V. Kryukova

Translator

S.V. Biryukova

Document Manager

E.V. Orel

Make-up by

O.V. Derevtsova

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the list of reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of candidate and doctor of science have to be published

Publisher's address:

nab. Severnoy Dviny 17,
Arkhangelsk, 163002

Phone: +7 (8182) 21-61-99

E-mail: public@narfu.ru

Editorial office address:

nab. Severnoy Dviny 17, room 1336,
Arkhangelsk, 163002

Phone: +7 (8182) 21-61-21

E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Publication date 24.03.2025.

Writing paper. Format 84×108 1/16.

Conv. printer's sh. 15.54.

Acad. publ. sh. 13.10.

Circulation 1000 copies. Order no. 8836.

Printer's address:

NArFU Publishing House named after

V.N. Bulatov

ul. Uritskogo 56, Arkhangelsk, 163060

Free price

© NArFU named after M.V. Lomonosov, 2025

PHILOSOPHY

Vorob'eva E.Yu. Expansion of the Sociocultural Continuum: Existential Challenges of the Future in the Context of Axiology..... 105

Novikov N.S. Modern Aspects of Personality Formation in Russian Military Professionals..... 114

Satsukevich A.I. Abstractionism and Finitude: From the Phenomenology of Death to the Ultimacy of Art..... 124

Sobolnikova E.N., Dorodneva N.V. Shestov and Hegel: The Experience of Truth..... 132

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

Fedulenkova T.N. Motivational-Orienting Dominant as a Specific Feature of Term Formation..... 140

Our Peer-Reviewers..... 144

Information for Authors..... 146

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 1. С. 5–14.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 5–14.

Научная статья
УДК 94(470):343.851.5
DOI: 10.37482/2687-1505-V399

Развитие деятельности органов внутренних дел по предупреждению правонарушений несовершеннолетних в России конца XX века

Сергей Александрович Бражников

Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Воронеж, Россия,
e-mail: s.a.brazhnikov@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8583-9942>

Аннотация. В настоящее время профилактика правонарушений в подростково-юношеской среде является одним из направлений деятельности правоохранительной системы Российской Федерации, требующих качественного совершенствования. Ввиду этого объективно необходимым становится обращение к многогранному историческому опыту различных структур, участвовавших в воспитательной и профилактической работе с детьми, подростками, юношами с отклоняющимся поведением. Многолетняя правоохранительная практика свидетельствует о том, что наибольший объем задач в указанной сфере решают органы внутренних дел. В рамках данной статьи с позиций современной исторической науки рассмотрены отдельные вопросы организации и осуществления оперативно-служебной деятельности служб и подразделений органов внутренних дел, задействованных в предупреждении правонарушений несовершеннолетних в конкретно-исторических условиях, складывавшихся в годы становления новой российской государственности и характеризовавшихся глобальной трансформацией всех сфер жизни общества, крайне высокой динамичностью экономических, социальных, политических процессов, идеологической и духовно-нравственной неопределенностью, резким ухудшением криминогенной ситуации в стране и, как следствие, значительным повышением уровня противоправной активности подрастающего поколения. В процессе исследования были использованы общенаучные и общен исторические методы, обеспечившие достоверность, всесторонность и конкретность полученных результатов. Изучение разноплановых исторических источников, как опубликованных, так и архивных, позволило автору сделать обоснованные выводы о месте и роли органов внутренних дел РФ в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также об эффективности превентивного воздействия заинтересованных подразделений милиции общественной безопасности и криминальной милиции на подростково-юношеский контингент, обладавший противоправным потенциалом.

Ключевые слова: милиция, органы внутренних дел, правонарушения несовершеннолетних, предупреждение правонарушений, профилактика безнадзорности

Бражников С.А.

Развитие деятельности органов внутренних дел по предупреждению правонарушений несовершеннолетних...

Для цитирования: Бражников, С. А. Развитие деятельности органов внутренних дел по предупреждению правонарушений несовершеннолетних в России конца XX века / С. А. Бражников // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 5-14. – DOI 10.37482/2687-1505-V399.

Original article

The Work of the Internal Affairs Bodies on Preventing Juvenile Delinquency in Late 20th-Century Russia

Sergey A. Brazhnikov

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Voronezh, Russia,
e-mail: s.a.brazhnikov@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8583-9942>

Abstract. Currently, juvenile delinquency prevention is one of the areas of activity of Russia's law enforcement system that require qualitative improvement. In this regard, it is necessary to turn to the multifaceted historical experience of various agencies that were involved in the educational and preventive work with children, adolescents and young men exhibiting deviant behaviour. The many years of law enforcement practice indicate that the bulk of the tasks in this area has been undertaken by the internal affairs bodies. This article, from the standpoint of modern historical science, studies certain aspects of the organization and implementation of operational activities of those services and divisions of the internal affairs bodies that were involved in the prevention of juvenile delinquency under specific historical circumstances, namely, during the establishment of the new Russian statehood. This period was characterized by a radical transformation of all spheres of society and highly dynamic economic, social and political processes, as well as by ideological, spiritual and moral uncertainty, growing crime rates in the country and, as a consequence, a significant increase in the level of illegal activity among the younger generation. The author applied the general scientific and general historical methods, which ensured that the results obtained are reliable, comprehensive and concrete. The use of diverse historical sources, both published and archival, allowed the author to draw well-founded conclusions about the place and role of Russia's internal affairs bodies in the system of child neglect and juvenile delinquency prevention, as well as about the effect of the preventive measures implemented by the public security and criminal police units on the adolescents at risk of delinquency.

Keywords: *police, internal affairs bodies, juvenile delinquency, delinquency prevention, child neglect prevention*

For citation: Brazhnikov S.A. The Work of the Internal Affairs Bodies on Preventing Juvenile Delinquency in Late 20th-Century Russia. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 5–14. DOI: 10.37482/2687-1505-V399

В последние годы высшими органами государственной власти РФ планомерно решается проблема повышения эффективности механизмов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, противо-

действия криминализации подростково-юношеской среды¹. Правительство РФ приоритетной целью определило формирование системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, которая состоит в обе-

¹Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года: распоряжение Правительства РФ от 23 янв. 2021 г. № 122-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 5, ст. 914.

спечении соответствующих условий для социализации и ресоциализации детей, подростков, юношей, их саморазвития, воспитания на базе социокультурных, духовных, нравственных ценностей, правил и норм, традиционных для российского общества, формирования у них патриотизма, уважения к закону. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач:

- 1) снижение числа правонарушений, в т. ч. повторных, в подростково-юношеской среде;
- 2) обеспечение прав детей на проживание и воспитание в семье;
- 3) защита прав детей, подростков, юношей и обеспечение для них благоприятной жизненной перспективы;
- 4) совершенствование управления субъектами системы профилактики правонарушений несовершеннолетних;
- 5) пересмотр форм и методов профилактической работы в подростково-юношеской среде².

Все это предопределяет актуальность разноформатного исследования исторического опыта деятельности различных субъектов в сфере предупреждения правонарушительства несовершеннолетних и последующего учета полученных результатов в современной правоохранительной практике.

Целью настоящей статьи стало изучение отдельных аспектов истории развития деятельности органов внутренних дел РФ по предупреждению правонарушений несовершеннолетних в период с конца 1991 года по 1999 год.

Источниковая база включает материалы как опубликованные (ряд печатных изданий), так и находящиеся на архивном хранении. Характеризуя привлеченные источники, следует выделить официальные документы нормативного характера, содержащие важнейшую информа-

цию по теме статьи. В них отражены основные направления, формы, методы и результаты работы органов внутренних дел по предупреждению правонарушительства несовершеннолетних.

Исследование проведено на основе принципов объективности и историзма с применением методов причинно-следственного и ситуационного анализа, историко-генетического и хронологического методов.

Анализ массива имеющейся научной литературы показал, что рассматриваемая проблема нашла отражение в трудах историков [1–5] и юристов [6–10], относящихся к периоду 1990–2000-х годов. Дальнейшего развития в последние годы она не получила. Также необходимо отметить, что тема настоящей статьи не подвергалась полноценному рассмотрению – с использованием методического и методологического инструментария исторической науки, что определяет актуальность данной работы.

В 1991–1999 годах в составе органов внутренних дел функционировали инспекции по делам несовершеннолетних, подразделения по предупреждению правонарушений несовершеннолетних, которые выполняли основной объем работы по контролю за развитием криминальных факторов, оказывавших негативное влияние на подростково-юношескую среду. Специализированное воспитательно-профилактическое воздействие на соответствующие категории детей, подростков, юношей оказывали приемники-распределители для несовершеннолетних и центры временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел.

В 1991 году инспекции по делам несовершеннолетних поставили на профилактический учет по различным основаниям 347 679 детей и подростков. В приемники-распределители для не-

²Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 22 марта 2017 г. № 520-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 14, т. 2088.

совершеннолетних было помещено 58 340 детей и подростков³.

9 марта 1992 года МВД России утвердило основные направления оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел на 1992 год. Было отмечено, что в 1991 году органы внутренних дел, работая в сложной обстановке, выполнили значительный объем задач. Вместе с тем оперативно-служебная деятельность по основным направлениям борьбы с преступностью оставалась малоэффективной и не оказывала существенного позитивного влияния на криминальную ситуацию в стране. Для устранения недостатков и упущений в 1992 году руководителям органов внутренних дел предлагалось сконцентрировать усилия на решении приоритетных задач, в перечень которых входило совершенствование профилактической работы. В частности, предусматривалось осуществление следующих действий:

1) ускорение внедрения в правоохранительную деятельность обновленных методов и форм работы, прежде всего направленных на воспитание детей, подростков, юношей с отклоняющимся поведением;

2) определение конкретных задач органов внутренних дел в области профилактического воздействия на несовершеннолетних правонарушителей;

3) проверка в органах внутренних дел на городском и районном уровнях осуществления мероприятий по предупреждению подросткового правонарушительства;

4) установление особого оперативного контроля за антиобщественными молодежными группировками⁴.

Однако, несмотря на предпринимавшиеся меры, в 1992 году деятельность органов внутренних дел по снижению противоправного потенциала среды несовершеннолетних не претерпела позитивных изменений. Так, в приказе МВД России от 20 апреля 1993 года № 186 «О первоочередных мерах по активизации деятельности органов внутренних дел по борьбе с преступностью несовершеннолетних» констатировалось снижение активности работы по предупреждению подростково-юношеского правонарушительства. В этом документе указывалось, что рост криминальной активности подростков и юношей зафиксирован в большинстве регионов, но особенно сложная обстановка наблюдалась в Республике Тува, а также в Вологодской, Курской и Ульяновской областях. Ситуация осложнялась тем, что методы и формы работы служб и подразделений милиции в сфере профилактики правонарушений среди несовершеннолетних в значительной степени устарели и не соответствовали предъявляемым требованиям. Наблюдалось снижение результативности деятельности инспекций по делам несовершеннолетних. Несогласованность профилактических и оперативно-розыскных мероприятий повлекла существенные недостатки в работе по предупреждению групповых и повторных преступлений несовершеннолетних, выявлению и привлечению к ответственности совершеннолетних лиц, вовлекавших детей в совершение уголовно наказуемых деяний. При этом подразделения центрального аппарата МВД России не реагировали надлежащим образом на имевшие место упущения и просчеты в профилактической деятельности на местах⁵.

³Первоначальный доклад, представленный 16 октября 1992 г. РФ Комитету по правам ребенка ООН в соответствии со ст. 44 Конвенции о правах ребенка от 20 нояб. 1989 г. (CRC/C/3/ADD.5). URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2fC%2f3%2fAdd.5&Lang=en (дата обращения: 18.04.2024).

⁴Об основных направлениях оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел на 1992 год: приказ МВД России от 9 марта 1992 г. № 71 // ОАИиР ИЦ УМВД России по КО (Отд-ние арх. информ. и реабилитации информ. центра УМВД России по Курск. обл). Ф. 6. Оп. 1-в. Д. 546. Л. 151–159.

⁵О первоочередных мерах по активизации деятельности органов внутренних дел по борьбе с преступностью несовершеннолетних: приказ МВД России от 20 апр. 1993 г. № 186 // ОАИиР ИЦ УМВД России по КО. Ф. 6. Оп. 1-в. Д. 554. Л. 210–213.

В 1992 году в приемники-распределители для несовершеннолетних поступило по различным основаниям 38 тыс. детей и подростков⁶.

В 1993 году развитие деятельности МВД России, направленной на снижение противоправного потенциала подростково-юношеского контингента, продолжало определяться в основном негативными тенденциями. Работа по предупреждению преступности несовершеннолетних велась недостаточно активно. Управленческое и научное обеспечение правоохранительной деятельности отставало от процессов реформирования общества. Слабо велся поиск нетрадиционных, адаптированных к рыночной экономике форм и методов борьбы с преступностью⁷.

В 1993 году в РФ за совершение преступлений в приемники-распределители для несовершеннолетних было помещено 1163 подростка⁸, а всего данными учреждениями было принято для содержания по различным основаниям 50 тыс. несовершеннолетних, что больше, чем в предыдущем году, на 31,6 %⁹.

В течение 1994 года профилактической работой органов внутренних дел было охвачено более 620 тыс. подростков-правонарушителей и 113 тыс. родителей, оказывавших негативное влияние на своих детей¹⁰. Всего в 1994 году органами внутренних дел было поставлено

на профилактический учет 294 тыс. несовершеннолетних¹¹. В приемники-распределители для несовершеннолетних было доставлено 57,2 тыс. детей и подростков. Рост данного показателя по сравнению с 1993 годом составил 14,4 %¹².

Предупреждение правонарушений несовершеннолетних в 1995 году продолжало оставаться важным направлением деятельности органов внутренних дел. В мае–сентябре была проведена Всероссийская межведомственная комплексная операция «Подросток», в ходе которой было выявлено и поставлено на учет 8,5 тыс. групп несовершеннолетних с устойчивой антиобщественной направленностью, 81 тыс. подростков-правонарушителей, 18 тыс. родителей, не выполнявших обязанности по воспитанию детей и оказывавших на них негативное влияние. Кроме того, около 4 тыс. совершеннолетних лиц в установленном порядке было привлечено к ответственности за вовлечение детей в противоправную деятельность. Органами внутренних дел совместно с администрациями территорий и другими заинтересованными ведомствами разрабатывались и осуществлялись мероприятия по улучшению организации досуга и занятости несовершеннолетних. В летний период были трудоустроены на сезонную, временную или постоянную работу более 70 тыс. «трудных» подростков. Около

⁶Рыбинский Е.М. Положение детей в России // Педагогика. 1994. № 6. С. 9.

⁷Задачи года: законность, наступательность, результативность // Милиция. 1994. № 4. С. 3.

⁸Тростанецкая Г.Н. Исчадию ада тоже нужна вера, надежда, любовь // Нар. образование. 1994. № 5. С. 20.

⁹Рыбинский Е.М. Указ. соч. С. 9.

¹⁰Итоги работы органов внутренних дел и внутренних войск в 1994 году (отчет перед гражданами России) // Милиция. 1995. № 4. С. 2, 10.

¹¹Об аналитических материалах «Состояние преступности несовершеннолетних в Российской Федерации в 1997 году», «О состоянии работы по противодействию злоупотреблению наркотическими средствами и их незаконному обороту»: письмо Минобразования России от 15 сент. 1998 г. № 15/329-6 // Образование в документах. 1998. № 21–22. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=7E0E9D6C5A1AC9D5BB45D094D4776880&BASENODE=50&ts=85095372306601678737943271&base=EXP&n=268669&rnd=797EF8F6B2865CAACB24D360A63E8939#05798846316775141> (дата обращения: 19.04.2024).

¹²Отчет об основных направлениях работы Министерства образования Российской Федерации в 1995 году // Вестн. образования. 1996. № 4. С. 50.

200 тыс. несовершеннолетних провели летние каникулы в оздоровительных лагерях¹³.

24 ноября 1995 года состоялось заседание коллегии МВД России, на котором было принято решение о сосредоточении главных усилий органов внутренних дел в 1996 году на создании надежного механизма профилактики преступлений, прежде всего со стороны несовершеннолетних, привлечении к этой работе всех здоровых сил общества¹⁴.

В декабре 1995 года на страницах журнала «Милиция» выступил начальник Главного управления обеспечения общественного порядка МВД России И.И. Голубев с заявлением о недостатках в работе органов внутренних дел по противодействию преступности несовершеннолетних. Он отметил, что 2/3 всех преступлений, совершавшихся подростками, имели корыстные и корыстно-насильственные мотивы и характеризовались агрессивностью и жестокостью. Выросло число убийств, тяжких телесных повреждений, грабежей и разбоев, а также повторных преступлений. В период с 1990 по 1994 год количество несовершеннолетних, ранее совершавших уголовно наказуемые деяния и вновь привлеченных к уголовной ответственности, увеличилось с 21 до 30 тыс. чел. При этом причины и условия повторных преступлений выяснялись недостаточно глубоко. Органы внутренних дел редко направляли в контролирующие организации предложения о лишении лицензий предприятий торговли и питания, наказании их руководителей и работников, осуществлявших продажу алкогольных напитков детям и подросткам. Недостаточно эффектив-

но велась оперативная разработка подростков с устойчивой криминальной ориентацией, а также преступных группировок несовершеннолетних. В детской и подростковой среде, особенно в крупных городах РФ, получили значительное распространение попрошайничество, бродяжничество и безнадзорность¹⁵.

В 1995 году органами внутренних дел на профилактический учет было поставлено 304,8 тыс. детей и подростков. В приемники-распределители для несовершеннолетних было доставлено 58,8 тыс. детей и подростков, что больше, чем в 1994 году, на 2,8 %¹⁶. На конец 1995 года в местах лишения свободы содержалось 20 849 несовершеннолетних¹⁷.

В 1996 году органам внутренних дел не удалось обеспечить надлежащий уровень контроля над развитием криминогенной ситуации в детско-подростковой среде. В директиве МВД России от 20 ноября 1996 года № 4 «Об итогах оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел и служебно-боевой деятельности внутренних войск МВД России в 1996 году и задачах на 1997 год» отмечены крайняя острота проблемы подростковой преступности и особая значимость совместной профилактической работы органов внутренних дел и иных заинтересованных структур в среде несовершеннолетних. Всего в 1996 году органами внутренних дел на профилактический учет было поставлено 306,7 тыс. детей и подростков¹⁸.

В июне 1997 года заместитель начальника Главного управления обеспечения общественного порядка МВД России А.И. Сухов в интервью журналу «Милиция» подчеркнул, что рабо-

¹³Итоги оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел и служебно-боевой деятельности внутренних войск МВД России в 1995 году (отчет перед гражданами Российской Федерации) // Милиция. 1996. № 4. С. 5–6, 19.

¹⁴Министр внутренних дел России генерал армии Анатолий Куликов: «Стабильное развитие государственности невозможно без обуздания преступности» // Милиция. 1996. № 1. С. 4–14.

¹⁵Голубев И.И. У народа на виду // Милиция. 1995. № 12. С. 6–7.

¹⁶О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: записка к федер. закону // Вестн. образования. 1997. № 8. С. 9.

¹⁷Дети в России. 2009: стат. сб. М., 2009. С. 120.

¹⁸Об аналитических материалах...

та органов внутренних дел по предупреждению правонарушений несовершеннолетних в ряде субъектов РФ велась неудовлетворительно, а значение ранней профилактики было принижено. В 1996 году были выявлены серьезные просчеты в организации мероприятий по профилактике и пресечению подростковой преступности в МВД республик Карелии, Тувы, Хакасии, Кабардино-Балкарской Республики, ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области, УВД Волгоградской области. В то же время А.И. Сухов положительно оценил деятельность в сфере предупреждения преступности несовершеннолетних, осуществлявшуюся органами внутренних дел Республики Татарстан, Краснодарского края, Ивановской, Новосибирской и Тульской областей, сотрудники которых в непростых во всех отношениях условиях вели поиск новых форм работы по выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших противоправным деяниям несовершеннолетних¹⁹.

В период с 15 мая по 15 сентября 1997 года в рамках всероссийской межведомственной комплексной профилактической операции «Подросток» органами внутренних дел совместно с иными заинтересованными структурами были осуществлены следующие действия: проведены необходимые профилактические мероприятия в отношении 118 тыс. неблагополучных родителей, обеспечено привлечение к ответственности родителей по 85 тыс. фактам ненадлежащего исполнения ими обязанностей по воспитанию и содержанию детей, оказаны помощь более чем 350 тыс. семей и содействие в трудоустройстве 50 тыс. несовершеннолетних, подготовлено и направлено соответствующим адресатам 85,4 тыс. предложений и представлений по устране-

нию причин и условий, способствовавших противоправному поведению несовершеннолетних²⁰.

В 1997 году за различные правонарушения в органы внутренних дел было доставлено 1 163 192 несовершеннолетних, на профилактический учет было поставлено 312 600 детей и подростков²¹.

1 июля 1998 года состоялось заседание коллегии МВД России, на котором было подчеркнуто, что большинство органов внутренних дел на местах не в полной мере выполняло требования руководящих документов об активизации борьбы с преступностью несовершеннолетних. Особенно неблагоприятно обстояли дела в Архангельской, Новгородской и Сахалинской областях, Хабаровском крае, Республике Бурятия. Многие руководители органов внутренних дел не смогли обеспечить надлежащую результативность оперативно-служебной деятельности по предупреждению подростково-юношеского правонарушительства, не предпринимали необходимых мер по устранению недостатков в работе, не контролировали подчиненные службы и подразделения, не изучали состояние подростковой преступности. Низким оставался уровень оперативной осведомленности подразделений криминальной милиции о несовершеннолетних правонарушителях и лицах, использовавших их в различных сферах преступной деятельности. В ходе расследования уголовных дел зачастую поверхностно изучалась криминогенная среда, в которой пребывали подследственные несовершеннолетние²².

15 января 1999 года коллегия МВД России подвела итоги деятельности органов внутренних дел за 1998 год и, в частности, отметила, что профилактика преступлений была органи-

¹⁹Сухов А.И. Нужна ранняя профилактика // Милиция. 1997. № 6. С. 4–5.

²⁰Отчет Министерства внутренних дел перед гражданами Российской Федерации // Милиция. 1998. № 4. С. 13–14.

²¹Об аналитических материалах...

²²Об объявлении решения коллегии МВД России от 1 июля 1998 г. № 4 км/1: приказ МВД России от 13 июля 1998 г. № 432. М., 1998. 16 с.

зована не на должном уровне. В органах внутренних дел многих субъектов РФ была фактически свернута целенаправленная работа с несовершеннолетними, склонными к совершению правонарушений, а также с неблагополучными семьями²³.

28 июня 1999 года вступил в силу федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», который имел большое значение для развития и совершенствования деятельности органов внутренних дел по предупреждению подросткового правонарушительства, поскольку предусматривал преобразование не обеспечивших надлежащую результативность работы подразделений по предупреждению правонарушений несовершеннолетних в подразделения по делам несовершеннолетних, а также образование центров временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей, заменивших приемники-распределители для несовершеннолетних.

По состоянию на декабрь 1999 года в 2953 городских и районных органах внутренних дел были выделены специальные сотрудники или созданы отделы (отделения) по делам несовершеннолетних²⁴.

Принимая во внимание вышеизложенное, представляется возможным утверждать:

1. В период с конца 1991 года по 1999 год органы внутренних дел РФ, обладая специализированными подразделениями в составе милиции, основной задачей которых было противодействие подростковому правонарушительству, являлись основным субъектом системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, находившейся в стадии становления.

2. Проблема повышения эффективности деятельности органов внутренних дел по предуп-

реждению правонарушений несовершеннолетних находилась в поле зрения руководства МВД России, но обеспечить ее решение не позволяли следующие причины:

а) запаздывание с осуществлением на уровне МВД России мер, направленных на разработку новых, научно обоснованных форм и методов оперативно-служебной деятельности соответствующих служб и подразделений милиции по предупреждению правонарушений несовершеннолетних, а также отсутствие организационного и научно-методического сопровождения, позволявшего адаптировать в соответствии с требованиями времени и внедрять в правоохранительную практику имевшийся положительный опыт профилактики противоправных проявлений среди детей и подростков;

б) явная недооценка многими руководителями органов внутренних дел на региональном и местном уровнях остроты, масштабов и последствий проблем роста безнадзорности, беспризорности и правонарушительства в детско-подростковой среде;

в) отсутствие комплексного подхода к работе по предупреждению правонарушений несовершеннолетних с задействованием в ней всех имевшихся сил и средств органов внутренних дел в пределах компетенции, а не только профильных подразделений милиции;

г) недостаточность организационно-правового обеспечения взаимодействия органов внутренних дел с другими субъектами профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

д) формализм в работе по изучению количественных и качественных показателей правонарушительства несовершеннолетних, прогнозированию тенденций его развития, обеспечению использования полученных аналитических данных в целях его своевременного предупреждения.

²³Об объявлении решения коллегии МВД России от 15 янв. 1999 г. № 1 км: приказ МВД России от 25 янв. 1999 г. № 64. М., 1998. 5 с.

²⁴Обзор практики прокурорского надзора за исполнением законов о профилактике безнадзорности несовершеннолетних: подгот. Ген. прокуратурой РФ (№ 21-3-99 от 24 дек. 1999 г.) // ГАВО (Гос. арх. Воронеж. обл.). Ф. Р-2700. Оп. 2. Д. 2858. Л. 267–273.

3. В изученный период органы внутренних дел РФ по объективным и субъективным причинам не реализовали в полной мере имевшийся у них потенциал превентивного воздействия на правонарушительство несовершеннолетних, что объективно подтверждается привлеченными к исследованию документами, а также официальной позицией МВД России, которая нашла отражение в средствах массовой информации.

Список литературы

1. Гавва В.Н. Государственная социальная политика в отношении детей и подростков в Российской Федерации (1990-е годы): дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 204 с.
2. Нехаев В.В. Формирование и реализация молодежной политики в России, 80–90-е годы: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996. 904 с.
3. Самохина Г.В. Государственная политика в сфере борьбы с детской безнадзорностью и преступностью (1992–1999 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Славянск-на-Кубани, 2007. 205 с.
4. Таранцов М.А. Исторический опыт реализации молодежной политики государства и общества в условиях смены общественно-политической системы и социально-экономических реформ, конец 1980-х – 1990-е годы: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. 472 с.
5. Назарова Е.А. Борьба с девиантным поведением и преступностью в молодежной политике Российской Федерации: 1991–1999 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. 206 с.
6. Бурмистров И.А. Криминологическое изучение неформальных групп несовершеннолетних и предупреждение органами внутренних дел совершаемых ими преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 200 с.
7. Коротенков М.П. Криминологическая характеристика и профилактика органами внутренних дел преступлений учащихся профессионально-технических училищ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. 244 с.
8. Палехова Т.В. Административно-правовая деятельность милиции общественной безопасности по профилактике правонарушений несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 180 с.
9. Пляшечник Н.П. Групповые насильственные преступления несовершеннолетних и их профилактика органами внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 161 с.
10. Сон В.И. Правовое регулирование деятельности московской милиции по предупреждению беспризорности и преступности несовершеннолетних с 1991 по 2002 год: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 178 с.

References

1. Gavva V.N. *Gosudarstvennaya sotsial'naya politika v otnoshenii detey i podrostkov v Rossiyskoy Federatsii (1990-e gody)* [State Social Policy on Children and Adolescents in the Russian Federation (1990s): Diss.]. Moscow, 1999. 204 p.
2. Nekhaev V.V. *Formirovanie i realizatsiya molodezhnoy politiki v Rossii, 80–90-e gody* [Development and Implementation of Youth Policy in Russia, 1980s – 1990s: Diss.]. Moscow, 1996. 904 p.
3. Samokhina G.V. *Gosudarstvennaya politika v sfere bor'by s detskoy beznadzornost'yu i prestupnost'yu (1992–1999 gg.)* [State Policy on Combating Child Neglect and Delinquency (1992–1999): Diss.]. Slavyansk-on-Kuban, 2007. 205 p.
4. Tarantsov M.A. *Istoricheskiy opyt realizatsii molodezhnoy politiki gosudarstva i obshchestva v usloviyakh smeny obshchestvenno-politicheskoy sistemy i sotsial'no-ekonomicheskikh reform, konets 1980-kh – 1990-e gody* [Historical Experience of Implementing Youth Policy of the State and Society in the Context of Changing Socio-Political System and Socio-Economic Reforms, Late 1980s – 1990s: Diss.]. Moscow, 1998. 472 p.
5. Nazarova E.A. *Bor'ba s deviantnym povedeniem i prestupnost'yu v molodezhnoy politike Rossiyskoy Federatsii (1991–1999 gg.)* [Combating Deviant Behaviour and Delinquency in the Youth Policy of the Russian Federation (1991–1999): Diss.]. Krasnodar, 2005. 206 p.

Бражников С.А.

Развитие деятельности органов внутренних дел по предупреждению правонарушений несовершеннолетних...

6. Burmistrov I.A. *Kriminologicheskoe izuchenie neformal'nykh grupp nesovershennoletnikh i preduprezhdenie organami vnutrennikh del sovershaemykh imi prestupleniy* [Criminological Study of Informal Groups of Minors and Prevention of Their Crimes by Law Enforcement Agencies: Diss.]. Moscow, 1997. 200 p.

7. Korotkov M.P. *Kriminologicheskaya kharakteristika i profilaktika organami vnutrennikh del prestupleniy uchashchikhsya professional'no-tekhnicheskikh uchilishch* [Criminological Characteristics and Prevention by Law Enforcement Agencies of Delinquency Among Students of Vocational Schools: Diss.]. Moscow, 1992. 244 p.

8. Palekhova T.V. *Administrativno-pravovaya deyatel'nost' militsii obshchestvennoy bezopasnosti po profilaktike pravonarusheniy nesovershennoletnikh* [Administrative and Legal Activities of Public Security Police Aimed to Prevent Juvenile Delinquency: Diss.]. Moscow, 1998. 180 p.

9. Plyashechnik N.P. *Grupповые nasil'stvennye prestupleniya nesovershennoletnikh i ikh profilaktika organami vnutrennikh del* [Violent Gang Crimes Committed by Minors and Their Prevention by Law Enforcement Agencies: Diss.]. Moscow, 1999. 161 p.

10. Son V.I. *Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti moskovskoy militsii po preduprezhdeniyu besprizornosti i prestupnosti nesovershennoletnikh s 1991 po 2002 god* [Legal Regulation of the Activities of the Moscow Police Aimed to Prevent Homelessness and Juvenile Delinquency from 1991 to 2002: Diss.]. Moscow, 2007. 178 p.

Информация об авторе

С.А. Бражников – кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры административной деятельности органов внутренних дел Воронежского института Министерства внутренних дел Российской Федерации (адрес: 394065, г. Воронеж, просп. Патриотов, д. 53).

Information about the author

Sergey A. Brazhnikov, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Head of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (address: prosp. Patriotov 53, Voronezh, 394065, Russia).

Поступила в редакцию 26.04.2024

Одобрена после рецензирования 02.10.2024

Принята к публикации 04.10.2024

Submitted 26 April 2024

Approved after reviewing 2 October 2024

Accepted for publication 4 October 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 1. С. 15–24.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 15–24.

Научная статья
УДК 94(47).084.8(470.11):631.115
DOI: 10.37482/2687-1505-V400

Совхозы Архангельской области в 1946–1950 годах (по данным сводных годовых отчетов)

Владимир Павлович Мотревич¹✉

Владимир Николаевич Мамяченков²

¹Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия,
e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1184-3631>

²Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия,
e-mail: mamyachenkov@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6070-8746>

Аннотация. В работе на материалах Российского государственного архива экономики исследуется состояние материально-технической базы и сельскохозяйственного производства в совхозах Архангельской области в 1946–1950 годах. Отмечается, что деятельность советских хозяйств никогда не привлекала к себе (в отличие от колхозов) большого внимания исследователей, поэтому историография данной проблемы весьма незначительна. Констатируется, что вплоть до 1960-х годов совхозы не составляли серьезной конкуренции колхозам и подсобным хозяйствам населения в производстве сельскохозяйственной продукции. В статье в динамике приведены сведения о материально-технической базе советских хозяйств, состоянии земледелия и животноводства, сдаче государству сельскохозяйственной продукции, определена роль совхозов в аграрном производстве. Авторы подчеркивают, что за годы Великой Отечественной войны сократилась как численность самих совхозов, так и их ресурсная база. Помимо войны тяжелые потери сельское хозяйство исследуемого региона понесло от крайне неблагоприятных погодных условий 1946–1947 годов. Утверждается, что производственно-техническая база совхозов Архангельской области в характеризующий период была достаточно скромной, однако урожайность зерновых и картофеля превышала общесоюзные показатели. В животноводстве, в свою очередь, на удовлетворительном уровне держались надой молока. Авторы приходят к выводу, что советские хозяйства играли весьма незначительную роль в аграрном секторе региона.

Ключевые слова: Архангельская область, первые послевоенные годы, совхозы, материальная база совхозов, сельскохозяйственная продукция, земледелие, урожайность, животноводство

Для цитирования: Мотревич, В. П. Совхозы Архангельской области в 1946–1950 годах (по данным сводных годовых отчетов) / В. П. Мотревич, В. Н. Мамяченков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 15-24. – DOI 10.37482/2687-1505-V400.

Original article

State Farms in the Arkhangelsk Region in 1946–1950 (According to Consolidated Annual Reports)

Vladimir P. Motrevich¹✉

Vladimir N. Mamyachenkov²

¹Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia,

e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1184-3631>

²Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia,

e-mail: mamyachenkov@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6070-8746>

Abstract. Based on the materials from the Russian State Archives of Economics, the article examines the condition of the material and technical resource base and the agricultural production on the state farms of the Arkhangelsk Region in 1946–1950. It is pointed out that the activity of state farms has never attracted much attention from researchers (unlike collective farms), which is why the historiography of this problem is very sparse. Until the 1960s, state farms did not constitute serious competition to collective farms and household plots in agricultural production. The paper provides dynamic data on the material and technical resource base of state farms, on the situation in agriculture and animal husbandry, delivery of agricultural products to the state, and role of state farms in agricultural production. The authors emphasize that during the Great Patriotic War, both the number of state farms themselves and their resource base decreased. In addition to the war, the region's agriculture suffered heavy losses from extremely unfavourable weather events of 1946 and 1947. It is argued that the production and technical resource base of the state farms in the Arkhangelsk Region during the period under study was quite modest; nevertheless, the yield of grain and potatoes exceeded the nationwide numbers. When it comes to livestock farming, milk yield remained at a satisfactory level. The authors draw a conclusion that state farms played a rather insignificant role in the agricultural sector of the region.

Keywords: *Arkhangelsk Region, first post-war years, state farms, material resource base of state farms, agricultural products, agriculture, crop yield, livestock farming*

For citation: Motrevich V.P., Mamyachenkov V.N. State Farms in the Arkhangelsk Region in 1946–1950 (According to Consolidated Annual Reports). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 15–24. DOI: 10.37482/2687-1505-V400

Введение. Данная статья посвящена совхозам Архангельской области – одного из самых высокоширотных регионов нашей страны, образованного в сентябре 1937 года путем выделения соответствующей территории из Северной области. Как это обычно бывает в высоких широтах, реги-

он имеет большую площадь (587 400 км² вместе с Ненецким автономным округом) и сравнительно небольшую численность населения, составлявшую по переписи 1939 года 1 199 200 чел.¹

Вряд ли стоит говорить, что географическое положение, природно-климатические условия

¹Русский Север: электрон. краеведч. б-ка. URL: <https://ekb.aonb.ru/index.php?id=2359> (дата обращения: 06.06.2024).

и количество населения не способствовали развитию в Архангельской области большинства видов сельскохозяйственной деятельности, за исключением, пожалуй, только животноводства, точнее такой его сферы, как мясомолочное скотоводство. Это понимали уже первые постоянные жители архангельского края – поморы, усилиями которых задолго до нашего времени была выведена знаменитая холмогорская порода крупного рогатого скота.

Целью настоящей статьи стало исследование состояния таких сфер сельского хозяйства, как растениеводство и животноводство, в совхозах Архангельской области в первые послевоенные годы. Источниковую базу составили уникальные в своем роде документы – сводные годовые отчеты совхозов, хранящиеся в свободном доступе в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ).

Советские хозяйства (совхозы) представляли собой «крупные государственные сельскохозяйственные предприятия» и наряду с колхозами составляли «основную форму аграрного производства в социалистической экономике»². Первые советские хозяйства появились в нашей стране уже осенью 1917 года, а к 1940 году их численность составляла более 4 тыс., в т. ч. 2600 в РСФСР, 900 на Украине и около 200 в Казахстане³.

Необходимо отметить, что деятельность советских хозяйств никогда не привлекала к себе большого внимания исследователей, чего нельзя сказать о колхозах. По этой причине историография данного вопроса сравнительно незначительна. Между тем в наши дни рассматриваемая проблематика является вполне актуальной в свете функционирования предприятий государственного сектора в аграрной сфере современной Российской Федерации.

Среди крупных научных трудов в первую очередь стоит назвать известную монографию

И.Е. Зеленина [1] и кандидатскую диссертацию А.И. Трофимовой [2], в которых раскрывается тема совхозов страны в целом и Европейского Севера в частности в изучаемый нами период. Следует отметить работу одного из авторов настоящей статьи, посвященную совхозам Архангельской области в военные годы [3]. Кроме того, необходимо указать исследования о деятельности совхозов отдельных республик СССР, в т. ч. в рассматриваемый период (Ф.К. Михайлова [4] и А.П. Шекшеева [5]). История советских хозяйств и совхозных кадров получила свое отражение в ряде публикаций, хотя непосредственно совхозное производство осталось вне поля зрения авторов [6–8].

Таким образом, особенно остро ощущается нехватка исследований региональной направленности, и предлагаемая статья в определенной мере поможет восполнить данный пробел.

Ресурсы и роль совхозов в сельском хозяйстве. Подчеркнем, что вплоть до конца 1950-х годов, когда численность совхозов в СССР значительно возросла, они не составляли серьезной конкуренции колхозам в плане производства сельскохозяйственной продукции. Так, в 1946 году, т. е. в начале исследуемого периода, доля совхозов страны вместе с подсобными хозяйствами в производстве сельскохозяйственной продукции, если говорить о стоимостном выражении в ценах 1926/1927 года, составляла всего 9,2 %. Несколько выше в сельхозпроизводстве было участие госхозов, находившихся на территории РСФСР, – 10,7 %⁴.

Роль государственного сектора была незначительной и в сельском хозяйстве Европейского Севера (Архангельская, Вологодская области и Коми АССР). Численность совхозов в регионе за годы войны сократилась с 51 в 1940 году до 28 в 1945-м. В пер-

²Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Т. 23. М.: Сов. энцикл., 1969. 713 с.

³Совхозы. URL: <https://bigenc.ru/c/sovkhkozy-66961a?ysclid=lu2rgvke52309440810> (дата обращения: 09.06.2024).

⁴РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1870. Л. 36.

вые послевоенные годы совхозная система на Европейском Севере частично восстановилась и включала в 1950 году 33 хозяйства, однако до довоенных показателей было еще далеко. Аналогичная картина была и в Архангельской области: если в 1940 году насчитывалось 14 совхозов, то в 1946-м – 9, а в 1950-м – 10⁵. По приведенным цифрам видно, что война уменьшила и без того небольшое число советских хозяйств, а восстановление совхозной системы шло медленно. Неудивительно, что в 1950 году, когда посевные площади всех категорий хозяйств в Архангельской области составляли 310 600 га, совхозы владели лишь 877 га (0,3 %) [9, с. 53].

В табл. 1 представлены показатели, характеризующие совхозное производство Архангельской области⁶.

была достаточно скромной: по состоянию на 1 января 1947 года она включала 9 тракторов (6 колесных СТЗ-ХТЗ 15/30 и 3 гусеничных: лигроиновый «Сталинец» 48/60 и 2 керосиновых СХТЗ-НАТИ 32/48) общей мощностью 202 л. с., 1 восьмифутовый комбайн «Северный» и 3 грузовых автомобиля (2 бензиновых и 1 газогенераторный ГАЗ-АА – легендарные «полторки»). Стоит заметить, что к началу войны в совхозах имелось 29 тракторов общей мощностью 595 л. с. и 11 автомобилей. Правда, к концу рассматриваемого периода ситуация несколько изменилась: совхозный парк техники насчитывал уже 9 колесных (из них 6 СТЗ-ХТЗ) и 11 гусеничных тракторов (6 керосиновых СХТЗ-НАТИ, 2 лигроиновых С-60, 1 дизельный ДТ-54 и 2 «Кировца» 24/35)

Таблица 1

Стоимость основных средств и численность работников производства в совхозах Архангельской области в 1941 и 1945–1950 годах

The cost of fixed assets and the number of production workers on the state farms of the Arkhangelsk Region in 1941 and 1945–1950

Показатель	1941	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Основные средства, тыс. р.	14 541	11 071	10 972	11 459	15 777	16 294	18 124
Работники, чел.	Нет данных	950	962	972	1293	1197	1288

Данные свидетельствуют о том, что и те 9 совхозов, существовавших в Архангельской области в 1946 году, были сравнительно небольшими: в среднем по 100 с небольшим работников основного производства на один совхоз. В дальнейшем эта цифра увеличивалась незначительно. Что же касается стоимости имевшихся в совхозах основных средств, то приведенные цифры сами по себе, без конкретных сведений о наличии техники, мало что говорят. Необходимо отметить, что производственно-техническая база совхозов Архангельской области в исследуемый период тоже

общей мощностью 509 л. с., а также 14 автомобилей, но комбайн был по-прежнему один⁷.

Совхозное растениеводство. Данные о посевных площадях (а это один из важнейших показателей функционирования сельского хозяйства) показывают их четырехкратное сокращение за годы войны и заметное увеличение в 1949–1950 годах. При этом половина посевов приходилась на кормовые культуры, что свидетельствует о преимущественно животноводческом направлении советских хозяйств (табл. 2)⁸.

⁵РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 3473. Л. 28; Д. 1257. Л. 24–25.

⁶Там же. Оп. 323. Д. 298. Л. 1; Оп. 324. Д. 1257. Л. 1; Д. 1672. Л. 36; Д. 2029. Л. 36; Д. 2468. Л. 28; Д. 2983. Л. 28; Д. 3473. Л. 28.

⁷Там же. Оп. 323. Д. 191. Л. 29; Д. 1672. Л. 57; Д. 3473. Л. 43.

⁸Там же. Оп. 323. Д. 191. Л. 29; Оп. 324. Д. 1257. Л. 26, 29, 32; Д. 1672. Л. 45; Д. 2029. Л. 42, 45; Д. 2468. Л. 34, 36; Д. 2983. Л. 31; Д. 3473. Л. 28.

Таблица 2

Структура посевных площадей в совхозах Архангельской области в 1941 и 1945–1950 годах, га

Acreage structure on the state farms of the Arkhangelsk Region in 1941 and 1945–1950, ha

Культуры	1941	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Зерновые	572	164	134	111	85	262	256
Картофель	318	117	98	105	95	171	127
Овощи	184	70	62	56	51	58	44
Кормовые	1212	213	240	228	207	415	444
Итого	2291	564	534	500	438	906	877

Располагая маломощной технической базой, совхозы области выполняли небольшой объем работ, и в первую очередь это касалось растениеводства. Так, единственным совхозным комбайном в 1946 году было убрано 56 га посевов, а в 1950-м – всего 20 га. Объем работ, выполненных тракторами с учетом увеличения их численности, в 1946 году составил 1368 га, а в 1950-м – 2541 га⁹.

В табл. 3 представлены данные об урожайности возделываемых в совхозах Архангельской области сельскохозяйственных культур¹⁰. Однако необходимо учитывать, что их урожайность в первые послевоенные годы была невысокой и в 1946–1950 годах составляла в среднем по стра-

вера, можно рассматривать как весьма высокое достижение. Этот вывод в равной степени можно отнести и к выращиванию совхозами Архангельской области картофеля и овощей, среднегодовая урожайность которых в целом по стране в 1946–1950 годах составляла 97 и 73 ц/га соответственно [10, с. 13].

Несмотря на неплохую по тем временам урожайность, валовой сбор сельскохозяйственных культур в совхозах Архангельской области был заметно ниже довоенного уровня, что было результатом кратного уменьшения посевных площадей. Хотя, несомненно, в исследуемый период валовой сбор значительно возрос. Если в 1946 году было собрано 709 ц

Таблица 3

Урожайность сельскохозяйственных культур в совхозах Архангельской области в 1941 и 1945–1950 годах, ц/га

Crop yields on the state farms of the Arkhangelsk Region in 1941 and 1945–1950, q/ha

Культуры	1941	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Зерновые	8,1	5,5	6,1	11,5	10,8	9,7	12,1
Картофель	60,5	64	83	95	117	79	80
Овощи	93	91	54	116	112	Нет данных	Нет данных

не, если говорить о зерновых, 6,7 ц/га. Следовательно, урожайность в 10–12 ц/га, достигнутую в 1947–1950 годах в неблагоприятных природно-климатических условиях Европейского Се-

зерновых и 8149 ц картофеля, то в 1950-м – уже 3103 и 11 193 ц соответственно. Сравним приведенные цифры с аналогичными по 1941 году: 4633 ц зерновых и 19 234 ц картофеля. Как ви-

⁹РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 191. Л. 29; Д. 1672. Л. 57; Д. 3473. Л. 43.

¹⁰Там же. Оп. 323. Д. 191. Л. 25; Оп. 324. Д. 1257. Л. 32; Д. 1672. Л. 42, 78; Д. 2029. Л. 27; Д. 2468. Л. 34; Д. 2983. Л. 29; Д. 3473. Л. 32.

дим, до показателей 1941 года и в 1950-м было еще далеко. Что касается овощей, то за годы войны в овощеводстве совхозов были достигнуты серьезные успехи, удерживаемые и в первые послевоенные годы¹¹.

Совхозное животноводство. О положении дел в животноводстве Архангельской области свидетельствует табл. 4¹². Война нанесла животноводству сильнейший удар: поголовье крупного рогатого скота сократилось вдвое, а свиней – и того больше. Пожалуй, более тяжелые потери животноводство области понесло от крайне неблагоприятных погодных условий 1946–1947 годов. Данные о поголовье скота и птицы демонстрируют, что в последние годы четвертой пятилетки в совхозах быстро восстанавливались свиноводство и птицеводство, а также стали разводить овец. Что касается существовавшего до войны пчеловодства, то годовые отчеты не содержат сведений о его наличии в совхозах в первые послевоенные годы. К концу исследуемого периода совхозам Архангельской области было еще далеко до значений поголовья скота и птицы довоенного времени.

Единственным показателем, на который война и природа не особенно повлияли, были надои

молока. Надо сказать, что в Архангельской области они всегда были значительно выше, чем в большинстве других регионов страны. Объяснялось это прежде всего замечательными качествами высокопродуктивной холмогорской породы коров. Данная порода была выведена в XVI веке в Двинском уезде Архангельской губернии (центр уезда – г. Холмогоры, откуда и происходит название породы) и отличалась неприхотливостью в еде и уходе, приспособленностью к холодному климату и высокими удоями¹³.

Еще до Великой Отечественной войны, в 1940 году, в среднем по области от каждой совхозной коровы было надоено 2368 кг молока. При этом, как уже было сказано, даже тяжелейшие последствия войны фактически не отразились на продуктивности молочного животноводства: в 1948–1950 годах средняя удойность коров в совхозах Архангельской области составила 2314, 2291 и 2849 кг соответственно¹⁴. Это было в два раза выше, чем в среднем по СССР, поскольку, например, в 1950 году средний годовой удой молока от одной коровы во всех категориях хозяйств составлял в стране всего 1370 кг [10, с. 9].

К вышесказанному добавим, что в наши дни средняя удойность коров холмогорской

Таблица 4

Численность скота и птицы в совхозах Архангельской области в 1941 и 1946–1951 годах (на начало года), голов

Number of livestock and poultry on the state farms of the Arkhangelsk Region in 1941 and 1946–1950 (at the beginning of the year), heads

Сельскохозяйственные животные	1941	1946	1947	1948	1949	1950	1951
Крупный рогатый скот	5062	2518	1109	1215	1336	1725	1953
В т. ч. коровы	2403	1283	523	557	592	712	773
Свиньи	815	559	188	161	168	358	444
Овцы и козы	–	–	–	–	–	44	11
Лошади	991	435	293	324	336	421	486
Птица	Нет данных	1022	200	215	258	693	389

¹¹РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 191. Л. 29; Д. 1672. Л. 42; Д. 3473. Л. 31.

¹²Там же. Оп. 324. Д. 59. Л. 18, 22; Д. 1257. Л. 35, 38; Д. 1672. Л. 78; Д. 2029. Л. 48; Д. 2468. Л. 43; Д. 2983. Л. 34; Д. 3473. Л. 29.

¹³Холмогорская порода коров: характеристика, фото, продуктивность, уход, содержание и разведение. URL: <https://ferma.expert/jivotnie/krs/porody/holmogorskaya-poroda-korov> (дата обращения: 06.06.2024).

¹⁴РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 2468. Л. 35; Д. 2983. Л. 374; Д. 3473. Л. 34.

породы составляет уже более 7 тыс. кг в год, а у коров-рекордсменок данный показатель доходит до 15,5 тыс. кг [11, с. 160]. Неудивительно, что основной продукцией совхозного животноводства Архангельской области было коровье молоко, производство которого в конце исследуемого периода составило 1/3 от довоенного показателя (табл. 5)¹⁵. Правда, себестоимость этой продукции была достаточно высокой: производство 1 ц молока в 1950 году обходилось в 170 р. против 131 р. по совхозной системе страны в целом. Несколько лучше были показатели молочного животноводства в совхозах соседней, Вологодской области: в 1950 году средняя удойность коров равнялась 3028 кг при себестоимости 1 ц в 149 р. Значительно хуже положение было в Коми АССР – 1467 кг и 227 р. соответственно.

продукцию в 1947 году они варьировались от 45 р. 79 коп. до 48 р. 13 коп. за 1 ц. Такой же огромной была разница между себестоимостью произведенной шерсти и ее государственной закупочной ценой (за 1 ц): последняя колебалась от 1713,6 р. в 1947 году до 1598,1 р. в 1950-м [1, с. 299]. Это означало, что при малых объемах производства прибыль и рентабельность совхозов могли иметь только отрицательные значения, а сами хозяйства были планомерно убыточными.

Совхозная продукция. По итогам каждого года совхозы, как и все предприятия страны, обязаны были рассчитываться с государством. Но тот объем продукции, который совхозы производили, и тот, который они отгружали государству, сильно различался на величину так называемого внутреннего потребления. Суть последнего состояла в том, что значительная часть тех же зерновых шла на накопление семенного фонда, а молока –

Таблица 5

Производство животноводческой продукции совхозами Архангельской области в 1940 и 1945–1950 годах

Production of livestock products by the state farms of the Arkhangelsk Region in 1940 and 1945–1950

Вид продукции	1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Молоко, ц	62 077	–	10 008	10 780	13 562	17 206	21 739
Шерсть, ц	–	–	–	–	–	0,3	0,3
Яйца, тыс. шт.	–	–	–	28	2,4	1,8	14

В 1949 году в совхозах стали разводить овец, однако овцеводство на Европейском Севере в те годы также было убыточным занятием: в 1950 году производство 1 ц шерсти в Вологодской области обходилось в 8720 р., а в Архангельской – в 12 тыс. р. при средних затратах в 6455 р. на ее производство в совхозах страны¹⁶. В годы четвертой пятилетки государственные закупочные цены на продукцию совхозов были низки: например, на молочную

на кормление телят. Наконец, доля продукции, по-видимому, погибала вследствие бесхозяйственности или просто расхищалась, а потом списывалась под разными предлогами. Из всей производимой полезной продукции «внутреннее потребление» исключало разве только шерсть.

В табл. 6 помещены данные об объеме закупок, произведенных государством у совхозов Архангельской области¹⁷. Разница в объемах производимой и сданной продукции, упомянутая

¹⁵РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 191. Л. 35; Д. 1257. Л. 35, 38; Д. 1672. Л. 45; Д. 2029. Л. 51; Д. 2468. Л. 35; Д. 2983. Л. 37; Д. 3473. Л. 34.

¹⁶Там же. Оп. 324. Д. 3473. Л. 34, 36.

¹⁷Там же. Оп. 323. Д. 191. Л. 35; Д. 1672. Л. 45; Д. 2029. Л. 51, 54; Д. 2468. Л. 49; Д. 2983. Л. 21; Д. 3473. Л. 34.

Таблица 6

Объем продукции в зачетном весе, сданной государству совхозами Архангельской области в 1940 и 1945–1950 годах
Products in standard weight delivered by the state farms of the Arkhangelsk Region to the state in 1940 and 1945–1950

Вид продукции	1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Зерновые, ц	900	33	2	58	39	56	78
Скот и птица (в живом весе), ц	1317	219	482	389	231	643	693
Молокопродукты (в переводе на молоко), ц	36 395	3021	5138	5807	7835	11 726	16 035
Шерсть, ц	–	–	–	–	–	0,3	0,3
Яйца, тыс. шт.	–	–	–	–	–	–	7

выше, хорошо просматривается по молокопродуктам и особенно по зерновым. Как видим, при малых объемах производства совхозы почти ничего не сдавали государству.

О роли и значимости совхозов в сельском хозяйстве исследуемого региона мы можем судить по следующим показателям. В 1950 году объем госзакупок продукции животноводства по всем категориям хозяйств Архангельской области составил: скот и птица (в живом весе) – 8,9 тыс. т, молоко – 70,0 тыс. т, яйца – 2887,3 тыс. шт. [9, с. 89]. Эти цифры просто несравнимы с совхозным производством.

Данные о произведенной в Архангельской области государственными хозяйствами (совхозами и подсобными хозяйствами предприятий, организаций и учреждений) валовой продукции сельского хозяйства свидетельствуют, что за 1946–1950 годы ее суммарная стоимость в ценах 1926/1927 года составила 25 330,2 тыс. р., что равняется 6,9 % произведенной в области продукции сельского хозяйства в стоимостном выражении. В первые послевоенные годы основным производителем в Архангельской области оставались колхозы, на их долю приходилось почти 2/3 произведенной сельскохозяйственной продукции. Остальная часть приходилась на хозяйства населения: колхозников (21,2 %), рабочих и служащих (7,9 %), единоличников (0,1 %). При этом колхозы из года в год плавно наращи-

вали производство – оно возрастало в хозяйствах и колхозников, и рабочих и служащих. А вот хозяйства единоличников за годы четвертой пятилетки многократно сократились: объем производства у них в 1950 го-ду по сравнению с 1945 годом уменьшился более чем в 10 раз¹⁸.

Анализ динамики сельскохозяйственного производства в стоимостном выражении в государственном секторе сельского хозяйства за годы четвертой пятилетки показывает, что на протяжении 1947–1950 годов уровень первого послевоенного года так и не был достигнут. Наибольший провал отмечен в 1947 году, когда по сравнению с предыдущим годом стоимость произведенной продукции уменьшилась почти в три раза. Объяснение здесь может быть одно: в Архангельской области в составе государственного сектора сельского хозяйства преобладали не совхозы, как это было в стране повсеместно, а подсобные хозяйства промышленных предприятий, организаций и учреждений. По окончании войны в стране началась их массовая ликвидация, и постепенное восстановление совхозного производства не смогло компенсировать такие потери.

Заключение. Период с 1946 по 1950 год, рассмотренный в настоящем исследовании, явился тяжелейшим испытанием для сельского хозяйства Архангельской области, как, впрочем, и всей страны. За годы военного лихолетья число совхозов в Архангельской области сократилось с

¹⁸РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1492. Л. 45; Д. 1870. Л. 36; Д. 2270. Л. 23; Д. 2692. Л. 23; Д. 3236. Л. 274; Д. 3752. Л. 24.

14 до 9, что, естественно, вызвало резкое снижение стоимости их основных фондов. К тому же последствия войны усугубились крайне неблагоприятными погодными условиями 1946–1947 годов. Неудивительно, что совхозы в области и к

1950 году не достигли своих довоенных показателей ни по одной позиции. Значение совхозов для сельского хозяйства региона было невелико ввиду их малочисленности, небольших размеров и маломощной ресурсной базы.

Список литературы

1. Зеленин И.Е. Совхозы СССР (1941–1950). М.: Наука, 1969. 342 с.
2. Трофимова А.И. Совхозы Европейского Севера РСФСР в 1930–1950-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2014. 300 с.
3. Мотревич В.П. Совхозы Архангельской области в годы Великой Отечественной войны (по данным сводных годовых отчетов) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 5. С. 26–36. <http://dx.doi.org/10.37482/2227-6564-V046>
4. Михайлов Ф.К. Совхозное строительство в Казахстане (1946–1970 гг.) / АН КазССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. Алма-Ата: Наука, 1973. 294 с.
5. Шекшеев А.П. Совхозное строительство в Хакасии (1917 – конец 50-х годов): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1983. 261 с.
6. Безнин М.А. Половозрастная структура и образовательный уровень рабочих совхозов северной части Черноземья в 60–70-е годы // История и культура Архангельского Севера в годы Советской власти. Вологда: ВГУ, 1985. С. 95–104.
7. Безнин М.А. К изучению материального благосостояния рабочих совхозов северной части Российского Черноземья в 1965–1975 годах // История СССР. 1986. № 1. С. 132–143.
8. Безнин М.А., Димони Т.М. Социальная эволюция верхушки колхозно-совхозных управленцев в России в 1930–1980-х гг. // Рос. история. 2010. № 2. С. 25–42.
9. Народное хозяйство Архангельской области в цифрах: стат. сб. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1972. 223 с.
10. Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1988. 535 с.
11. Современное состояние отечественных пород крупного рогатого скота и перспективы их качественного улучшения: сб. науч. тр. по материалам Нац. науч.-практ. конф. к юбилею заслуж. работника сел. хоз-ва, д-ра с.-х. наук, проф. Р.В. Тамаровой. Ярославль: ГСХА, 2017. 168 с.

References

1. Zelenin I.E. *Sovkhozy SSSR (1941–1950)* [State Farms of the USSR (1941–1950)]. Moscow, 1969. 342 p.
2. Trofimova A.I. *Sovkhozy Evropeyskogo Severa RSFSR v 1930–1950-e gg.* [State Farms in the European Part of the RSFSR in the 1930s – 1950s: Diss.]. Vologda, 2014. 300 p.
3. Motrevich V.P. State Farms of the Arkhangelsk Region During the Great Patriotic War (According to Consolidated Annual Reports). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2020, no. 5, pp. 26–36. <http://dx.doi.org/10.37482/2227-6564-V046>
4. Mikhaylov F.K. *Sovkhoznoe stroitel'stvo v Kazakhstane (1946–1970 gg.)* [Building State Farms in Kazakhstan (1946–1970)]. Alma-Ata, 1973. 294 p.
5. Sheksheev A.P. *Sovkhoznoe stroitel'stvo v Khakasii (1917 – konets 50-kh godov)* [Building State Farms in Khakassia (1917 – Late 1950s): Diss.]. Novosibirsk, 1983. 261 p.
6. Beznin M.A. Polovozrastnaya struktura i obrazovatel'nyy uroven' rabochikh sovkhozov severnoy chasti Nechernozem'ya v 60–70-e gody [Age and Gender Structure and Education Level of Workers on State Farms in the Northern Part of the Non-Chernozem Region in the 1960s – 1970s]. *Istoriya i kul'tura Arkhangel'skogo Severa v gody Sovetskoy vlasti* [History and Culture of the Arkhangelsk North During the Soviet Era]. Vologda, 1985, pp. 95–104.

7. Beznin M.A. K izucheniyu material'nogo blagosostoyaniya rabochikh sovkhozov severnoy chasti Rossiyskogo Nechernozem'ya v 1965–1975 godakh [A Study on the Material Well-Being of Workers on the State Farms in the Northern Part of the Russian Non-Chernozem Region in 1965–1975]. *Istoriya SSSR*, 1986, no. 1, pp. 132–143.

8. Beznin M.A., Dimoni T.M. Sotsial'naya evolyutsiya verkhushki kolkhozno-sovkhoznykh upravlentsev v Rossii v 1930–1980-kh gg. [Social Evolution of the Top Kolkhoz-Sovkhoz Management in Russia, 1930s – 1980s]. *Rossiyskaya istoriya*, 2010, no. 2, pp. 25–42.

9. *Narodnoe khozyaystvo Arkhangel'skoy oblasti v tsifrakh* [Economy of the Arkhangelsk Region in Figures]. Arkhangelsk, 1972. 223 p.

10. *Sel'skoe khozyaystvo SSSR* [Agriculture of the USSR]. Moscow, 1988. 535 p.

11. *Sovremennoe sostoyanie otechestvennykh porod krupnogo rogatogo skota i perspektivy ikh kachestvennogo uluchsheniya* [Current State of Russian Cattle Breeds and Prospects for Their Qualitative Improvement]. Yaroslavl, 2017. 168 p.

Информация об авторах

В.П. Мотревич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева (адрес: 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21).

В.Н. Мамяченков – доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Уральского государственного экономического университета (адрес: 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45).

Information about the authors

Vladimir P. Motrevich, Dr. Sci. (Hist.), Prof. at the Department of History of State and Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (address: ul. Komsomol'skaya 21, Yekaterinburg, 620066, Russia).

Vladimir N. Mamyachenkov, Dr. Sci. (Hist.), Prof. at the Department of Public Administration, Ural State University of Economics (address: ul. 8 Marta/Narodnoy Voli 62/45, Yekaterinburg, 620144, Russia).

Поступила в редакцию 17.06.2024

Одобрена после рецензирования 22.10.2024

Принята к публикации 25.10.2024

Submitted 17 June 2024

Approved after reviewing 22 October 2024

Accepted for publication 25 October 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 1. С. 25–36.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 25–36.

Научная статья
УДК 94(47).08(470.12)
DOI: 10.37482/2687-1505-V401

Расходы уездных земств Вологодской губернии в 1871–1916 годах

Константин Владимирович Ондриков

Череповецкий государственный университет, Череповец, Вологодская область, Россия,
e-mail: ondrikovkv@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-5035-0505>

Аннотация. В статье освещен один из малоизученных вопросов в региональной истории земского самоуправления – структура и динамика обязательных и необязательных расходов уездных земств Вологодской губернии в период с 1871 по 1916 год. Цель настоящего исследования – на основании неопубликованных источников Государственного архива Вологодской области и опубликованных законодательных документов раскрыть структуру и динамику расходов по уездам Вологодской губернии, рассмотреть, как на них повлияли законы, и выявить величину затрат по различным категориям обязательных и необязательных расходов. Практическая значимость работы заключается в изучении опыта финансовой деятельности земств для организации более эффективной деятельности учреждений современного российского самоуправления. Данные указанных источников позволили выяснить, как изменение доли расходов повлияло на развитие уездного земского хозяйства Вологодской губернии. Объектом исследования являются сметы 10 уездных земств Вологодской губернии, включающие в себя обязательные и необязательные расходы. В результате проведенных расчетов удалось установить закономерные особенности земских расходов, ключевым среди которых в сметах уездных земств числилось постепенное увеличение доли необязательных расходов по отношению к обязательным. Основной причиной снижения доли обязательных расходов послужили законы, принятые правительством Российской империи. Подробное исследование земских смет дало возможность определить, на какие категории расходов выделялись большие денежные средства. Так, по категориям обязательных расходов основные средства выделялись на содержание мировых судебных учреждений, дорожную и подводную повинности. По категориям необязательных расходов основные средства шли на народное образование, медицину и содержание уездных управ.

Ключевые слова: земское самоуправление, уездные земские учреждения, уездные земства, обязательные расходы, необязательные расходы, земские сметы, земские бюджеты, Вологодская губерния

Для цитирования: Ондриков, К. В. Расходы уездных земств Вологодской губернии в 1871–1916 годах / К. В. Ондриков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 25–36. – DOI 10.37482/2687-1505-V401.

Original article

Expenditures of Uyezd Zemstvos in the Vologda Province in 1871–1916

Konstantin V. Ondrikov

Cherepovets State University, Cherepovets, Vologda Region, Russia,

e-mail: ondrikovkv@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-5035-0505>

Abstract. The article highlights one of the little-studied issues in the regional history of zemstvo self-government, namely, the structure and dynamics of mandatory and discretionary expenses of uyezd zemstvos in the Vologda Province during the period of 1871–1916. The study aimed to, based on unpublished sources from the State Archives of the Vologda Region and published legislation documents, shed some light on the structure and dynamics of expenditures in the uyezds of the Vologda Province, demonstrate how they were influenced by laws and identify the cost value in different categories of mandatory and discretionary expenses. The practical significance of this research lies in studying the financial activities of zemstvos in order to make Russian self-government more effective. The data from the abovementioned sources show how changes in the share of expenditures affected the development of the uyezd zemstvo economy in the Vologda Province. The object of research are budget estimates of 10 uyezd zemstvos of the Vologda Province that include mandatory and discretionary expenses. As a result of the calculations, the author identified some characteristic features of zemstvo expenditures, the key ones being the gradual increase in the share of discretionary expenses in relation to mandatory expenses. The decrease in the share of mandatory expenses was mainly due to the new laws adopted by the government of the Russian Empire. A detailed study into the budget estimates of zemstvos allowed the author to determine which expenditure categories were allocated larger sums of money. For instance, within mandatory expenses, the main funds were allocated for the maintenance of magistrates' courts, road construction and repair, as well as provision of carts for governmental needs. When it comes to discretionary expenses, most of the funds were allocated to public education, medicine and maintenance of uyezd administrations.

Keywords: *zemstvo self-government, uyezd zemstvo institutions, uyezd zemstvos, mandatory expenditures, discretionary expenditures, zemstvo budget estimates, zemstvo budgets, Vologda Province*

For citation: Ondrikov K.V. Expenditures of Uyezd Zemstvos in the Vologda Province in 1871–1916. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 25–36. DOI: 10.37482/2687-1505-V401

Важной задачей земских учреждений второй половины XIX – начала XX века было формирование земских бюджетов, в которых существенную роль играли расходные статьи, необходимые для обеспечения местных потребностей населения. В настоящий момент одним из неизученных вопросов являются уездные земские расходы Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX века. В современных условиях особенно акту-

альным становится обращение к опыту самофинансирования земских учреждений для решения региональных проблем расходования денежных средств. Практическая значимость статьи состоит в рассмотрении опыта финансовой деятельности земств для организации более эффективной работы современного российского самоуправления. Цель настоящего исследования заключается в выяснении структуры и динамики расходов по уездным земствам

Вологодской губернии, раскрытии факторов, повлиявших на изменение состава расходов и, следовательно, на качество жизни местного населения. Объектом исследования выступают расходные сметы уездных земских учреждений Вологодской губернии.

В дореволюционной историографии специальных научных работ по теме земских расходных бюджетов сравнительно немного. Можно опереться, в частности, на труд Б.Б. Веселовского [1], позволяющий получить фундаментальные теоретические знания по земским бюджетам. Другие источники достаточно глубоко освещают отдельные аспекты финансовой деятельности земств [2–6]. Так, Е.Д. Максимов выделяет несколько важных условий эффективности финансовой деятельности земств: экономическое благосостояние плательщиков; равномерное обложение платежами всего населения; своевременное поступление земских повинностей и экономное их расходование [4, с. 2]. В.Ф. Караваев приходит к выводу, что обязательные расходы сильно тормозили развитие других важных сфер деятельности земства [2, с. 165]. А.И. Шингарев, исследовав бюджеты 34 губерний, утверждает, что уменьшение размера обязательных расходов происходило очень медленно [6, с. 107]. К.Ф. Головин отмечает, что земские расходы повышались ежегодно, но прогресс в земском хозяйстве не был ощутим. Причиной ежегодного увеличения смет он считает излишнюю расточительность земских собраний, а также личные мотивы – стремление к росту зарплат [7, с. 88].

В советской историографии тема земских учреждений являлась непопулярной из-за негативного отношения к ним историков, которое сформировалось под влиянием В.И. Ленина. Он подчеркивал, что уездные земства были «пятым колесом в телеге русского государственного управления»¹. По этой причине и земские бюджеты остались белым пятном в советской историографии.

Современная историография также уделяет незначительное внимание освещению земских бюджетов. Основной работой по этой проблематике остается монография В.Ф. Абрамова, охватывающая весь период существования земских учреждений и подробно рассматривающая земский бюджет, хозяйственно-экономическую деятельность земств [8]. Автор делает вывод о том, что земства, опираясь на принцип самофинансирования, за короткий срок создали основу своего хозяйства [8, с. 152]. Кроме того, можно выделить еще две монографии, которые внесли большой вклад в изучение земских бюджетов. Так, в коллективном труде «Самарское земство: опыт практической деятельности (1865–1918 гг.)» обстоятельно освещены структура и динамика доходной и расходной части бюджета уездных земств, их взаимосвязь между собой [9]. Авторы работы «Земское самоуправление в России, 1864–1918» полагают, что земские губернии достаточно эффективно решали хозяйственные, социальные и культурные проблемы в отличие от неземских, где развитие местного хозяйства сковывали трехгодичные сметы [10, с. 261]. Остальную часть исследований составляют диссертации и статьи, посвященные региональным земским бюджетам [11–18].

Так, большинство современных авторов сходятся во мнении, что обязательные расходы замедляли развитие земского хозяйства. Они преобладали в земских сметах в 60–80-е годы XIX века, и лишь с 90-х годов XIX века началось уменьшение их доли [11–15]. С самого начала земской деятельности только в некоторых губерниях обязательные расходы имели небольшую долю в земских сметах [17, с. 28]. Есть исследователи, которые полагают, что обязательные расходы нельзя считать бесполезной тратой земских финансов: они тоже приносили пользу местному населению (выплата пенсий и пособий, обеспечение транспортом полицейских и госслужащих и т. п.) [18, с. 37]. Также отмечается, что основная часть

¹Ленин В.И. Гонимые земства и Аннибалы либерализма // Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 5. М.: Изд-во полит. лит., 1959. С. 33, 35.

необязательных расходов направлялась на развитие здравоохранения и народного образования [11–16]. Главной проблемой земских бюджетов являлся их хронический дефицит, а причинами дефицита – обязательные повинности и недоимки земских сборов [9, с. 366; 10, с. 298; 15, с. 521].

Рассмотрим специфику формирования земских расходных смет, проекты которых ежегодно составляли уездные земские управы². Уездные земские собрания утверждали, каждое по своему уезду, уездные сметы и повинности. Земские управы не имели права назначать какие-либо сборы и повинности, не утвержденные земским собранием. Исключение составляла ст. 67 Положения о губернских и уездных земских учреждениях 1864 года, по которой губернское земское собрание могло разрешить управам, при возникновении непредвиденных или чрезвычайных ситуаций, отступления от составленных смет³. Последней инстанцией по утверждению смет выступал губернатор⁴.

Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 года делило земские расходы на государственные, земские и частные (обществ и сословий)⁵. Кроме того, 13 апреля 1866 года был опубликован циркуляр, по которому все расходы в земских сметах делились на обязательные и необязательные и который узаконил правила деления смет на данные категории. При делении расходов на обязательные и необязательные земства руководствовались правилами Устава о земских повинностях⁶, где расходы расписывались более подробно, чем

в Положениях о земских учреждениях 1864 и 1890 годов, дававших расплывчатые указания. Составители Положения 1864 года считали, что некоторые местные расходы имеют в т. ч. и государственное значение, поэтому решили разделить их на обязательные (государственные) и необязательные (местные, земские) [1, с. 236]. В первую очередь земства должны были обеспечить выполнение обязательных повинностей, а затем уже необязательных. Губернатор контролировал выполнение обязательных повинностей и мог, с разрешения министра внутренних дел, вносить корректировки в земские сметы (ст. 9, 10, 91 Положения 1864 года) [1, с. 237].

До 1897 года сметы составлялись бессистемно. Правительство не разработало однотипной формы, и практически каждый уезд по-разному оформлял сметы. Неизменным оставалось только деление на обязательные и необязательные расходы. Первое время земства часто допускали ошибки при формировании смет: в ряде случаев относили к обязательным расходам необязательные либо не вносили какие-либо категории обязательных расходов и т. п. Так, Яренское уездное собрание включило в обязательные расходы содержание сельских училищ, хотя эта статья расходов входила в разряд необязательных. Сольвычегодское уездное собрание не внесло в смету обязательные расходы на содержание мировых посредников⁷. Вельское уездное собрание не внесло в смету на 1876 год обязательные расходы на конвоирование к местам заключения арестантов⁸.

²Полный свод законов Российской империи / под ред. А.А. Добровольского: в 2 кн. Кн. 1, т. I–VIII. СПб.: Изд. магазина «Законоведение», 1911. С. 756.

³Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е: в 55 т. Т. XXXIX. Отд-ние первое. 1864. От № 40457–41318. СПб., 1867. С. 8–10.

⁴Полный свод законов Российской империи. С. 757.

⁵Полное собрание законов Российской империи. С. 14.

⁶Свод уставов о повинностях. Кн. 2. Устав о земских повинностях. СПб.: Тип. Второго Отд-ния Собств. его Имп. величества канцелярии, 1851. С. 276.

⁷Журналы 2-го очередного Вологодского губернского земского собрания 7–23 декабря 1870 года. Вологда: Тип. Вологод. губ. правления, 1870. С. 263, 274.

⁸Журналы Вологодского губернского земского собрания Третьей очередной сессии второго трехлетия 1875 г. Вологда: Тип. В.А. Гудкова-Белякова, 1876. С. 15.

9 июня 1897 года правительство издало инструкцию по составлению земских смет, что внесло ясность и системность в их формирование. Отныне они составлялись по единому образцу.

Рассмотрим перечень обязательных повинностей. С 1864 года в него входили:

1) содержание местного гражданского управления (наем жилья для рекрутских и воинских присутствий; постройка и содержание домов для арестантов; расходы на этапную повинность; содержание подвод при уездных полицейских управлениях; постройка или наем домов для станковых приставов и судебных следователей; содержание губернских статистических комитетов, местных по крестьянским делам учреждений и др.);

2) содержание мировых судебных установлений;

3) дорожная повинность (постройка и ремонт дорог государственного значения, губернских и уездных дорог и т. п.);

4) подводная повинность (содержание конных повозок для перемещений полицейских и других должностных лиц по служебным делам);

5) квартирная повинность (обеспечение наема помещений для военных);

6) расходы по общественному призрению (например, содержание семей военных, которые были призваны на войну);

7) расходы по хозяйству и медицинской полиции (содержание канцелярий, посреднических комиссий по полюбовному размежеванию земель, дополнительных классов землемерия при гимназиях, случных конюшен, а также содействие распространению оспопрививания).

Постепенно государство освободило земства от большей части обязательных повинностей. Сначала вступил в силу закон от 8 июня 1874 года, освободивший земства от несения квартирной повинности в мирное время. С 1 июня 1895 года земские учреждения уже не несли расходы на содержание мировых судебных учреждений, по крестьянским делам учреждений и губернских ста-

тистических комитетов. 12 июня 1900 года их освободили от расходов на предоставление квартир полиции и судебным следователям, от наема помещений для воинских присутствий, от содержания губернского секретаря. Благодаря законодательным актам сумма обязательных расходов значительно сократилась. С 1895 года большая часть обязательных расходов в основном шла на обеспечение дорожной и подводной повинности [1, с. 241].

К началу XX века сохранились следующие обязательные повинности: дорожная повинность; содержание местного гражданского управления (в т. ч. подводная повинность); содержание местного хозяйства, благочиния и благоустройства; воинская повинность⁹.

Перейдем к исследованию динамики расходов по 10 уездам Вологодской губернии. Земские учреждения в ней были открыты в 1870 году. Хронологические рамки статьи охватывают период с 1871 (утверждение первой земской сметы) по 1916 год. После Февральской революции 1917 года земское самоуправление развивалось уже по другим принципам, заметно отличавшимся от дореволюционного периода. В *табл. 1* представлены данные по обязательным и необязательным расходам за весь исследуемый период.

Рассмотрим сначала обязательные расходы. В период с 1871 по 1875 год эта категория составляла 51–55 % от всей сметы. С 1880 по 1895 год наблюдается их снижение до 35–39 %. С 1900 по 1916 год падение данных расходов продолжалось, и они находились в пределах 16–22 %. Следует отметить, что данный процесс в каждый из указанных периодов был неравномерным. В одни годы процент расходов был выше, в другие – ниже, но основной тенденцией являлось снижение обязательных расходов.

Проанализируем изменение доли обязательных расходов по каждому уезду в период с 1871 по 1916 год. Это позволит выявить уезды с наибольшей и наименьшей долями расходов, покажет динамику расходов каждого уезда,

⁹Полный свод законов Российской империи. С. 1855.

Таблица 1

Соотношение обязательных и необязательных расходов в уездных земствах Вологодской губернии за 1871–1916 годы¹⁰

Mandatory and discretionary expenses in uyezd zemstvos of the Vologda Province for 1871–1916

Год	Обязательные расходы		Необязательные расходы		Итого, р.
	р.	%	р.	%	
1871	Нет данных	55,00	Нет данных	45,00	Нет данных
1874	Нет данных	54,00	Нет данных	46,00	Нет данных
1875	236 916	51,58	222 386	48,42	459 302
1878	243 391	40,06	364 227	59,94	607 618
1880	261 484	37,54	435 135	62,46	696 619
1883	329 513	40,35	487 202	59,65	816 715
1885	346 061	39,61	527 671	60,39	873 732
1888	345 619	36,17	609 921	63,83	955 540
1890	357 332	35,87	638 849	64,13	996 181
1894	446 315	36,13	789 008	63,87	1 235 323
1895	461 285	37,94	754 464	62,06	1 215 749
1897	411 716	30,96	917 760	69,03	1 329 473
1900	367 867	21,13	1 373 201	78,87	1 741 068
1903	412 672	19,77	1 674 201	80,23	2 086 873
1905	609 134	22,66	2 078 952	77,34	2 688 086
1908	533 232	16,54	2 690 378	83,46	3 223 610
1910	716 696	18,26	3 208 152	81,74	3 924 848
1912	750 043	16,37	3 832 955	83,63	4 582 998
1916	1 057 127	16,85	5 217 363	83,15	6 274 490

а также даст возможность узнать долю расходов по каждой категории затрат.

Для этого проведем следующие расчеты.

Во-первых, узнаем, какую долю составляли обязательные расходы от всей сметы по каждому уезду (рис. 1).

Размер сметы каждого уезда был разным и менялся ежегодно. Соответственно, и доля обязательных расходов отличалась. По данным рис. 1, в период с 1871 по 1880 год их доля по уездам чаще составляла от 40 до 55 %. Выделялся только Яренский уезд, размер обязатель-

¹⁰Составлено по: [1, с. 251]; ГАВО (Гос. арх. Волог. обл.). Ф. 34. Оп. 1. Д. 181. Л. 3–4, 7–8, 24–27, 37–39, 63–65, 71, 75–82, 84, 87–88; Д. 274. Л. 2–9, 18–24, 36–43, 49–52, 81–91, 95–112, 130–166; Д. 299. Л. 2–21, 35–43, 47–53, 66–71, 104–108, 120–141, 146–176, 198–210, 248–255; Д. 412. Л. 18–39, 55–59, 94–100, 113–121, 123–127; Д. 599. Л. 1–11, 20–31, 53–71, 73–97, 105–144; Д. 612. Л. 6–7, 8–11; Д. 614. Л. 3–11, 21–26, 78–86, 96–122; Д. 615. Л. 2–15, 29–53, 77–89, 104–113, 135–152, 154–180; Д. 860. Л. 14–20, 32–51, 63–71, 85–111, 121–125, 190–220, 242–249, 270–277, 287–299, 314–331; Д. 1312. Л. 87–104; Д. 1596. Л. 2–16; Д. 1817. Л. 3–14; Д. 2216. Л. 3–14; Д. 2538. Л. 2–13; Д. 2799. Л. 15–26; Д. 3350. Л. 6–25; Д. 3351. Л. 30–51; Д. 3352. Л. 5–18; Д. 3353. Л. 18–48; Д. 3354. Л. 2–11; Д. 3355. Л. 2–23; Д. 3356. Л. 1–15; Д. 3357. Л. 2–17; Д. 3358. Л. 1–36; Свод сведений о доходах и расходах земства и о земских капиталах за 1884 и 1885 г. СПб.: Тип. МВД, 1887. С. 9.

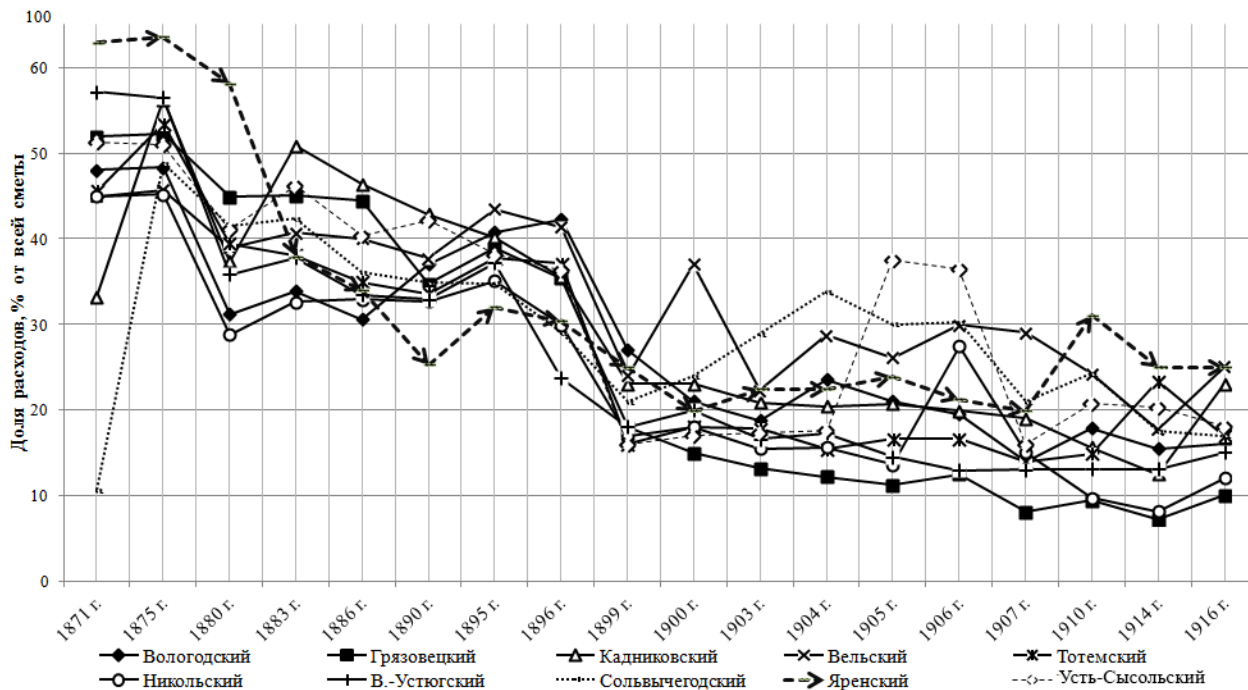

Рис. 1. Динамика доли обязательных расходов по уездам Вологодской губернии в 1871–1916 годах¹¹

Fig. 1. Dynamics of the share of mandatory expenses by uyezds of the Vologda Province for 1871–1916

ных расходов которого был выше (58–65 %). С 1881 по 1896 год обязательные расходы чаще насчитывали 30–40 %. Только в Кадниковском и Усть-Сысольском уездах их доля резко возросла и находилась в пределах от 40–50 % и выше. Грязовецкий уезд только до 1886 года сохранял долю указанных расходов в пределах 40–50 % – затем она резко снизилась. В период с 1899 по 1916 год обязательные расходы по уездам составляли в основном 10–30 % от всей сметы. В трех уездах их доля колебалась в пределах 20–30 % (Сольвычегодский, Яренский, Вельский и отчасти Вологодский –

в первое десятилетие XX века). В 6 уездах обязательные расходы насчитывали 10–20 % (Грязовецкий, Никольский, Велико-Устюгский, Кадниковский, Усть-Сысольский, Тотемский и отчасти Вологодский – во второе десятилетие XX века). Особенностью этого периода являлось резкое увеличение доли обязательных расходов в отдельные годы на 10 % и более: например, в 1903 году – в Сольвычегодском, Велико-Устюгском и Яренском уездах, в 1904 году – в Вельском, Сольвычегодском и Вологодском уездах, в 1905-м – в Усть-Сысольском уезде и т. д.

¹¹Составлено по: ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 154. Л. 3–10, 33–36, 49–58, 83–88, 110–119; Д. 273. Л. 5–7, 27–31, 49–52, 54–59, 95–112; Д. 228. Л. 69–70, 74; Д. 268. Л. 87–101; Д. 380. Л. 2–14, 38–46, 55–75, 85–90, 144–151, 163–172, 184–195, 217–242, 259–262, 282–300; Д. 412. Л. 18–39, 55–59, 94–100, 113–121, 123–127; Д. 413. Л. 6–19, 43–52, 67–75, 84–93, 121–152, 169–200; Д. 612. Л. 6–7, 8–11; Д. 615. Л. 2–15, 29–53, 77–89, 104–113, 135–152, 154–180; Д. 1252. Л. 3–14; Д. 1596. Л. 2–16; Д. 1817. Л. 3–14; Д. 2080. Л. 3–14.

Таким образом, за период с 1871 по 1916 год доля обязательных расходов от сметы каждого уезда постепенно снижалась с 40–55 % (вторая половина XIX века) до 10–30 % (начало XX века). На размер обязательных расходов повлияли законы, освободившие земские учреждения от квартирной повинности, содержания мировых судебных и по крестьянским делам учреждений и т. п. Это подтверждают данные *рис. 1*, где наблюдается резкое снижение расходов в период с 1895 по 1900 год.

Во-вторых, проведя расчеты, мы узнаем, на какие категории обязательных расходов тратились меньшие, а на какие – большие суммы. Рассмотрим, какую долю от сметы составляла каждая категория обязательных расходов. По данным *табл. 2*, основные затраты шли на обеспечение подводной, дорожной повинностей и содержания мировых судебных учреждений. Меньшие средства выделялись на содержание уездных по крестьянским делам учреждений и квартирную повинность.

Обратимся к необязательным расходам. Перечень их достаточно широк: содержание земского управления (земских управ); расходы на народное образование и медицину, обще-

ственное призрение, ветеринарию, земскую почту, телеграфы; обеспечение экономического благосостояния (предупреждение и тушение пожаров, улучшение производства в сельском хозяйстве, поддержка кустарных промыслов и т. п.); оплата долгов; отчисления на образование капиталов; непредвиденные расходы; губернский земский сбор и т. д.

Перейдем к исследованию динамики доли необязательных расходов по 10 уездам Вологодской губернии в совокупности за период с 1871 по 1916 год (*табл. 1*). С 1871 по 1877 год размер данных расходов составлял 45–48 % от всей сметы. С 1880 по 1895 год доля расходов возросла до 60–64 %, а с 1900 по 1916 год – до 77–83 %. Рост необязательных расходов происходил неравномерно: в одни годы наблюдалось их снижение, в другие – увеличение, но основной тенденцией являлось увеличение их доли.

Проанализируем изменение доли необязательных расходов по каждому уезду с 1871 по 1916 год. Это даст возможность выявить уезды с наибольшей и наименьшей долями расходов, проследить динамику расходов каждого уезда, а также узнать долю расходов по каждой категории затрат.

Таблица 2

Изменение доли обязательных расходов по категориям в уездных земствах Вологодской губернии в 1871–1916 годах, %¹²

Changes in the share of mandatory expenses by categories in uyezd zemstvos of the Vologda Province in 1871–1916, %

Категория расходов	1871–1880	1881–1890	1891–1900	1901–1910	1911–1916
Подводная повинность	15–40	10–20	8–17	5–15	5–10
Дорожная повинность	0–15	3–10	3–10	3–15	2–12
Квартирная повинность	0–2	1–4	1–3	0,2–0,5	0–0,5
Содержание мировых судебных учреждений	8–18	6–14	0–12	–	–
Содержание уездных по крестьянским делам учреждений	Нет данных	2–6	2–6	–	–

¹²Составлено по: ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 181. Л. 3–4, 7–8, 24–27, 37–39, 63–65, 71, 75–82, 84, 87–88; Д. 299. Л. 2–21, 35–43, 47–53, 66–71, 104–108, 120–141, 146–176, 198–210, 248–255; Д. 612. Л. 6–7, 8–11; Д. 614. Л. 3–11, 21–26, 78–86, 96–122; Д. 615. Л. 2–15, 29–53, 77–89, 104–113, 135–152, 154–180; Д. 860. Л. 14–20, 32–51, 63–71, 85–111, 121–125, 190–220, 242–249, 270–277, 287–299, 314–331; Д. 1312. Л. 87–104; Д. 1817. Л. 3–14; Д. 2538. Л. 2–13; Д. 3350. Л. 6–25. По закону от 1 июня 1895 года земские учреждения были освобождены от расходов на содержание мировых судебных и по крестьянским делам учреждений.

Проведем следующие расчеты.

Во-первых, узнаем, какую долю составляли необязательные расходы от всей сметы по каждому уезду (рис. 2). В период с 1871 по 1880 год доля таких расходов по уездам в основном составляла от 50–70 %. Выделялся только Яренский уезд, у которого показатель был ниже (30–40 %). С 1881 по 1896 год доля указанных расходов по уездам чаще составляла от 50–70 %, а с 1899 по 1916 год – от 70–90 %.

Можно сделать вывод, что за 1871–1916 годы доля необязательных расходов от сметы каждого уезда постепенно повышалась: с 50–70 % (вторая половина XIX века) до 70–90 % (начало XX века).

Во-вторых, выясним, на какие категории необязательных расходов тратились меньшие, а на какие – большие суммы. Рассмотрим, какую долю от сметы составляла каждая категория необязательных расходов. По табл. 3 видно, что основные затраты шли на обеспечение развития народного образования, здравоохранения и содержание уездных земских управ. Минимальные средства выделялись на общественное призрение, ветеринарию, разные расходы и обеспечение экономического благосостояния населения.

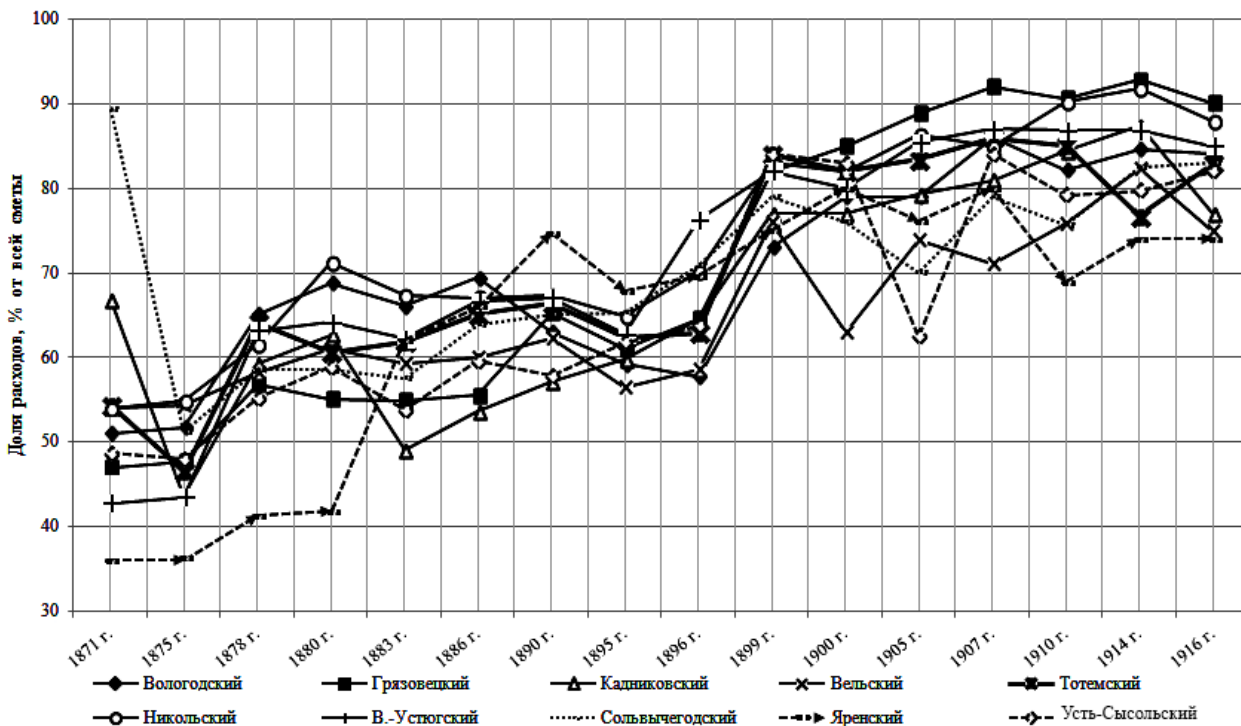

Рис. 2. Динамика доли необязательных расходов по уездам Вологодской губернии в 1871–1916 годах¹³

Fig. 2. Dynamics of the share of discretionary expenses by uyezds of the Vologda Province for 1871–1916

¹³Составлено по: ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 154. Л. 3–10, 33–36, 49–58, 83–88, 110–119; Д. 273. Л. 5–7, 27–31, 49–52, 54–59, 95–112; Д. 228. Л. 69–70, 74; Д. 268. Л. 87–101; Д. 380. Л. 2–14, 38–46, 55–75, 85–90, 144–151, 163–172, 184–195, 217–242, 259–262, 282–300; Д. 412. Л. 18–39, 55–59, 94–100, 113–121, 123–127; Д. 413. Л. 6–19, 43–52, 67–75, 84–93, 121–152, 169–200; Д. 612. Л. 6–7, 8–11; Д. 615. Л. 2–15, 29–53, 77–89, 104–113, 135–152, 154–180; Д. 1252. Л. 3–14; Д. 1817. Л. 3–14; Д. 2080. Л. 3–14.

Таблица 3

Изменение доли необязательных расходов по категориям в уездных земствах Вологодской губернии в 1871–1916 годах, %¹⁴

Changes in the share of discretionary expenses by categories in uyezd zemstvos of the Vologda Province in 1871–1916, %

Категория расходов	1871–1880	1881–1890	1891–1900	1901–1910	1911–1916
Народное образование	10–18	10–20	10–23	15–35	20–40
Здравоохранение	15–25	18–25	20–28	20–30	20–30
Общественное призрение	0–0,2	0–1	0–3	0–3	0–4
Ветеринария	0–1	0–1	0,2–2	0,5–2	1–2
Обеспечение экономического благосостояния населения	0–0,2	0–0,5	0–1	0,2–3	2–4
Разные расходы	0–1	0–1	0–2	0,2–3	0,2–2
Содержание уездных земских управ	7–14	5–12	5–10	4–10	3–8

На основании проведенных расчетов можно сделать следующие выводы:

1. Основной тенденцией по уездным земствам Вологодской губернии являлось постепенное увеличение доли необязательных расходов по отношению к обязательным.

2. На снижение доли обязательных расходов повлияли законы, освободившие земства от значительной части повинностей: квартирной (1874), содержания мировых судебных и по крестьянским делам учреждений, губернских статистических комитетов (1895) и т. п. Причинами увеличения доли необязательных расходов стали усложнение и развитие земского хозяйства, а также уменьшение размера обязательных расходов.

3. За период с 1871 по 1916 год доля обязательных расходов от сметы каждого уезда постепенно снижалась с 40–55 % (вторая половина XIX века) до 10–30 % (начало XX века). Соответственно, размер необязательных расходов от сметы постепенно повышался с 50–70 % (вторая половина XIX века) до 70–90 % (начало XX века).

4. За исследуемый период четко не обозначились уездные земства с наибольшей и наименьшей долями обязательных и необязательных расходов. Величина и тех, и других расходов постоянно менялась. В определенный промежуток времени выделялись уезды с наибольшей (по обязательным расходам отмечен Яренский уезд в 1871–1880 годах, а по необязательным – Грязовецкий уезд в 1903–1910 годах) и наименьшей (по обязательным расходам отмечен Грязовецкий уезд в 1903–1910 годах, а по необязательным – Яренский уезд в 1871–1880 годах) долей расходов.

5. По категориям обязательных расходов основная часть затрат шла на обеспечение содержания мировых судебных учреждений (до 1895 года), дорожной и подводной повинностей. По категориям необязательных расходов большая часть тратилась на народное образование, здравоохранение и содержание уездных управ, а незначительная – на общественное призрение, ветеринарию, обеспечение экономического благосостояния населения и разные расходы.

¹⁴Составлено по: ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 181. Л. 3–4, 7–8, 24–27, 37–39, 63–65, 71, 75–82, 84, 87–88; Д. 299. Л. 2–21, 35–43, 47–53, 66–71, 104–108, 120–141, 146–176, 198–210, 248–255; Д. 612. Л. 6–7, 8–11; Д. 614. Л. 3–11, 21–26, 78–86, 96–122; Д. 615. Л. 2–15, 29–53, 77–89, 104–113, 135–152, 154–180; Д. 860. Л. 14–20, 32–51, 63–71, 85–111, 121–125, 190–220, 242–249, 270–277, 287–299, 314–331; Д. 1312. Л. 87–104; Д. 1817. Л. 3–14; Д. 2538. Л. 2–13; Д. 3350. Л. 6–25.

Список литературы

1. *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет: в 4 т. Т. 1. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1909. 724 с.
2. *Караваев В.Ф.* Земские сметы и раскладки // Юбилейный земский сборник (1864–1914 гг.): сб. ст. / под ред. Б.Б. Веселовского, З.Г. Френкеля. СПб.: Изд-во т-ва Поповой, 1914. С. 155–179.
3. *Кузьмин-Караваев В.Д.* Предельность земских расходов и обложения. СПб.: Изд. юрид. кн. маг. Н.К. Мартынова, 1900. 61 с.
4. *Максимов Е.Д.* Земские финансы. СПб.: Тип. В. Демакова, 1885. 40 с.
5. *Приклонский С.А.* Очерки самоуправления: земского, городского и сельского. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1886. 385 с.
6. *Шингарев А.И.* Вопрос об улучшении земских финансов // Юбилейный земский сборник (1864–1914 гг.): сб. ст. / под ред. Б.Б. Веселовского, З.Г. Френкеля. СПб.: Изд-во т-ва Поповой, 1914. С. 97–154.
7. *Головин К.Ф.* Наше местное управление и местное представительство. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1884. 165 с.
8. *Абрамов В.Ф.* Российское земство: экономика, финансы и культура. М.: НИКА, 1996. 165 с.
9. Самарское земство: опыт практической деятельности (1865–1918 гг.) / под ред. П.С. Кабытова. Самара: Самар. губ. дума, 2009. 367 с.
10. Земское самоуправление в России, 1864–1918: в 2 кн. / под ред. Н.Г. Королевой (отв. ред.), А.П. Корелина, Л.Ф. Писарьковой. Кн. 1. 1864–1904. М.: Наука, 2005. 428 с.
11. *Андреев С.А.* Кредитно-финансовая деятельность земств во второй половине XIX – начале XX веков: по материалам Самарской, Саратовской и Симбирской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2010. 244 с.
12. *Скутарлеев Д.Е.* Местное самоуправление центральных губерний России в 1864–1918 годы: организационно-финансовые и экономические аспекты: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 209 с.
13. *Костюков А.В.* Социально-экономическая деятельность Самарского земства, 1865–1914 годы: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2003. 233 с.
14. *Косых И.В.* Социально-экономическая деятельность органов местного самоуправления России в конце XIX – начале XX вв.: На примере Калужской, Смоленской, Тверской губерний: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 220 с.
15. *Морозова Е.Н.* Финансовая политика Саратовского земства: расходы и бюджетный дефицит // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: История. Междунар. отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 517–524. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-517-524>
16. *Кобзева Т.А.* Динамика доходов и расходов земств Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. // Власть. 2015. Т. 23, № 10. С. 193–197.
17. *Низамова М.С.* Земские бюджеты Поволжского и Уральского регионов как показатели финансово-хозяйственной деятельности органов местного самоуправления // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 96. С. 24–31.
18. *Баданов В.Г.* Олонецкое земство: бюджеты местного самоуправления // Экон. история. 2014. № 1(24). С. 28–44.

References

1. Veselovskiy B.B. *Istoriya zemstva za sorok let* [Forty Years of the History of Zemstvos]. Vol. 1. St. Petersburg, 1909. 724 p.
2. Karavaev V.F. *Zemskie smety i raskladki* [Zemstvo Budget Estimates and Layouts]. Veselovskiy B.B., Frenkel' Z.G. (eds.). *Yubileynyy zemskiy sbornik (1864–1914 gg.)* [Anniversary Zemstvo Collection (1864–1914)]. St. Petersburg, 1914, pp. 155–179.
3. Kuz'min-Karavaev V.D. *Predel'nost' zemskikh raskhodov i oblozheniya* [Limits of Zemstvo Expenditures and Taxation]. St. Petersburg, 1900. 61 p.
4. Maksimov E.D. *Zemskie finansy* [Zemstvo Finances]. St. Petersburg, 1885. 40 p.
5. Priklonkiy S.A. *Ocherki samoupravleniya: zemskogo, gorodskogo i sel'skogo* [Essays on Zemstvo, Urban and Rural Self-Government]. St. Petersburg, 1886. 385 p.

6. Shingarev A.I. Vopros ob uluchshenii zemskikh finansov [The Question of Improving Zemstvo Finances]. Veselovskiy B.B., Frenkel' Z.G. (eds.). *Yubileyny zemskiy sbornik (1864–1914 gg.)* [Anniversary Zemstvo Collection (1864–1914)]. St. Petersburg, 1914, pp. 97–154.
7. Golovin K.F. *Nashe mestnoe upravlenie i mestnoe predstavitel'stvo* [Our Local Government and Local Representation]. St. Petersburg, 1884. 165 p.
8. Abramov V.F. *Rossiyskoe zemstvo: ekonomika, finansy i kul'tura* [The Russian Zemstvo: Economy, Finances and Culture]. Moscow, 1996. 165 p.
9. Kabytov P.S. (ed.). *Samarskoe zemstvo: opyt prakticheskoy deyatel'nosti (1865–1918 gg.)* [Samara Zemstvo: Experience of Practical Activity (1865–1918)]. Samara, 2009. 367 p.
10. Koroleva N.G., Korelin A.P., Pizar'kova L.F. (eds.). *Zemskoe samoupravlenie v Rossii, 1864–1918. Kn. 1. 1864–1904* [Zemstvo Self-Government in Russia, 1864–1918. Book 1. 1864–1904]. Moscow, 2005. 428 p.
11. Andreev S.A. *Kreditno-finansovaya deyatel'nost' zemstv vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov: po materialam Samarskoy, Saratovskoy i Simbirskoy guberniy* [Credit and Financial Activities of Zemstvos in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Based on Materials from the Samara, Saratov and Simbirsk Provinces: Diss.]. Ulyanovsk, 2010. 244 p.
12. Skutarleev D.E. *Mestnoe samoupravlenie tsentral'nykh guberniy Rossii v 1864–1918 gody: organizatsionno-finansovye i ekonomicheskie aspekty* [Local Self-Government of the Central Provinces of Russia in 1864–1918: Organizational, Financial and Economic Aspects: Diss.]. Moscow, 2006. 209 p.
13. Kostyukov A.V. *Sotsial'no-ekonomicheskaya deyatel'nost' Samarskogo zemstva, 1865–1914 gody* [Socio-Economic Activities of Samara Zemstvo, 1865–1914: Diss.]. Samara, 2003. 233 p.
14. Kosykh I.V. *Sotsial'no-ekonomicheskaya deyatel'nost' organov mestnogo samoupravleniya Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.: Na primere Kaluzhskoy, Smolenskoj, Tverskoj guberniy* [Socio-Economic Activities of Local Governments in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries: Based on the Kaluga, Smolensk, and Tver Provinces: Diss.]. Moscow, 2002. 220 p.
15. Morozova E.N. Financial Policy of Saratov Zemstvo: Expenditure and Budgetary Deficit. *Izv. Sarat. Univ. Hist. Int. Relat.*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 517–524 (in Russ.). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-517-524>
16. Kobzeva T.A. Dinamika dokhodov i raskhodov zemstv Srednego Povolzh'ya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [The Dynamics of Revenues and Expenses of District Councils in the Middle Volga Region in the Second Half of 19th – Early 20th Centuries]. *Vlast'*, 2015, vol. 23, no. 10, pp. 193–197.
17. Nizamova M.S. Zemskie byudzhety Povolzhskogo i Ural'skogo regionov kak pokazateli finansovokhozyaystvennoy deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya [Country Council Budgets of the Volga and Ural Regions as Factors of Local Authorities' Financial and Economic Activity]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2009, no. 96, pp. 24–31.
18. Badanov V.G. Olonetskoe zemstvo: byudzhety mestnogo samoupravleniya [Olonetsky Zemstvo: Local Government Budgets]. *Ekonomicheskaya istoriya*, 2014, no. 1, pp. 28–44.

Информация об авторе

К.В. Ондриков – соискатель кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета (адрес: 162602, Вологодская обл., г. Череповец, просп. Луначарского, д. 5).

Information about the author

Konstantin V. Ondrikov, Applicant at the History and Philosophy Department, School of the Humanities, Cherepovets State University (address: prosp. Lunacharskogo 5, Cherepovets, 162602, Vologodskaya obl., Russia).

Поступила в редакцию 07.06.2024
Одобрена после рецензирования 21.10.2024
Принята к публикации 25.10.2024

Submitted 7 June 2024
Approved after reviewing 21 October 2024
Accepted for publication 25 October 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 1. С. 37–47.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 37–47.

Научная статья
УДК [94(47).084.6:656](470.55)
DOI: 10.37482/2687-1505-V402

Организация пассажирских перевозок на трамваях в 1930–1940-е годы: опыт городов Челябинской области

Марина Николаевна Потемкина¹✉

Юлия Николаевна Храмшина²

^{1,2}Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Челябинская область, Россия

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия

¹e-mail: mpotemkina@mail.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7056-1258>

²e-mail: yu.hramshina@magtu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9859-4991>

Аннотация. В работе рассматриваются пассажирские перевозки трамваем – основным городским пассажирским транспортом в городах РСФСР. Цель настоящего исследования – на основе данных по Челябинской области определить факторы, влиявшие на качество пассажирских перевозок, пассажирский опыт взаимодействия с трамваем, противоречивость оценок качества пассажирских перевозок. Статья написана в рамках методологии экономической истории, дополненной положениями теории мобильности, и являет собой попытку представить историю пассажирских перевозок как многофакторный процесс. Авторы раскрывают формальные и качественные характеристики организации пассажирских перевозок трамваем: наличие диспетчерских служб, состояние остановок и подвижного состава, инвентарное число вагонов, число вагонов на линии, электроснабжение трамвая, опыт ожидания трамвая пассажирами. Пассажиры и местные газеты часто критиковали перевозки трамваем, отмечая срывы графиков движения, хотя длительное ожидание было типичным явлением. Несмотря на постоянные замечания, трамвай оставался ведущим городским транспортом в 1930–1940-е годы, т. к. его появление было обусловлено потребностями советской индустриализации. На основе анализа архивных документов и материалов периодической печати авторы приходят к выводу, что остаточный принцип снабжения трамвайных предприятий Челябинской области вагонами и второстепенная роль городского электротранспорта в структуре советской экономики негативно влияли на организацию пассажирских перевозок, основной функцией которых в период советской индустриализации и годы Великой Отечественной войны была связь рабочей силы и промышленных предприятий. К концу 1940-х годов большее значение приобрела функция связи мест проживания с социально-культурными объектами.

Потемкина М.Н., Храмшина Ю.Н.

Организация пассажирских перевозок на трамваях в 1930–1940-е годы: опыт городов...

Ключевые слова: трамвай, городской общественный транспорт, Челябинская область, пассажирские перевозки, организация пассажирского движения, 1930–1940-е годы

Для цитирования: Потемкина, М. Н. Организация пассажирских перевозок на трамваях в 1930–1940-е годы: опыт городов Челябинской области / М. Н. Потемкина, Ю. Н. Храмшина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 37–47. – DOI 10.37482/2687-1505-V402.

Original article

Organization of the Tram Service in the 1930s – 1940s: Experience of the Cities in the Chelyabinsk Region

Marina N. Potemkina¹✉

Yuliya N. Khrushina²

^{1,2}Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, Russia

¹The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

¹e-mail: mpotemkina@mail.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7056-1258>

²e-mail: yu.khrushina@magtu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9859-4991>

Abstract. The article dwells on the tram service as the key means of passenger transportation in the cities of the Russian Soviet Federative Socialist Republic. Using data for the Chelyabinsk Region, the paper aims to identify factors that influenced the quality of passenger transportation, passenger experience with the tram, and conflicting assessments of the quality of passenger transportation. The research was performed within the framework of the methodology of economic history, supplemented by the provisions of the theory of mobilities, and is an attempt to present the history of passenger transportation as a multifactorial process. The authors examine the formal and qualitative characteristics of the tram service: the dispatch system, the state of the tram stops and the rolling stock, the total number of cars, the number of cars on the line, the power supply for the trams, and the experience of passengers waiting for the tram. Passengers and local newspapers often criticized the trams for running late, although long waits were quite common. However, despite constant criticism, the tram remained the leading urban transport in the 1930s and 1940s since it was important for Soviet industrialization. Based on the analysis of archival documents and periodical press materials, the authors conclude that the residual principle of supplying tram enterprises of the Chelyabinsk Region with cars and the secondary role of urban electric transport in the structure of the Soviet economy had a negative impact on passenger transportation, whose main function during the period of industrialization and the Great Patriotic War was to take workers to and from industrial enterprises. By the end of the 1940s, connecting places of residence with social and cultural facilities had become more important.

Keywords: tram, urban public transport, Chelyabinsk Region, passenger transportation, organization of passenger transportation, 1930s – 1940s

For citation: Potemkina M.N., Khrushina Yu.N. Organization of the Tram Service in the 1930s – 1940s: Experience of the Cities in the Chelyabinsk Region. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 37–47. DOI: 10.37482/2687-1505-V402

Трамвай как вид общественного транспорта играет значительную роль в мобильности горожан. Он был и остается не только самым экологичным, но и самым социальным транспортом в городском пространстве. Исторический опыт организации трамвайных перевозок актуален для прогнозирования будущего общественного транспорта в городских агломерациях. Во втором пятилетнем плане развития коммунального транспорта РСФСР на 1933–1937 годы констатировалось, что в конце первой пятилетки трамваем пользовалось 44 % населения страны¹. По данным Совета народных комиссаров РСФСР, в 1940 году в городах РСФСР на трамвайное движение приходилось около 90 % перевозок всех пассажиров², а в годы Великой Отечественной войны трамвай стал основным видом транспорта по грузовым и пассажирским перевозкам и сохранял лидирующее положение в период послевоенного восстановления экономики. Целесообразность организации и развития трамвайного движения была вызвана потребностями индустриализации, общим низким качеством городских дорог, а также недостаточным количеством и сравнительно малой пропускной способностью автобусов, такси и других видов городского транспорта³.

История трамвайного движения хорошо проработана на уровне краеведения, но сравнительно мало изданий, выстроенных согласно принципам академической науки. В советский период отечественной историографии большинство трудов об истории трамвая строилось по канону: организация трамвайного предприятия, техническое устройство трамвая, финансовые и трудовые вопросы эксплуатации⁴. Многие работы выходили в издательстве Министерства коммунального хозяйства РСФСР, освещали вопросы локальной истории трамвая [1] и героизировали тружеников

трамвайных предприятий [2]. В постсоветской исторической науке традиция написания локальных историй трамвая была продолжена. Особую активность проявили исследователи городского электрического транспорта Центрального Черноземья [3, 4]. Историки обращали пристальное внимание на социальное измерение функционирования трамвая и организацию работы городского транспорта в регионах [5, с. 241–263], реже обзоредали историю трамвая в Советском Союзе в целом [6, с. 149–155].

В зарубежной историографии трамвай как объект исследования рассматривался преимущественно в рамках урбанистики. Например, транспортное обслуживание городов США освещено в монографии М. Бранча [7], история общественного транспорта в США обобщена С. Моллоем [8]. Э. Хайруллина и Л. Сантос-и-Гангес раскрыли процесс внедрения скоростного трамвая в странах Восточной Европы в 1950–1970-е годы [9]. Авторы статьи «Движение с другой скоростью: модернизация транспорта и социальная дифференциация в Сурабае в 1920-е гг.» [10] установили причинно-следственную связь между распространением трамвайных путей и формированием общественной потребности в светофорах, машинах скорой помощи, строгом расписании, а также рационализацией и стандартизацией правил дорожного движения. Целевая мотивация зарубежных исследований трамвая, как правило, – решение вопроса о причинах упадка трамвайного движения и возможностях его последующего ренессанса [11].

Анализ историографии темы показал, что к настоящему времени сложилась стойкая традиция рассмотрения трамвая через призму локальной истории, происходит сдвиг от кумулятивного периода исследования предмета к аналитическому. Характерная особенность

¹ГАРФ (Гос. арх. Рос. Федерации). Ф. А-314. Оп. 1. Д. 5034. Л. 1, 3.

²Там же. Д. 463. Л. 67.

³Там же. Д. 16. Л. 22.

⁴См., например: Киевский коммунальный трамвайный трест. Киевский трамвай за сорок лет. 1892–1932. Киев: Киев. трамвайный трест, 1933. 159 с.

отечественных работ – концентрация на изучении протяженности трамвайных линий, трамвайной инфраструктуры и трамвайных вагонов. За рамками исторических исследований продолжают оставаться факторы, влиявшие на качество пассажирских перевозок, пассажирский опыт взаимодействия с трамваем – именно эти аспекты будут раскрыты в данной статье.

Цель настоящей работы – проанализировать организацию трамвайных пассажирских перевозок в городах Челябинской области в 1930–1940-е годы. Территориальные рамки исследования обусловлены возможностью на примере одной области продемонстрировать организацию пассажирских перевозок трамвайными предприятиями разных размеров (до 40 вагонов – в Златоусте, от 41 до 100 вагонов – в Челябинске, Магнитогорске) в городах с разной градостроительной историей (построенных в XVIII веке и 1930-е годы). В качестве хронологических рамок исследования выбраны 1930–1940-е годы – период становления трамвайного движения в городах Челябинской области.

В основе исследования – методология экономической истории, дополненная положениями теории мобильности Дж. Урри, позволяющими вычленив для отдельного рассмотрения продукт работы трамвайных предприятий – пассажирские перевозки. Трамвай рассматривается как публичное пространство, обладающее рядом характеристик: 1) его использование строго регламентировано; 2) трамвай общедоступен; 3) трамвайное движение организовано через расписание; 4) передвижение на трамвае стимулирует формирование подобного публичного поведения [12, с. 202–203]. Для представления опыта организации пассажирских перевозок были проанализированы материалы городов Челябинской области, выявленные в Государственном архи-

ве Российской Федерации, Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО), Архиве Златоустовского городского округа (АЗГО) и Городском архиве Магнитогорска (ГАМ). Данные о пассажирском опыте были дополнены материалами региональной периодической печати.

По итогам анализа делопроизводственной документации о работе трамваев мы выделили формальные показатели, определявшие качество организации пассажирских перевозок: наличие диспетчерских служб, состояние подвижного состава и инвентарное число вагонов, число вагонов на линии, среднесуточное число пассажиров на один вагон, состояние городских электросетей и электростанций, состояние остановок. Обратим более пристальный взгляд на практическое воплощение обозначенных показателей.

Составной частью трамвайной инфраструктуры являлись места посадки-высадки пассажиров, которые располагали у значимых объектов городской жизни: промышленных предприятий, вокзалов, домов культуры, парков и т. д. В местах скопления пассажиров у линии движения только в определенные часы городские власти могли назначать временные остановки (т. е. «остановки по требованию»)⁵. В 1930–1940-е годы не все остановки были оборудованы, т. к. после пуска трамвайных линий строительство остановок и других линейных эксплуатационных объектов осуществлялось по остаточному принципу⁶.

Регулированием и руководством движения трамваев занимались диспетчерские службы. В 1930-е годы связь диспетчерских пунктов с трамвайными парками, подстанциями, вагоноремонтными заводами и другими службами должна была осуществляться через коммутаторы⁷, в 1940-е – по телефону⁸. Хотя первые шаги

⁵Трамвайный справочник / под ред. П.К. Пешекерова, Д.И. Бондаревского. М.: Гострансиздат, 1936. С. 44.

⁶АЗГО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 120. Л. 14.

⁷Трамвайный справочник / под ред. П.К. Пешекерова, Д.И. Бондаревского. С. 41, 49.

⁸Трамвайный справочник. М.; Л.: Изд-во М-ва коммун. хоз-ва РСФСР, 1948. С. 44.

к комплектованию диспетчерских пунктов квалифицированными кадрами и оборудованием предпринимались еще в 1930-е, полноценное комплектование производилось в послевоенный период. В связи с этим диспетчеры не контролировали движение полностью.

Подвижной состав трамвайных хозяйств Челябинской области, как и других периферийных городов, в 1930–1940-е годы формировался из вагонов устаревших типов, продолжительное время бывших в употреблении, – как правило, в столичных городах страны⁹. Такой подход со стороны Народного комиссариата коммунального хозяйства РСФСР (НККХ)¹⁰ к комплектации подвижного состава был вызван чрезмерно малыми объемами производства трамвайных вагонов¹¹ и низкой квалификацией работников на местах, неопытность которых негативно сказывалась на сроках службы техники. Инвентарное число вагонов в трамвайных парках не соответствовало потребностям городов в пассажироперевозках, поэтому дата пуска первых трамвайных линий не являлась датой решения базового вопроса об объемах пассажирских перевозок, что стимулировало горожан присоединиться к решению проблемы мобильности. Например, в Магнитогорске в период пуска первой очереди трамвайной линии в 1935 году трамвайный парк состоял всего из двух моторных вагонов. Рабочие прокатного цеха отправили в газету «Магнитогорский рабочий» открытое письмо С. Орджоникидзе с просьбой увеличить вагонный парк¹². Это письмо «во власть» является характерной

для СССР формой диалога между властью и обществом [13, с. 4–7]. Было ли открытое письмо рабочих действительно направлено в приемную С. Орджоникидзе, через какие инстанции прошло – неясно. Однако за первую половину 1935 года трамвайный парк Магнитогорска был пополнен двумя моторными и несколькими прицепными вагонами¹³.

Формирование четкого графика движения проходило на протяжении 1930-х годов¹⁴. В этот период государственная и партийная власть позиционировала трамвай в первую очередь как средство доставки жителей города от дома до работы. Расписание движения трамваев должно было подчиняться графику рабочих смен на градообразующих промышленных предприятиях и коррелировало с ним. Однако предприятия, функционировавшие в три смены, трамвай не мог обслуживать. Например, в 1934 году на некоторых заводах Челябинска третья смена приступала к работе в 2 ч. ночи, а трамвайное движение прекращалось в 12 ч. ночи¹⁵. Рабочим приходилось идти несколько километров пешком до заводской проходной. Актуальной была проблема уменьшения интервала движения между трамваями. В 1935 году в Магнитогорске интервал движения трамваев составлял 25–30 мин. Добраться пешком или доехать на автобусе было быстрее, чем на трамвае¹⁶. Благодаря пуску второй очереди трамвайной линии 6 ноября 1935 года интервалы движения сократились до 9 мин¹⁷. В Челябинске в июле 1935 года действовало 7 маршрутов, на каждом из которых должны были работать от 2 до 4 моторных трамвайных вагонов с

⁹ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 4. Д. 1478. Л. 12.

¹⁰В 1946 году НККХ был преобразован в Министерство коммунального хозяйства РСФСР.

¹¹ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 5138. Л. 10.

¹²Наркому тяжелой промышленности тов. Орджоникидзе // Магнитог. рабочий. 1935. 18 янв.

¹³1 250 000 пассажиров // Магнитог. рабочий. 1935. 23 июня.

¹⁴ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 5204. Л. 3.

¹⁵Нужны дежурные вагоны // Челяб. рабочий. 1934. 10 июля.

¹⁶Месяц работы трамвая // Магнитог. рабочий. 1935. 18 февр.

¹⁷Новый трамвайный путь // Магнитог. рабочий. 1935. 12 нояб.

интервалами от 13 до 20 мин¹⁸. Проблема заключалась в нехватке вагонов, к тому же любая поломка увеличивала и без того продолжительный интервал движения. В качестве решения Челябинское трамвайно-троллейбусное управление предлагало президиуму Челябинского городского Совета сократить количество маршрутов до 5, что должно было уменьшить интервалы движения до 9–10 мин и снизить влияние технического состояния вагонов на расписание. Предложенный график движения согласовали с профсоюзными организациями «Станкостроя», «Ферросплава», абразивного завода, Челябинского тракторного завода, Челябинской государственной районной электростанции и планировали ввести в январе 1936 года¹⁹, однако в течение года это предложение так и не было реализовано²⁰.

В Златоусте 1 января 1936 года начало заводских смен было смещено на 2 ч вперед по сравнению с 1935 годом. В соответствии с этим Горсовет изменил график работы трамвая, детских садов и яслей, аппарата Горсовета²¹. Основной запрос на изменение графика движения трамваев, доводимый до сведения властей через публикации в местной прессе, шел от работников промышленных предприятий²². Примечательно, что в докладных записках П.К. Пешкарова и Я.Ю. Дависа в НККХ, в которых подводились итоги работы трамвайных хозяйств от дореволюционного периода до 1937 года²³, пафосно объявлялось о соблюдении

«почти всеми трамваями» движения по жесткому графику. На практике ситуация была более сложной.

Нередко случались задержки трамваев или несоответствия движения объявленному маршруту. Пассажиры отправляли жалобы в редакции газет, описывая, как им приходилось ждать трамвай по 30 мин и более²⁴. В случае поломки трамвая и возврата вагонов в парк ожидание прихода трамвая с поездкой в нем могло составлять более 3 ч. Такие истории красноречиво описывала газета «Челябинский рабочий» в статье «Несчастье быть пассажиром»²⁵. Некоторые пассажиры шли пешком, так и не дождавшись трамвая. В связи с этим появилось высказывание: «На трамвай надейся, а сам не плошай»²⁶.

Большое влияние на изменение графика работы трамваев оказал указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», согласно которому изменилось время начала и окончания работы на фабриках и заводах. Следовательно, изменилось расписание движения почти всех трамваев РСФСР и увеличилась продолжительность работы трамваев на линии²⁷.

В годы Великой Отечественной войны трамвай также часто ходил с нарушением графика движения²⁸. В приказе директора Магнитогорского трамвайного хозяйства

¹⁸ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 3. Д. 65. Л. 6 об.

¹⁹Там же. Ф. П-297. Оп. 75. Д. 977а. Л. 4, 5.

²⁰АЗГО. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 257. Л. 46.

²¹На два часа позднее // Пролетар. мысль. 1936. 3 янв.

²²Перестроить график движения трамваев // Большевик. слово. 1950. 10 мая.

²³ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6115. Л. 2.

²⁴Трамвай идет в парк // Челяб. рабочий. 1937. 20 апр.; На трамвайной остановке // Челяб. рабочий. 1936. 8 янв.

²⁵Несчастье быть пассажиром // Челяб. рабочий. 1937. 11 февр.

²⁶Сысин А. Трамвай ушел в парк // Челяб. рабочий. 1945. 26 янв.

²⁷ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 6394. Л. 7.

²⁸Трамвай работает плохо // Магнитог. металл. 1944. 8 янв.; Одна на всех Победа! : кн. воспоминаний ветеранов ЧГПУ: в 3 ч. Ч. 1–2. Челябинск: Челяб. гос. пед. ун-т, 2005. С. 135.

тогорского металлургического комбината от 23 января 1941 года зафиксирована следующая ситуация: «Работа трамвайного цеха ОКХ [отдела коммунального хозяйства] комбината проходит неудовлетворительно, не обеспечивая нормального передвижения рабочих комбината к месту работы и обратно. Из-за нарушения графика движения на остановках получается скопление народа, перегрузка вагонов и случаи травматизма с пассажирами»²⁹. Нерегулярная работа трамвая отразилась и в воспоминаниях горожан. Жительница Челябинска Г.М. Бунькова вспоминает 1941 год: «Плохо ходили трамваи, иногда приходилось до завода идти пешком, а зима в тот год была суровая, с сильными ветрами и метелями. Были и обморожения»³⁰.

В 1941 году в газете «Магнитогорский рабочий» были опубликованы юмористические зарисовки Н. Смелянского о работе трамвая и трудового поезда. В зарисовке «Испытание нервов» описано ожидание пассажирами трудового поезда, который должен был вместо «горе-трамвая» вовремя доставлять трудящихся до места работы. Опоздание поезда на 32 мин представлено автором как дозволительная задержка в сравнении с опозданиями трамвая³¹. Однако работа магнитогорского трамвая в целом оценивалась областными и городскими властями как удовлетворительная, а интервалы движения между трамваями к июлю 1944 года стали составлять от 4 до 5 мин³². Такие короткие интервалы движения были нетипичными для трамваев Челябинска и Златоуста, в связи с

чем в областной газете «Челябинский рабочий» магнитогорский трамвай был удостоен метафоры «работает как часы»³³. В Челябинске к 1944 году было введено 11 маршрутов³⁴, из которых реально функционировало от 4 до 7³⁵. В ходе проверки производственно-хозяйственной деятельности Челябинского трамвайно-троллейбусного управления, проведенной Наркоматом госконтроля РСФСР, было установлено, что с января по июнь 1945 года из 85 пассажирских вагонов на линию выходило в среднем 31,3 вагона³⁶.

Управляющие трамвайным движением городов Челябинской области в ответах на запросы из Комиссии партийного контроля о причинах срывов в работе трамваев перечисляли следующие факторы: ошибки в построении маршрутов, отсутствие подготовленных диспетчеров³⁷, перебои в работе городских электросетей³⁸. В годы Великой Отечественной войны в связи с дефицитом угля и эвакуацией промышленных предприятий на Урал обострились проблемы электроснабжения [14, с. 200, 372], что приводило к сокращению, а в отдельные периоды – к прекращению движения трамваев и троллейбусов в крупных городах Урала [15, с. 168]. К перечисленным причинам следует добавить системный материально-технический дефицит, в условиях которого на протяжении 1930–1940-х годов приходилось работать городским трамвайным хозяйствам, а также особенности реконструкции старых городов в период индустриализации. По данным историка архитектуры Е.В. Коньшевой, в конце 1920-х – начале 1930-х на периферии Челябинска было

²⁹ГАМ. Ф. Р-99. Оп. 10. Д. 1119. Л. 159.

³⁰Одна на всех Победа! С. 110.

³¹Смелянский Н. Испытание нервов // Магнитог. рабочий. 1943. 11 февр.

³²ГАМ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 7. Л. 137.

³³В городе металла // Челяб. рабочий. 1945. 15 июля.

³⁴ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 19. Д. 31. Л. 1.

³⁵Там же. Ф. П-92. Оп. 5. Д. 251. Л. 6.

³⁶ГАРФ. Ф. А-339. Оп. 1. Д. 1719. Л. 5, 6.

³⁷ОГАЧО. Ф. П-297. Оп. 75. Д. 977а. Л. 2.

³⁸ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 73. Л. 293.

заложено около 30 предприятий. Городские пространства Челябинска и Златоуста имели рассредоточенный характер, территориальный рост городов обгонял рост числа жителей, плотность населения снижалась [16, с. 290], а расстояния между рабочими поселками и промышленными предприятиями или центрами городов с социальной и культурной инфраструктурой увеличивались. Иными словами, особенности планировки городов не только усугубляли транспортный дефицит, но и могли являться одной из имманентных причин, по которой трамваи не могли обеспечить необходимые объемы пассажирских перевозок. Такие проблемы не были характерны для Магнитогорска – города сталинской индустриализации, где строительство трамвая шло параллельно строительству города [17, с. 67–68].

Большое влияние на соблюдение интервалов движения трамваев оказывала культура поведения пассажиров во время посадки-высадки. В декабре 1945 года в газете «Магнитогорский металл» один из авторов отмечал: «На передней площадке всегда находится неположенное количество пассажиров. Почти на каждой трамвайной остановке вагоновожатая из-за пассажиров, нарушающих правила посадки, задерживает поезд на 5–10 минут»³⁹. Для нормализации движения и управления пассажирскими потоками городские и областные власти издавали специальные приказы⁴⁰. Городская милиция устанавливала дежурные пункты на остановках с наибольшим пассажиропотоком⁴¹ в утренние и вечерние часы⁴².

В послевоенное время усиливалась экономическая специализация территорий городов,

увеличивалось расстояние между жилыми и промышленными районами города. Например, учащиеся средних и высших учебных заведений сталкивались с проблемами в организации образовательного процесса из-за больших расстояний между местом проживания и учебными учреждениями. К 1948 году жителей Металлургического района Челябинска от центра города, в котором располагались основные административные и социальные объекты, отделяли 15 км⁴³. Перебои в работе городского транспорта, отдаленность остановок от мест проживания в сочетании с бытовой неустроенностью приводили к оттоку из городов части квалифицированных кадров, в т. ч. преподавателей институтов [18, с. 257]. Индустриализация, Великая Отечественная война и период послевоенного восстановления экономики, легитимизировавшие перебои в работе трамвая, были преодолены, поэтому к концу 1940-х годов большее значение приобрела потребность в связи мест проживания с культурными и административными центрами городов⁴⁴.

В 1949 году в Магнитогорске интервалы между рейсами трамвая находились в пределах 4–5 мин, а утвержденный график движения трамвайных вагонов был выполнен на 99,2 %⁴⁵. К 1950 году интервалы между трамвайными переездами в левобережной части города составили 4 мин, а в правобережной – 6 мин⁴⁶. Улучшение работы трамвая в послевоенный период нашло отражение в периодической печати. К концу 1950 года все чаще стали появляться заметки о стахановцах и отличниках трамвайного движения, вагоновожатых, которые исправно соблюдали правила техниче-

³⁹Петров Г. Еще раз о работе трамвая // Магнитог. металл. 1945. 18 дек.

⁴⁰АЗГО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 125. Л. 38.

⁴¹ГАМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 76. Л. 178.

⁴²Там же. Д. 104. Л. 121 об.

⁴³ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 3309. Л. 80.

⁴⁴Там же. Оп. 1. Д. 6277. Л. 24, 25; Лобков И. Строительство новых трамвайных и троллейбусных линий в Челябинске // Челяб. рабочий. 1946. 22 мая; Беляев П. Завтра нашего города // Челяб. рабочий. 1946. 24 мая.

⁴⁵ГАМ. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 191. Л. 5.

⁴⁶Там же. Д. 192. Л. 14.

ской эксплуатации и дорожного движения⁴⁷, а также упоминания о трамвае, который «быстро катит» рабочего домой, в контексте описания быта рабочих⁴⁸.

Таким образом, в 1930–1940-е годы трамвайные предприятия Челябинской области находились в стадии становления, их мощности не могли удовлетворить реальных потребностей городов в пассажирских перевозках и, соответственно, частные запросы пассажиров на улучшение трамвайного движения. Для организации пассажирских перевозок трамваями Челябинской области были характерны: ориентация на потребности промышленных предприятий, медленные темпы технического оснащения диспетчерских пунктов, срывы графиков движения. На формирование названных

характеристик большое влияние оказали: остаточный принцип финансирования трамвайных предприятий при общем дефиците ресурсов, нехватка вагонов в трамвайных парках и высокая степень износа подвижного состава, пополнение подвижного состава преимущественно за счет бывших в употреблении вагонов, перебои в электроснабжении, дефицит квалифицированных управленческих и рабочих кадров. Исследование материалов архивных фондов трамвайных хозяйств позволяет говорить о том, что проблемы с организацией и осуществлением пассажирских перевозок были не просто сложившимися локальными практиками, а системными проблемами советской экономической модели, постепенное преодоление которых было начато в послевоенный период.

Список литературы

1. 50 лет Ленинградского трамвая. 1907–1957. М.: Изд-во М-ва коммун. хоз-ва РСФСР, 1957. 237 с.
2. Трофимов А.Н. Московские трамвайщики: (О тех, чьи имена носят предприятия московского трамвая). М.: Изд-во М-ва коммун. хоз-ва РСФСР, 1958. 47 с.
3. Давыдов А.С. Развитие городского электрического транспорта в городах Центрального Черноземья в преддверии Великой Отечественной войны: особенности и результаты // Изв. Юго-Зап. гос. ун-та. Сер.: История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 222–241. URL: <https://hisplus.elpub.ru/jour/article/view/21> (дата обращения: 01.04.2024).
4. Фурсов А.А. История Воронежского трамвая (1926–2009). Воронеж: Кварта, 2010. 152 с.
5. Горшенин А.В. Городской транспорт Среднего Поволжья в 1941–1950 гг.: моногр. Самара: Офорт, 2018. 328 с.
6. Орлов И.Б. Коммунальная страна: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917–1941). М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. 335 с.
7. Бранч М.К. Проектирование городской среды / пер. с англ. А.И. Маньшавина. М.: Стройиздат, 1979. 176 с.
8. Molloy S. Trolley Wars: Streetcar Workers on the Line. Washington: Smithsonian Institution Press, 1996. 238 p.
9. Khairullina E., Santos y Ganges L. Trams in the European Socialist Countries in the 1960s and 1970s: From Crisis to Impetus. Soviet Union and Czechoslovak Socialist Republic // ACE. 2021. Vol. 16, № 46. Art. № 9260. <https://doi.org/10.5821/ace.16.46.9260>
10. Colombijn F., Khusyairi J.A. Moving at a Different Velocity: The Modernization of Transportation and Social Differentiation in Surabaya in the 1920s // Cars, Conduits, and Kampongs: The Modernization of the Indonesian City, 1920–1960 / ed. by F. Colombijn, J. Coté. Leiden: Brill, 2015. P. 249–271. https://doi.org/10.1163/9789004280724_011
11. Tennent K.D. Dejan Petkov, Tramway Renaissance in Western Europe: A Socio-Technical Analysis // J. Transp. Hist. 2021. Vol. 42, № 1. P. 180–182. <https://doi.org/10.1177/0022526620967793>
12. Урри Дж. Мобильности: пер. с англ. М.: Праксис, 2012. 576 с.

⁴⁷Водитель поезда // Магнитог. металл. 1948. 7 марта.

⁴⁸Родной дом молодежи // Магнитог. рабочий. 1950. 6 июля.

13. Письма во власть: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Ин-т гос. упр. и соц. исслед. МГУ им. М.В. Ломоносова, Inst. Ital. Per gli studi filos. и др. М.: РОССПЭН, 2002. 524 с.

14. Мельников Н.Н. Модернизация танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Сократ, 2017. 416 с.

15. Баканов С.А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка: моногр. Челябинск: Энцикл., 2012. 328 с.

16. Коньшева Е.В. Челябинск в конце 1920-х – 1930-е гг.: градостроительная реконструкция // Советское градостроительство 1920–1930-х годов: Новые исследования и материалы / сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. С. 282–299.

17. Potemkina M., Gryaznov M., Pashkovskaya T. Public Transport and Soviet Industrialisation: The Tram Service in the Socialist City of Magnitogorsk (USSR) // *Industrial Archaeol. Rev.* 2021. Vol. 43, № 1. P. 65–74. <https://doi.org/10.1080/03090728.2020.1804159>

18. Филатов В.В. История Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова: 1940-е годы: моногр. Магнитогорск: Изд-во Магнитогос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2015. 394 с.

References

1. *50 let Leningradskogo tramvaya. 1907–1957* [50 Years of the Leningrad Tram. 1907–1957]. Moscow, 1957. 237 p.
2. Trofimov A.N. *Moskovskie tramvayshchiki: (O tekhn, ch'i imena nosyat predpriyatiya moskovskogo tramvaya)* [Moscow Tram Drivers: (About Those Whose Names the Moscow Tram Enterprises Bear)]. Moscow, 1958. 47 p.
3. Davydov A.S. The Development of Urban Electric Transport in the Cities of the Central Chernozem Region on the Eve of the Great Patriotic War: Features and Results. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya i pravo*, 2023, vol. 13, no. 1, pp. 222–241. Available at: <https://hisplus.elpub.ru/jour/article/view/21> (accessed: 1 April 2024) (in Russ.).
4. Fursov A.A. *Istoriya Voronezhskogo tramvaya (1926–2009)* [History of the Voronezh Tram (1926–2009)]. Voronezh, 2010. 152 p.
5. Gorshenin A.V. *Gorodskoy transport Srednego Povolzh'ya v 1941–1950 gg.* [Urban Public Transport of the Mid-Volga Region in 1941–1950]. Samara, 2018. 328 p.
6. Orlov I.B. *Kommunal'naya strana: stanovlenie sovetskogo zhilishchno-kommunal'nogo khozyaystva (1917–1941)* [The Communal Country: Development of the Soviet Housing and Utilities Sector (1917–1941)]. Moscow, 2015. 335 p.
7. Branch M.C. *Planning Urban Environment*. Dowden, Hutchinson & Ross, 1974. 254 p. (Russ. ed.: Branch M.K. *Proektirovanie gorodskoy sredy*. Moscow, 1979. 176 p.).
8. Molloy S. *Trolley Wars: Streetcar Workers on the Line*. Washington, 1996. 238 p.
9. Khairullina E., Santos y Ganges L. Trams in the European Socialist Countries in the 1960s and 1970s: From Crisis to Impetus. Soviet Union and Czechoslovak Socialist Republic. *ACE*, 2021, vol. 16, no. 46. Art. no. 9260. <https://doi.org/10.5821/ace.16.46.9260>
10. Colombijn F., Khusyairi J.A. Moving at a Different Velocity: The Modernization of Transportation and Social Differentiation in Surabaya in the 1920s. Colombijn F., Coté J. (eds.). *Cars, Conduits, and Kampongs: The Modernization of the Indonesian City, 1920–1960*. Leiden, 2015, pp. 249–271. https://doi.org/10.1163/9789004280724_011
11. Tennent K.D. Dejan Petkov, *Tramway Renaissance in Western Europe: A Socio-Technical Analysis*. *J. Transp. Hist.*, 2021, vol. 42, no. 1, pp. 180–182. <https://doi.org/10.1177/0022526620967793>
12. Urry J. *Mobilities*. Cambridge, 2007. 335 p. (Russ. ed.: Urri Dzh. *Mobil'nosti*. Moscow, 2012. 576 p.).
13. *Pis'ma vo vlast': Zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennyye struktury i bol'shevistskim vozhdyam* [Letters to the Authorities: Statements, Complaints, Denunciations, Letters to Government Agencies and Bolshevik Leaders]. Moscow, 2002. 524 p.
14. Mel'nikov N.N. *Modernizatsiya tankovoy promyshlennosti SSSR v usloviyakh Velikoy Otechestvennoy voyny* [Modernization of the Soviet Tank Industry During the Great Patriotic War]. Yekaterinburg, 2017. 416 p.
15. Bakanov S.A. *Ugol'naya promyshlennost' Urala: zhiznennyi tsikl otrasli ot zarozhdeniya do upadka* [The Ural Coal Industry: Its Life Cycle from the Start to the Decline]. Chelyabinsk, 2012. 328 p.

16. Konyshova E.V. Chelyabinsk v kontse 1920-kh – 1930-e gg.: gradostroitel'naya rekonstruktsiya [Chelyabinsk in the Late 1920s – 1930s: Urban Reconstruction]. Kosenkova Yu.L. (comp.). *Sovetskoe gradostroitel'stvo 1920–1930-kh godov: Novye issledovaniya i materialy* [Soviet Urban Development in the 1920s – 1930s: New Research and Materials]. Moscow, 2010, pp. 282–299.

17. Potemkina M., Gryaznov M., Pashkovskaya T. Public Transport and Soviet Industrialisation: The Tram Service in the Socialist City of Magnitogorsk (USSR). *Industrial Archaeol. Rev.*, 2021, vol. 43, no. 1, pp. 65–74. <https://doi.org/10.1080/03090728.2020.1804159>

18. Filatov V.V. *Istoriya Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. G.I. Nosova: 1940-e gody* [The History of Nosov Magnitogorsk State Technical University: 1940s]. Magnitogorsk, 2015. 394 p.

Информация об авторах

М.Н. Потемкина – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (адрес: 455000, Челябинская область, г. Магнитогорск, просп. Ленина, д. 38), ведущий научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (адрес: 119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82).

Ю.Н. Храмушина – аспирант Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (адрес: 455000, Челябинская область, г. Магнитогорск, просп. Ленина, д. 38).

Information about the authors

Marina N. Potemkina, Dr. Sci. (Hist.), Prof. at the World History Department, Nosov Magnitogorsk State Technical University (address: prosp. Lenina 38, Magnitogorsk, 455000, Chelyabinskaya obl., Russia), Leading Researcher at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (address: prosp. Vernadskogo 82, Moscow, 119571, Russia).

Yuliya N. Khramshina, Postgraduate Student, Nosov Magnitogorsk State Technical University (address: prosp. Lenina 38, Magnitogorsk, 455000, Chelyabinskaya obl., Russia).

Поступила в редакцию 11.04.2024
Одобрена после рецензирования 21.11.2024
Принята к публикации 25.11.2024

Submitted 11 April 2024
Approved after reviewing 21 November 2024
Accepted for publication 25 November 2024

Хорошев А.А.

Взаимодействие органов НКВД и репатриации в организации возвращения советских граждан из Финляндии...

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 1. С. 48–56.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 48–56.

Научная статья
УДК 94(47).084:351.746.1
DOI: 10.37482/2687-1505-V403

Взаимодействие органов НКВД и репатриации в организации возвращения советских граждан из Финляндии в 1944–1955 годах

Анатолий Алексеевич Хорошев

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
e-mail: anatliij-khrshev@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5111-021X>

Аннотация. В статье на основе архивных документов, большая часть которых вводится в научный оборот впервые, исследуется деятельность созданного в октябре 1944 года Управления уполномоченного Совета народных комиссаров СССР по делам репатриации советских граждан, объединившего ведомства, имевшие собственные зоны ответственности и вступавшие друг с другом в противоречия: Народный комиссариат внутренних дел, Народный комиссариат государственной безопасности и Главное управление контрразведки «Смерш» Народного комиссариата обороны. Материалы, касающиеся организации репатриации из Финляндии в СССР с 1944 по 1955 год, позволяют раскрыть процессы оперативного межведомственного взаимодействия, разработки соответствующих инструкций, ведомственного согласования в непредвиденных ситуациях. В конечном счете объединенные действия названных структур обеспечили успешную репатриацию не менее чем 100 тыс. советских граждан и военнопленных. В работе выделены аспекты, повлиявшие на ход репатриации, включая создание нормативно-правовой базы для разграничения межведомственных полномочий, выявление преступных элементов среди репатриантов, поиск сбежавших пленных. Постановления Государственного комитета обороны, нормативные документы Народного комиссариата внутренних дел, принятые и утвержденные в военное и послевоенное время, легли в основу процесса репатриации советских граждан, в т. ч. из Финляндии. В ходе исследования установлено, что часть советских граждан принимала участие в боевых действиях на стороне Финляндии в составе 3-го и 6-го батальонов. Некоторые военнопленные занимались контрразведывательной деятельностью, сотрудничали с администрацией лагерей. В статье обосновывается вывод, согласно которому межведомственное взаимодействие способствовало созданию устойчивой системы проверки репатриантов, обеспечению безопасности советских военнопленных и интернированных в период репатриации, распределению репатриантов для решения экономических задач советского государства.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, СССР, Финляндия, Союзная контрольная комиссия, НКВД, репатриация

Для цитирования: Хорошев, А. А. Взаимодействие органов НКВД и репатриации в организации возвращения советских граждан из Финляндии в 1944–1955 годах / А. А. Хорошев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 48–56. – DOI 10.37482/2687-1505-V403.

© Хорошев А.А., 2025

Original article

Cooperation Between the NKVD and Repatriation Authorities in Organizing the Return of Soviet Citizens from Finland in 1944–1955

Anatoliy A. Khoroshev

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,

e-mail: anatliij-khrshev@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5111-021X>

Abstract. The research is based on the analysis of archival documents, most of which have not been introduced into academic discourse. The article examines the activities of the Office of the Commissioner of the Council of People's Commissars of the USSR for the Repatriation of Soviet Citizens (established in 1944) that worked together with the People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD), People's Commissariat for State Security and the Chief Counterintelligence Directorate *Smersh*. These agencies had their own areas of responsibility, which sometimes came into conflict with each other. The materials on the organization of repatriation from Finland to the Soviet Union between 1944 and 1955 shed some light on the interdepartmental interaction, development of relevant instructions, and departmental coordination in unforeseen situations, which ultimately ensured the successful repatriation of no less than 100 thousand Soviet citizens and prisoners of war. The most important aspects that influenced the course of repatriation are highlighted, including the delineation of interdepartmental powers, the identification of criminals among the repatriates, and the search for escaped prisoners of war. Resolutions of the State Defence Committee and regulatory documents of the NKVD that were adopted and approved during the war and post-war period formed the basis for the process of repatriation of Soviet citizens, including from Finland. The study established that some Soviet citizens fought on the Finnish side as part of the 3rd and 6th divisions. In addition, some prisoners of war were engaged in counterintelligence and collaborated with the administration of the Finnish camps. The author substantiates his conclusion that interdepartmental cooperation made it possible to create a stable verification system for repatriates, ensure the safety of Soviet prisoners of war and internees during the period of repatriation, and distribute repatriates across the country to solve the economic problems of the Soviet state.

Keywords: *World War II, Great Patriotic War, USSR, Finland, Allied Control Commission, NKVD, repatriation*

For citation: Khoroshev A.A. Cooperation Between the NKVD and Repatriation Authorities in Organizing the Return of Soviet Citizens from Finland in 1944–1955. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 48–56. DOI: 10.37482/2687-1505-V403

После окончания войны между Финляндией и Советским Союзом 19 сентября 1944 года было заключено Московское перемирие. В соответствии с подписанным соглашением о перемирии финская сторона должна была передать всех военнопленных, а также интернированных советских граждан Союзной контрольной комиссии (СКК), которая напрямую

согласовывала свою деятельность с Управлением уполномоченного Совета народных комиссаров СССР (СНК) по делам репатриации советских граждан. Ожидалась репатриация не менее 100 тыс. советских граждан [1, с. 213]. Для организации столь масштабной операции в СССР были задействованы огромные ресурсы и практически все государственные структуры.

Указанная тема не получила должного освещения в литературе. В отечественной историографии есть несколько работ, в частности В.И. Мусаева [2], Г.И. Большаковой [3–4] и А.В. Филимонова [5], посвященных общим вопросам репатриации советских военнопленных и интернированных граждан из Финляндии.

Более обстоятельно проблема советских военнопленных и интернированных изучалась за рубежом, в первую очередь в Финляндии. Детально проблема о перемещении ингерманландцев освещена в монографии П. Невалайнен [6].

В 2007 году в Финляндии был поддержан исследовательский проект «Домой в изгнание» («Kotiin karkotettavaksi»), в рамках которого были собраны материалы, касающиеся перемещенных во время войны в Финляндию ингерманландских финнов, ижорцев и води, изучены обстоятельства их возвращения в СССР. В процессе реализации проекта были опубликованы переведенные на русский язык монографии Т. Флинка [7], Ю. Пеккаринена и Ю. Похьонена [8]. Процессу репатриации интернированных посвящено исследование Р. Раутайоки, в котором рассматривается пребывание советских переселенных граждан в приемных и карантинных лагерях Финляндии [9].

Однако эти работы носят общий характер и не раскрывают отдельные проблемы репатриации, в т. ч. роль Народного комиссариата внутренних дел СССР (НКВД), Народного комиссариата государственной безопасности СССР (НКГБ), Главного управления контрразведки «Смерш» Народного комиссариата обороны СССР (Смерш) в репатриационном процессе.

Автор настоящего исследования опирался на принципы историзма, объективности, всесторонности, системности и междисциплинарности научного анализа. В статье использовались историко-сравнительный метод и причинно-следственный анализ. Взаимодействие органов НКВД и Управления уполномоченного СНК по

делам репатриации по вопросу возвращения советских граждан из Финляндии в 1944–1955 годах ранее не являлось предметом исследования, что и определяет новизну данной работы.

Как известно, с выходом Красной армии на государственную границу Советского Союза и началом освобождения стран Восточной Европы перед руководством СССР встали новые задачи, одной из которых стала репатриация советских военнопленных, интернированных и других категорий граждан СССР. Проблема возвращения советских граждан приобрела особую актуальность летом–осенью 1944 года, когда из Белоруссии, Западной Украины, Польши и Прибалтики возник стихийный поток репатриантов.

Для решения вопроса репатриации 4 октября 1944 года было создано Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан, которое возглавил начальник Главного управления кадров Народного комиссариата обороны (НКО) генерал-полковник Ф.И. Голиков – военный дипломат, разведчик, доверенное лицо И. Сталина. К работе уполномоченного были подключены НКВД, НКГБ и Смерш. Необходимо было создать правовую и нормативную базу для их совместной деятельности, определить сферы ответственности, разграничить функции. Эти задачи относились и к организации репатриации советских граждан из Финляндии, выведенной из войны.

Порядок возвращения советских военнопленных из Финляндии в СССР согласовывался с органами НКВД с октября по ноябрь 1944 года. Уже на второй день после создания Управления уполномоченного СНК СССР в постановлении от 4 ноября 1944 года было предложено¹:

а) военнопленных рядового и сержантского состава в количестве 46 тыс. чел., находившихся в лагерях НКВД и работавших в промышленности, закрепить на работах и по мере окончания проверки оставлять в трудовых кадрах

¹О проверке НКВД всех военнопленных, освобожденных Красной и союзными армиями на предмет сотрудничества с немцами: постановление ГКО от 4 нояб. 1944 г. // ГАРФ (Гос. арх. Рос. Федерации). Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 7. Л. 5–6.

промышленности; военнопленных рядового и сержантского состава, прибывавших из Финляндии, на этих же основаниях направлять в спецлагеря НКВД для проверки;

б) военнопленных офицеров, как находившихся в лагерях, так и прибывавших из Финляндии, после проверки в спецлагерях направить на формирование штурмовых батальонов;

в) всех военнопленных, которые будут поступать в дальнейшем из освобождаемых советскими и союзными войсками районов, за исключением служивших в немецкой армии и «власовцев», направлять в специальные запасные части военных округов по назначению Главного управления формирования и укомплектования Красной армии (Главупраформ); поручить органам Смерш в запасных частях проверить их в течение 1–2 месяцев и после проверки направлять лиц, не вызвавших подозрений, на пополнение войск фронтов, а лиц, вызвавших подозрения, направить в лагеря НКВД для дальнейшей проверки.

Процесс распределения межведомственных полномочий в рамках подготовки проекта постановления Государственного комитета обороны (ГКО) потребовал решения важнейших вопросов и устранения в документах ряда противоречивых положений, которые генерал Ф.И. Голиков изложил в письме на имя своего заместителя². В письме, в частности, обращалось внимание на:

а) разграничение обязанностей Управления уполномоченного СНК по делам репатриации советских граждан с органами НКВД;

б) проблему охраны бывших военнопленных в местах приема из-за границы и при сопровождении в специальные запасные части Главупраформа;

в) необходимость направления советских граждан, прибывавших на Родину, годных к физическому труду, по нарядам Госплана СССР для работы на промышленные предприятия.

В течение нескольких недель эти проблемы были решены.

Принятое 15 ноября 1944 года постановление ГКО определяло следующий порядок возвращения советских перемещенных лиц:

а) военнослужащих, находившихся в плену, направлять в армейские сборно-пересыльные пункты (СПП) действующих фронтов; после проверки установленным порядком лиц, не вызвавших подозрений, передавать в армейские и фронтовые запасные части;

б) остальных граждан передавать во фронтовые СПП, откуда после проверки военнообязанных призывных возрастов, не вызвавших подозрений и признанных годными к строевой службе в Красной армии, передавать во фронтовые запасные части; военнообязанных, не годных к военной службе, лиц непризывных возрастов и женщин после проверки отправлять организованно на Родину;

в) детей, потерявших родителей, направлять в детские приемники-распределители НКВД, детские ясли и детские дома, организованные Народным комиссариатом здравоохранения и Народным комиссариатом просвещения;

г) лиц, вызвавших подозрения и требовавших дальнейшей проверки, передавать в спецлагеря НКВД СССР.

Советских граждан, освобожденных союзными войсками, при возвращении на Родину предписывалось направлять:

а) военнослужащих, находившихся в плену, и военнообязанных призывных возрастов – в специальные запасные части Главупраформа. Организация приема в пункте высадки и дальнейшее сопровождение указанных лиц возлагались на Главупраформ;

б) остальных граждан – через проверочно-фильтрационные пункты (ПФП) НКВД на родину. Для принятия мер по размещению и оказанию помощи гражданам, направляемым к месту жительства, НКВД требовалось своевременно сообщать уполномоченному СНК по

²Письмо на имя заместителя уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-полковника И.В. Смоудинова (вопросы, предложенные генерал-полковником тов. Голиковым, для включения в проект постановления ГОКО) // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 8. Л. 1.

делам репатриации о числе граждан, отправляемых по областям из ПФП НКВД.

Для организованного приема, материально-санитарного обеспечения и дальнейшего направления репатриантов НКО необходимо было сформировать с отнесением содержания, обслуживания и материального обеспечения за счет НКО:

а) при действующих фронтах – отделы по делам репатриации и фронтовые СПП для приема и дальнейшего направления граждан;

б) при военных округах и в отдельных пунктах (например, в портах Мурманск, Баку) – СПП по мере необходимости, по указанию уполномоченного СНК по делам репатриации.

Отделы при фронтах и СПП в военных округах предписывалось подчинить военным советам фронтов и командующим военных округов соответственно, кроме того – уполномоченному СНК по делам репатриации.

Проверку репатриантов нужно было производить в следующие сроки:

а) военнослужащих, находившихся в плену, прибывавших в армейские СПП и спецчасти Главупраформа, сотрудникам Смерша необходимо проверить в течение 10–15 сут;

б) граждан, прибывавших во фронтовые СПП и ПФП НКВД, – в течение 5–10 сут³.

В постановлении ГКО от 15 декабря 1944 года порядок репатриации претерпел некоторые изменения. Служивших в немецкой армии и специальных строевых немецких формированиях «власовцев», полицейских и других лиц, вызывавших подозрение, направляли в спецлагеря НКВД. Остальные граждане следовали во фронтовые СПП, откуда после проверки военнообязанных призывных возрастов, не вызвавших подозрений и признанных годными к строевой службе в Красной армии, передавали во фронтовые запасные части. Военнообязанных, не годных к военной службе, лиц непризывных возрастов и женщин после проверки отправляли к месту

жительства. Всех граждан, как правило, направляли в места их постоянного жительства до угона в Германию, запретив проживание в Москве, Ленинграде и Киеве. Жителей пограничной полосы СССР к постоянному месту жительства отправляли только через пограничные ПФП⁴.

Указанные постановления ГКО легли в основу дальнейшего процесса репатриации советских граждан. На базе постановлений формировались подзаконные акты и инструкции, связанные с процессом репатриации и разграничением полномочий ведомств.

С окончанием Великой Отечественной войны начался второй этап репатриации из Финляндии, который приобрел большие масштабы и продолжался до 1955 года. Расширилась география деятельности уполномоченных, поскольку часть сбежавших пленных и военных преступников попыталась скрыться в соседних странах [6, с. 382].

Планируя репатриацию, советское руководство преследовало две основные цели: политическую (предотвращение формирования за рубежом оппозиции советской власти) и экономическую (возвращение на Родину необходимой стране рабочей силы). Еще в начале апреля 1945 года в Москве на секретном совещании в НКВД Л. Берия предупреждал его участников, которым предстояло руководить реализацией репатриационных соглашений, что они будут «иметь дело с людьми, изменившими Родине, и в этом отношении нет разницы между пленными, вывезенными или уехавшими добровольно» [10, с. 84]. Следовало вернуть их всех, поскольку «каждый из них, оставшись в руках противников СССР, может принести больше вреда, чем тысяча вредителей внутри страны» [11, с. 34–50].

К 20 июля 1945 года из общего количества в 5,5 млн угнанных врагом и захваченных в плен советских граждан было репатриировано 4 303 403 чел.⁵ Из них 1 230 521 чел. бывших

³Постановление ГКО от 15 нояб. 1944 г. // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 8. Л. 5–7.

⁴Постановление ГОКО от 15 дек. 1944 г. // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 8. Л. 14–18.

⁵Переписка по планам перевозок репатриантов. Докладные записки на имя секретаря ЦК ВКП(б) // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 119. Л. 18–23.

военнопленных и репатрированных призывного возраста были переданы в запасные части фронтов, групп войск и Главупраформа. В спецлагеря НКВД было отправлено 250 437 чел., к месту постоянного жительства – 1 428 427 чел. На демонтаж оборудования немецких предприятий в марте–июле 1945 года доставлено 55 тыс. чел.⁶ Таким образом, основная масса репатриантов проходила проверку и фильтрацию во фронтовых и армейских лагерях, СПП НКО и ПФП НКВД, часть военнопленных – в запасных воинских частях. Выявленные преступники и «внушавшие подозрение» обычно направлялись для более тщательной проверки в спецлагеря НКВД, переименованные в феврале 1945 года в проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ) НКВД, а также в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) Главного управления исправительно-трудовых лагерей. Лица, проходившие проверку и фильтрацию в лагерях, СПП и запасных частях НКО, ПФП НКВД, в отличие от направленных в ПФЛ и ИТЛ не являлись спецконтингентом НКВД. Большинство репатриантов, переданных в распоряжение НКВД (спецконтингент), составляли лица, запятнавшие себя прямым сотрудничеством с врагом и подлежавшие самому суровому наказанию, вплоть до смертной казни. Однако на практике они чаще всего «отдельвались» 6-летним сроком ссылки и не привлекались к уголовной ответственности [12, с. 314–357].

Побеги военнопленных стали еще одной проблемой для СКК с самого начала репатриации из Финляндии. Уже с октября 1944 года СКК начала фиксировать подобные случаи и передавать информацию органам НКВД. Сообщалось, например, что с одного из рейсов на пути следования сбежало 43 чел., 12 из них были пойманы (7 карелов, 2 финна, 1 поляк, 1 русский и 1 украинец). С каждым из них были

проведены беседы, в результате чего установлено, что бежавшие являлись «враждебными элементами», которые служили в финской армии или были провокаторами. Среди них оказался некий Лукин, бывший кандидат в члены партии, служивший художником в Выборгском доме культуры в Ленинграде. Всех задержанных 27 октября передали сотрудникам НКВД, но на пути следования два офицера – лейтенант Рябитва и лейтенант Щеголев – сбежали, были задержаны и снова сбежали⁷.

СКК также удалось выяснить, что в финской армии из советских военнопленных были сформированы воинские части в составе не менее 640 чел., которые воевали против Красной армии, а после заключения перемирия обернули свое оружие против немцев в Лапландии на финской стороне. Представители СССР потребовали немедленно передать их советской администрации. Один из батальонов был снят с фронта и направлен в лагерь для передачи в Советский Союз. 9 и 10 ноября 324 солдата этого батальона были переданы СКК. Остальные по списку советской стороны были объявлены в розыск финскими властями. К весне 1951 года в Советский Союз было дополнительно доставлено еще 649 бывших солдат 3-го добровольческого (финского) батальона, большинство из которых успело скрыться на территории Швеции. Более сложной оказалась репатриация бойцов 6-го отдельного батальона, в основном состоявшего из ингерманландцев. Они прибыли в Финляндию в качестве добровольцев в 1943 году и были уволены со службы в обычном порядке в конце сентября 1944 года. Финны не видели причин для их репатриации. Однако генерал-лейтенант Г.М. Савоненков, представитель СССР в СКК, 12 июня 1945 года обратился к премьер-министру Мауно Пеккале с требованием принять

⁶Переписка по планам перевозок репатриантов. Докладные записки на имя секретаря ЦК ВКП(б) // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 119. Л. 24.

⁷Донесение № 2 начальнику Управления кадров ГЛАВПУРККА тов. Пупышеву // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 10. Л. 72.

меры по репатриации этих людей в Советский Союз. В августе 1945 года министерство внутренних дел Финляндии издало приказ о начале розыска [6, с. 183–184]. В документе на имя начальника Смерша генерал-полковника В.С. Абакумова от 5 сентября 1945 года сообщалось, что, по сведениям генерал-лейтенанта Г.М. Савоненкова, в соответствии с требованием СКК от 15 августа 1945 года финские власти на 1 сентября 1945 года задержали 107 бывших советских военнопленных, служивших в 3-м и 6-м батальонах финской армии, и передали их 4 сентября 1945 года представителям СССР на ст. Нурми⁸. К маю 1953 года 187 чел. были репатриированы, 283 чел. вернулись добровольно. Всего в 6-м отдельном батальоне служило 729 чел., 217 из них скрылись, а остальные были убиты или пропали без вести [13, с. 185]. Поиски этих лиц продолжались как минимум до 1955 года, когда была проведена последняя репатриация.

Еще одним важным элементом репатриации советских военнопленных из Финляндии являлось возвращение лиц, служивших в финской контрразведке. Их розыском также занимались органы НКВД, НКГБ и Смерша во взаимодействии с СКК. Согласно докладной записке от 4 ноября 1946 года на имя заместителя уполномоченного СНК по делам репатриации генерал-лейтенанта К.Д. Голубева, несколько военнопленных было перевезено в Швецию. По данным финских властей, указанные в списке советские военнопленные, за исключением Л.Д. Лизунова и В.А. Брускова, были отправлены в октябре 1944 года в Швецию финской разведкой⁹. В публикации газеты «Хельсингин Саномат» от 31 октября 1946 года «Русских военнопленных осенью 1944 года отправляли в Швецию» были раскрыты все

детали этого дела: говорилось, что во время войны между Финляндией и Советским Союзом 1941–1944 годов русские солдаты попадали в плен к финнам и некоторая часть военнопленных обучалась в специальной школе при разведотделе главного штаба финской армии, после чего использовалась для военных целей против СССР¹⁰. Согласно 10-й статье Соглашения о перемирии от 19 сентября 1944 года, абсолютно всех военнопленных надлежало возвратить из Финляндии в Советский Союз. Вопреки соглашению, по просьбе полковника Рейно Хенрика Халламаа начальник разведотдела майор Юрье Палко скрывал нужных ему советских пленных, устраивая их на жительство в приходе Кэулие и его окрестностях на сельскохозяйственные работы. Кроме того, когда об этом узнал начальник контрразведывательной школы при главном штабе финской армии майор Пенти Каарло Кейно, он сам обратился к майору Палко с просьбой устроить 8–10 советских военнопленных – слушателей контрразведывательной школы – на сельскохозяйственные работы. С согласия полковника Халламаа майор Палко сделал это. В октябре 1944 года полковник Халламаа дал дополнительное распоряжение майору Палко и работнику разведотдела майору Августу Ерославу Лумпееелее об организации и направлении этих военнопленных в одно из низовых отделений Паатсалоо, входивших в 4-й отдельный батальон, дислоцировавшийся в Торнио. По прибытии советских военнопленных в Торнио командир батальона получил по телефону указание направить 37 чел. советских военнопленных в Швецию. Исполнителем выступил лейтенант Вилье-Калле Хирвенкари. Государственная полиция 16 октября 1946 года арестовала майора Палко, дело направили в Высший

⁸Начальнику Главного Управления контрразведки «СМЕРШ» генерал-полковнику тов. В.С. Абакумову от 5 сент. 1945 г. // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 66. Л. 1.

⁹Доклад заместителю Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации генерал-лейтенанту тов. Голубеву // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 273. Л. 310.

¹⁰Там же. Л. 311.

военный суд. Можно предположить, что о су- ровом приговоре в отношении майора было со- общено советской стороне, но вряд ли он понес какое-либо наказание.

Таким образом, в репатриации советских военнопленных и интернированных из Фин- ляндии можно выделить два хронологических периода: начальный – с октября 1944 по ян- варь 1945 года; завершающий – с января 1945 по 1955 год. Официально последний репатри- ант из Финляндии прибыл в СССР в 1955 году [13, с. 186]. Всего за эти годы в Советский Союз с финской стороны было доставлено 100 651 чел., в т. ч. 42 140 военнопленных и 68 511 переселенных граждан.

Большую часть репатриированных пере- везли с октября 1944 по январь 1945 года, когда сама система возвращения советских граждан из Финляндии находилась на стадии формирования. В этих условиях СКК во вза- имодействии с Управлением уполномо- ченного СНК по делам репатриации и органами НКВД провела огромную работу. В короткие сроки были созданы организационная струк-

тура и нормативно-правовая база для межве- домственного взаимодействия, распределены полномочия между ведомствами, участвовав- шими в репатриации.

Период с января 1945 по 1955 год был свя- зан с остаточным процессом репатриации воен- нопленных и интернированных из Финляндии. Налаженные действия ведомственных структур способствовали установлению лиц, не желавших возвращаться в СССР, большую часть которых со- ставляли коллаборационисты, воевавшие на сто- роне Финляндии. Во взаимодействии с финлянд- ской администрацией было выявлено более 1 тыс. бывших советских граждан, воевавших в соста- ве 3-го и 6-го отдельных (финских) батальонов. Процесс их поиска и репатриации затянулся, по- скольку многие успели выехать в Швецию, а в от- ношении ингерманландцев, составлявших основу 6-го батальона, финские власти заняли неодно- значную позицию, считая их своими гражданами [13, с. 185]. В результате совместной работы ди- пломатических служб и ведомств, уполномо- ченных на проведение репатриации, к 1955 году в СССР удалось вернуть еще 1 119 чел.

Список литературы

1. *Kauppalä P.* Sent, Returned, and Repatriated from Finland to the Soviet Union: The Logic, Tragedy and the Humanity of Fate // Prisoners of War Deaths and People Handed over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives / ed. by L. Westerlund. Helsinki: Kansallisarkisto, 2008. P. 212–237.
2. *Мусаев В.И.* Советско-финляндское перемирие и судьба советских перемещенных лиц (1944–1945 гг.) // От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944: сб. ст. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 416–424.
3. *Большакова Г.И.* Деятельность органов репатриации по возвращению на родину советских граждан и воен- нопленных из Финляндии в послевоенный период (1944–1953 гг.) // Наука и современность. 2014. № 34. С. 24–29.
4. *Большакова Г.И.* Начальный период массовой репатриации гражданского населения и военнопленных из Финляндии (1944–1946 гг.) // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. тео- рии и практики. 2018. № 3(89). С. 14–19. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-3.2>
5. *Филимонов А.В.* Репатрианты в Псковской области в первые послевоенные годы (1944–1949) // Метамор- фозы истории: науч. альм. 2017. Вып. 9. С. 234–257.
6. *Nevalainen P.* Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. Helsinki: Otava, 1989. 445 s.
7. *Флинк Т.* Домой в ссылку: депортация ингерманландских переселенцев из Финляндии в Советский Союз, 1944–1955 гг. / пер. с фин. Я. Лапатка. СПб., 2011. 390 с.
8. *Пеккаринен Ю., Похьонен Ю.* Пощады не будет: передача военнопленных и беженцев из Финляндии в СССР, 1944–1981. М., 2010. 302 с.
9. *Rautajoki R.* Vaitettu vaellus. Inkeriläisten leirit 1942–1944. Turku: Siirtolaisuusinstituutti, 2020. 202 s.
10. *Нитобург Э.Л.* У истоков русской диаспоры в США: Третья волна // США – Канада: Экономика. Поли- тика. Культура. 1999. № 1. С. 84–95.

11. *Нумбург Э.Л.* Русские «перемещенные лица» в США: история и судьбы // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 34–50.

12. *Земсков В.Н.* Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952. М.: Ин-т рос. истории РАН: Центр гуманит. инициатив, 2016. 424 с.

13. *Pohjonen J.* Soviet Demands for Repatriations from Finland Between 1944 and 1955 // Prisoners of War Deaths and People Handed over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives / ed. by L. Westerlund. Helsinki: Kansallisarkisto, 2008. P. 180–211.

References

1. Kauppala P. Sent, Returned, and Repatriated from Finland to the Soviet Union: The Logic, Tragedy and the Humanity of Fate. Westerlund L. (ed.). *Prisoners of War Deaths and People Handed over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives.* Helsinki, 2008, pp. 212–237.

2. Musaev V.I. Sovetsko-finlyandskoe peremir'e i sud'ba sovet'skikh peremeshchennykh lits (1944–1945 gg.) [The Moscow Armistice and the Fate of Soviet Displaced Persons (1944–1945)]. *Ot voyny k miru: SSSR i Finlyandiya v 1939–1944* [From War to Peace: The Soviet Union and Finland in 1939–1944]. St. Petersburg, 2006, pp. 416–424.

3. Bol'shakova G.I. Deyatel'nost' organov repatriatsii po vozvrashcheniyu na roдину sovet'skikh grazhdan i voennoplennykh iz Finlyandii v poslevoennyy period (1944–1953 gg.) [The Work of Repatriation Authorities on Returning Soviet Citizens and Prisoners of War from Finland to Their Homeland in the Post-War Period (1944–1953)]. *Nauka i sovremennost'*, 2014, no. 34, pp. 24–29.

4. Bol'shakova G.I. Nachal'nyy period massovoy repatriatsii grazhdanskogo naseleniya i voennoplennykh iz Finlyandii (1944–1946 gg.) [The Initial Period of Mass Repatriation of Civilian Population and Prisoners of War from Finland (1944–1946)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, no. 3, pp. 14–19. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-3.2>

5. Filimonov A.V. Repatrianty v Pskovskoy oblasti v pervye poslevoennyye gody (1944–1949) [Repatriates in the Pskov Region in the Early Postwar Years (1944–1949)]. *Metamorfozy istorii: nauchnyy al'manakh*, 2017, no. 9, pp. 234–257.

6. Nevalainen P. *Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla.* Helsinki, 1989. 445 p.

7. Flink T. *Kotiin karkotettavaksi: inkeriläisen siirtoväen palautukset Suomesta Neuvostoliittoon vuosina 1944–1955.* Helsinki, 2010. 320 p. (Russ. ed.: Flink T. *Domoy v slylku: deportatsiya ingermanlandskikh pereselentsev iz Finlyandii v Sovetskiy Soyuz, 1944–1955 gg.* St. Petersburg, 2011. 390 p.).

8. Pekkarinen J., Pohjonen J. *Ei armoa Suomen selkänahasta: Ihmisluovutukset Neuvostoliittoon 1944–1981.* Helsinki, 2005. 352 p. (Russ. ed.: Pekkarinen Yu., Pokh'onen Yu. *Poshchady ne budet: peredacha voennoplennykh i bezhentshev iz Finlyandii v SSSR, 1944–1981.* Moscow, 2010. 302 p.).

9. Rautajoki R. *Vaiettu vaellus. Inkeriläisten leirit 1942–1944.* Turku, 2020. 202 p.

10. Nitoburg E.L. U istokov russkoy diasporы v SShA: Tret'ya volna [The Dawn of the Russian Diaspora in the USA: The Third Wave]. *SShA – Kanada: Ekonomika. Politika. Kul'tura*, 1999, no. 1, pp. 84–95.

11. Nitoburg E.L. Russkie “peremeshchennyye litsa” v SShA: istoriya i sud'by [Russian “Displaced Persons” in the USA: History and Destinies]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2001, no. 4, pp. 34–50.

12. Zemskov V.N. *Vozvrashchenie sovet'skikh peremeshchennykh lits v SSSR. 1944–1952* [The Return of Soviet Displaced Persons to the USSR. 1944–1952]. Moscow, 2016. 424 p.

13. Pohjonen J. Soviet Demands for Repatriations from Finland Between 1944 and 1955. Westerlund L. (ed.). *Prisoners of War Deaths and People Handed over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives.* Helsinki, 2008, pp. 180–211.

Информация об авторе

А.А. Хорошев – аспирант кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17).

Information about the author

Anatoliy A. Khoroshev, Postgraduate Student, Russian History Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 19.09.2024

Одобрена после рецензирования 22.12.2024

Принята к публикации 25.12.2024

Submitted 19 September 2024

Approved after reviewing 22 December 2024

Accepted for publication 25 December 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 1. С. 57–67.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 57–67.

Научная статья
УДК 94(47).072+94(47).073(470.55/.58)
DOI: 10.37482/2687-1505-V404

Барщина в помещичьих имениях Южно-Уральского региона России в первой половине XIX века

Рашит Бадретдинович Шайхисламов

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

e-mail: shrb2007@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6500-8343>

Аннотация. Исследование посвящено барщине в помещичьих имениях Южного Урала дореформенной России (в административно-территориальном делении первой половины XIX века – Оренбургской губернии). Показано, что в дореформенное время XIX века в большинстве помещичьих имений Южно-Уральского региона господствующей формой повинности была барщина: более 85 % помещичьих крестьян края исполняли в пользу своих господ именно этот вид повинности. На базе материалов фондов Российского государственного архива древних актов, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного исторического архива, отдела письменных источников Государственного исторического музея, а также документов 2-го и 3-го томов трудов Редакционных комиссий 1860 года в статье анализируются причины доминирующей роли барщины в помещичьих имениях края (относительное многоземелье колонизируемого региона, узость рынка свободной рабочей силы, хозяйственные соображения помещиков, экономические возможности крестьянских хозяйств и др.). Автор определяет динамику интенсивности барщины в течение первой половины XIX века. Для характеристики барщины проведены расчет рабочего времени барщинных крестьян, а также анализ стоимости барщинных работ крестьян, позволившие выявить соответствие барщины размеру оброка, выплачиваемого оброчными крестьянами данной местности. Отмечается, что по сравнению с помещичьими имениями других регионов России душевая норма барщины здесь была в целом относительно невысокой в силу специфических особенностей преимущественно земледельческого края. Подчеркивается перспективность дальнейшего изучения проблемы, поскольку информационные возможности специального анализа института барщины на региональном уровне еще далеко не исчерпаны.

Ключевые слова: Южный Урал, помещичьи имения, крестьянские повинности, барщина, оброк, дореформенная Россия, крепостное право

Для цитирования: Шайхисламов, Р. Б. Барщина в помещичьих имениях Южно-Уральского региона России в первой половине XIX века / Р. Б. Шайхисламов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 57-67. – DOI 10.37482/2687-1505-V404.

Original article

Corvée in the Landlord Estates of the Southern Urals in Russia in the First Half of the 19th Century

Rashit B. Shaikhislamov

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia,

e-mail: sshrb2007@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6500-8343>

Abstract. The study dwells on the *barshchina* (corvée) in the landlord estates of the Southern Urals (in the first half of the 19th century, part of the Orenburg Province) in pre-reform Russia. It is shown that during the pre-reform period in the 19th century, the majority of landlord estates of the Southern Urals had corvée as the dominant form of obligations: over 85 % of the landlord peasants in the region performed this type of obligation for their masters. Based on archival materials from the Russian State Archives of Ancient Documents, Russian State Military Historical Archives, Russian State Historical Archives, Department of Written Sources of the State Historical Museum, as well as documents from volumes 2 and 3 of the Proceedings of the Drafting Commissions of 1860, the article analyses the reasons behind the dominant role of corvée in the landlord estates of the Southern Urals (relative abundance of land in the colonized region, tight market of free workers, economic considerations of landlords, economic capacity of peasant farms, etc.). The author determines the dynamics of the intensity of corvée during the first half of the 19th century. To characterize corvée, the working time of corvée peasants as well as the monetary value of their corvée labour were calculated, which made it possible to contrast corvée with the *obrok* (quitrent) that had been paid by the quitrent peasants in this area. It is noted that, compared to the landlord estates of other Russian regions, per capita corvée in the Southern Urals was generally relatively low due to the specifics of this predominantly agricultural region. It is emphasized that further research into the problem appears promising, since the potential for studying the institution of corvée labour at a regional level is far from being exhausted.

Keywords: Southern Urals, landlord estates, peasant obligations, *barshchina*, *obrok*, pre-reform Russia, *serfdom*

For citation: Shaikhislamov R.B. Corvée in the Landlord Estates of the Southern Urals in Russia in the First Half of the 19th Century. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 57–67. DOI: 10.37482/2687-1505-V404

Введение. Важным этапом в истории России является период крепостничества и связанная с ним барщинная повинность крестьян, получившая законодательную санкцию и просуществовавшая в стране достаточно долго. Подавляющее число частновладельческих крестьян России накануне отмены крепостного права состояло на барщине. Обязанность эта заключалась в обработке крестьянами (личным инвентарем и определенное количество дней в неделю) предоставленной в их пользование части помещичьей

земли. Барщина существенно отличается от оброка (уплаты крестьянами повинности деньгами или естественными произведениями труда) и подлежит критической оценке лишь в сравнении с ним.

Барщина, являвшаяся в дореформенной России одной из ведущих форм хозяйствования в помещичьих имениях, поглощала довольно-таки много рабочего времени земледельцев и оказывала сильное воздействие на экономическое развитие страны. Последствия барщины и

ее влияние на экономическое развитие страны далеко не однозначно оцениваются учеными, что показала развернувшаяся в свое время в отечественной историографии дискуссия об этой крестьянской повинности. Указанная тема до сих пор остается недостаточно изученной как в масштабах всей страны, так и в рамках отдельных регионов, что определяет важность ее исследования и актуальность. Следовательно, региональный аспект проблемы представляет не частный, а общий интерес. Целью настоящей статьи являются рассмотрение барщинной повинности и степени барщинной эксплуатации крепостных в помещичьих имениях Южно-Уральского региона дореформенной России, определение того, насколько барщина была обременительной для крепостной деревни и насколько соответствовала производственным возможностям крестьянских хозяйств. Отсутствие специальных исследований по данной проблеме обуславливает новизну настоящей работы. Ее результаты могут применяться при решении значимых научно-практических задач.

Обзор литературы. Аграрная история, история российской крепостной деревни дореформенного периода являются одними из важных проблем отечественной историографии. При этом видное место в изучении крепостной деревни занимали и продолжают занимать вопросы о наделах и повинностях крестьян, о соотношении оброка и барщины, об интенсивности барщинной эксплуатации крестьян.

В дореволюционной историографии специальные работы о барщине отсутствуют, однако барщинная деревня и барщинная эксплуатация крестьян дореформенного периода XIX века в целом получили некоторое освещение в фундаментальных исследованиях по аграрному и крестьянскому вопросам А.П. Заблоцкого-Десятовского, А. Скребицкого, В.И. Семевского, И.И. Игнатовича, П.Б. Струве [1–5] и др. В подготовленной в 1841 году после поездки по внутренним губерниям России записке А.П. Заблоцкого-Десятовского «О крепостном состоянии в России» характеризуются основные

категории частновладельческих крестьян, приводятся сведения о количестве земли, обрабатываемой крестьянами для помещика, порядке отправления барщины, барщине у мелкопоместных владельцев [1]. А. Скребицкий на основании сведений, собранных дворянскими губернскими комитетами и комитетами о земских повинностях накануне отмены крепостного права, определил количество различных категорий частновладельческих крестьян по 43 губерниям, а также размер повинностей оброчных и барщинных крестьян [2]. Российский историк второй половины XIX века В.И. Семевский в своих исследованиях особое внимание уделял источникам доходов крестьян и размерам повинностей крепостных (соотношению оброка и барщины) в губерниях дореформенной России [3]. Обширный фактический материал по хозяйству, быту, повинностям крепостных крестьян в XVIII–XIX веках представлен в изданной в 1902 году и переизданной в 1910 и 1925 годах монографии И.И. Игнатовича, который на основании данных, помещенных в трудах Редакционных комиссий, рассчитал процентные соотношения барщинных и оброчных крестьян по великороссийским губерниям предреформенного периода [4, с. 73]. Известный исследователь крепостного хозяйства П.Б. Струве подчеркивал положительное экономическое значение барщины [5, с. 139–140]. В библиографическом труде В.И. Межова описаны публикации материалов второй половины XVIII – первой половины XIX века по вопросу о свободном (наемном) и обязательном (барщинном) труде, позволяющие ознакомиться со свидетельствами современников о позитивном и негативном свойствах барщины [6]. Фундаментальные труды, монографии, статьи по аграрной истории России крепостной эпохи, проблемам развития крепостного хозяйства и, соответственно, барщинной эксплуатации крепостного населения выпущены в советский период [7–9].

В связи с разработкой в отечественной историографии с середины XX века проблемы разложения и кризиса феодально-крепостни-

ческой системы хозяйства и генезиса капитализма в России тезис об исчерпанности возможностей развития производства на основе крепостнических отношений выдвигался на первый план. Положение о постоянном увеличении интенсивности барщинной эксплуатации крестьян в крепостную эпоху, неэффективности результатов данного вида труда для развития хозяйства и констатации на этих основаниях кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства становится доминирующим в отечественной историографии. Возрастание интенсивности оброчной и барщинной повинности крестьян в первой половине XIX века в различных регионах страны рассмотрено в исследованиях Е.И. Индовой, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милова, Г.Т. Рябкова, В.А. Федорова и некоторых других авторов, аргументировавших, что сокращение хозяйственного потенциала крестьянских хозяйств в немалой степени обусловлено тяжестью барщины и оброка [8–13]. В постсоветское время лишь изредка появляются работы по данной проблематике.

В настоящее время интерес к аграрным вопросам, различным аспектам социально-экономического положения крестьянского населения крепостной эпохи вновь возрастает в отечественной исторической науке [14–18]. В связи с этим можно отметить две монографии автора данной статьи о крестьянстве изучаемого региона в крепостную эпоху, в которых наряду с другими категориями крестьян рассмотрено социально-экономическое положение частновладельческих крестьян во всей его сложности, противоречивости и многообразии [19; 20, с. 135–151].

Изменившаяся методологическая ситуация позволяет на новом уровне изучать многие вопросы истории крестьянства России, по-новому взглянуть на, казалось бы, безоговорочные постулаты. В ряде исследований подчеркивается недостаточность простой констатации роста барской запашки и увеличения барщины в качестве вывода об их тяжести для крестьянских хозяйств [21–22]. Так, специалист

по аграрной истории XIX века Л.М. Рянский, используя выборку из нескольких помещичьих имений Черноземного региона, высказался об удовлетворительном уровне жизни крепостных крестьян в середине XIX века и выступил за пересмотр традиционных взглядов о положении барщинных крестьян России [23]. Необоснованность такого подхода к проблеме доказывал в дискуссионной статье С.А. Нефедов, показавший нерепрезентативность выборки (всего из 59 помещичьих имений) Л.М. Рянского и невозможность распространения его выводов на значительные территории [21]. Заметным явлением в отечественной историографии стал выход трехтомного труда Б.Н. Миронова, в котором ученый заключал, что в XVIII–XIX веках строгий надзор в помещичьих имениях обеспечивал большую отдачу крестьянского труда и труд крепостных, состоявших на барщине, был производительнее труда оброчных, а также государственных крестьян [24, с. 62–73]. Этот вывод Б.Н. Миронова подверг критике М.Д. Карпачев [25, с. 218–225], а также М.Д. Карпачев и Ю.А. Тихонов в своих выступлениях на круглом столе «Российский старый порядок: опыт исторического синтеза» [26, с. 74, 83–84].

Следовательно, тезис об увеличении барщины и ее тяжести для крестьянских хозяйств, вопросы о производительности этого вида труда вновь становятся дискуссионными и рассмотрение аргументов, используемых при доказательстве тех или иных положений, связанных с данной проблемой, приобретает особый интерес в современной отечественной историографии. В связи с этим специальный анализ института барщины на региональном уровне открывает перспективы для более детального изучения не только эффективности или неэффективности результатов барщинного труда крестьян для развития хозяйства дореформенной России, но и вопроса об исчерпанности или неисчерпанности возможностей развития производства на основе крепостнических отношений.

Материалы и методы. Источниковой базой настоящего исследования являются в пер-

вую очередь материалы из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА), отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), а также материалы двух томов 6-томника «Приложения к трудам Редакционных комиссий, для составления Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях» 1860 года, содержащих сведения за XIX век о размерах барской запашки, рабочем времени барщинных крестьян, по которым можно судить об интенсивности барщинной эксплуатации крестьян¹. Методологически исследование базируется на принципах историзма и объективности, в ходе подготовки статьи применялись методы выявления, обработки данных, изучения, анализа, синтеза архивных документов, их сравнение, систематизация, интерпретация и др.

Результаты. Как и в других земледельческих регионах страны, значительное большинство помещичьих крестьян Южного Урала и в начале XIX века, и в середине столетия исполняло барщинную повинность. По сведениям А. Скребицкого, использовавшего материалы Редакционных комиссий, 85,2 % помещичьих крестьян края накануне реформы состояли на барщине, а 14,8 % – на оброке [2, с. 1262–1265]. По данным Редакционных комиссий, в конце 1850-х годов половина оброчных крестьян проживала в селениях, расположенных на территории имений помещиков Бирского, Мензелинского и Троицкого уездов. При помещичьих

имениях Оренбургской губернии зафиксированы лишь 1784 ревизские души, числившиеся оброчными крестьянами. При этом 36,2 % из них относились преимущественно к селениям, принадлежавшим крупнопоместным помещикам². Остальные 63,8 % проживали в основном в деревнях, размещенных на территории владений мелкопоместных и среднепоместных дворян, где применялись и барщинная, и оброчная форма эксплуатации крепостных. Фактически оброчную повинность несли проживавшая в барщинных имениях часть так называемых издельных крестьян, некоторые дворовые, наделенные землей³ [23, с. 5–15].

Факторы различного рода (хозяйственные соображения и воля самих помещиков; сложившаяся в регионе их прежнего местожительства традиция в эксплуатации крестьян и привнесенная на вновь приобретенные ими имения; экономические возможности крестьянских хозяйств и т. д.) способствовали преобладанию барщинной повинности крестьян в помещичьих хозяйствах края. Но главной причиной были специфические особенности Оренбургской губернии как преимущественно сельскохозяйственного региона. Здесь в начале XIX века, в условиях относительного обилия угодий и наличия в некоторых помещичьих имениях чрезмерного количества земли, необходимой для предоставления в надел крестьянам, барщинный труд все еще был продуктивным, в то время как многие помещичьи хозяйства Южного Урала находились на стадии формирования и адаптации к местным условиям, а крестьяне в силу отмеченных причин во многих имениях пахали для себя больше,

¹Приложения к трудам Редакционных комиссий, для составления Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях: в 6 т. Т. 2. Извлечения из описаний имений по великороссийским губерниям: [губернии: Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Оренбургская, Орловская, Пензенская]. СПб.: Комис. для сост. положений о крестьянах, 1860. 364 с.; Т. 3. Извлечения из описаний имений по великороссийским губерниям: [губернии: Псковская, Рязанская, Самарская, Саратовская, С.-Петербургская, Симбирская, Тамбовская]. СПб.: Комис. для сост. положений о крестьянах, 1860. 334 с.

²Приложения к трудам Редакционных комиссий... Т. 2. С. 7, 9, 17.

³Там же. С. 3–17.

чем на господской пашне. С расширением господского хозяйства и ростом спроса на хлеб, в отсутствие свободного рынка труда барщина с ее дешевым, почти даровым для помещиков трудом оставалась, как и прежде, более прибыльной, чем оброк [19, с. 106–107]. Исследователи на примерах центральных промышленных регионов и северо-западной части России выявили, что широкое применение оброчной формы повинности возможно при наличии достаточно развитой торгово-промышленной деятельности крестьян и рынка труда [8, с. 61–62; 9; 19]. На Южном Урале эти процессы в характеризующий период времени довольно интенсивно развивались [20, с. 145–147], но не в столь значительных масштабах, как в упомянутых регионах. Оброчная форма повинности крестьян не всегда была выгодна помещикам и не всегда вела к улучшению экономического положения самих крестьян, если иметь в виду, в частности, отсутствие или недостаточное развитие перечисленных условий. Следует также отметить, что при росте товарного производства в течение первой половины XIX века экономическое значение преобладающей формы повинности крестьян региона – барщины – видоизменилось: она трансформировалась из источника удовлетворения потребностей только вотчины в инструмент извлечения помещиками денежного дохода от результатов натурального труда своих крепостных.

При рассмотрении поднятой нами проблемы крайне важен анализ динамики барщинных работ. Так как прямых данных нет, исследователи вынуждены использовать косвенные показатели и приблизительные расчеты. Применительно к центральным губерниям России аналогичные расчеты пашенной барщины (в десятинах на одну душу мужского пола) в свое время были сделаны И.Д. Ковальченко. В результате такой обработки данных он выявил, что степень барщинной эксплуатации по-

мещичьих крестьян в этих губерниях возросла в течение первой половины XIX века примерно на 65 % [8, с. 277, 279]. Метод расчетов И.Д. Ковальченко общепризнан в нашей исторической науке – применим его и мы.

Описание барщинных повинностей крестьян региона в 1800 году оставил губернский предводитель дворянства Н.М. Булгаков: «...вообще все помещики, живущие в Оренбургской губернии, имеют своих крестьян на пашне, кои обрабатывают земли каждое тягло, то есть муж с женою от 18 до 50 лет, для господина указанные две десятины ржаного и две десятины всякого ярового хлеба, работая как во время пашни, так и во время сенокосения, жнитва и возки с полей хлеба 3 дня, узаконенные в неделю, а для себя прочие дни в неделе, имея засеять по 3 десятины. Многие же помещики, разделяя крестьян своих на две равные половины, производят свою господскую работу все 6 дней без прерывно, переменяя работников через 3 дня одну половину другою»⁴. То есть в большинстве поместий каждое тягло крестьян обрабатывало 4 десятины господской пашни, что соответствует 3 дням работы в неделю. Такое положение подтверждается и материалами «Экономических примечаний», из которых видно, что часто крестьяне в барских имениях региона обрабатывали только 1/3 пахотной земли для землевладельца, а остальную часть вспахивали для себя. В некоторых имениях, где помещики своим крестьянам предоставляли в пользование большое количество земли, а следовательно, размеры крестьянских наделов характеризовались большой неопределенностью, пашенная барщина была еще меньше⁵. К примеру, в Бузулукском уезде крестьяне д. Мотовиловки (помещицы А.И. Новосильцевой) обрабатывали лишь 25 десятин барской пашни, что составляло 0,2 десятины на одну душу мужского пола; 139 крепостных С.Ф. Осоргина в с. Михайловском Бугурус-

⁴РГИА. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 90. Л. 172 об.

⁵РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 928, 929, 930, 932, Д. 6/1876.

ланского уезда – 30 десятин, т. е. тоже 0,2 десятины на одну душу мужского пола, и т. д.⁶ Подсчеты с использованием данных «Экономических примечаний» показывают: схожая ситуация была далеко не редкостью в этом колонизируемом крае, где правительство жаловало помещикам огромные по размерам угодья. Встречались примеры и обратного порядка, когда крестьяне обрабатывали 300–334 десятины господской пашни (в среднем приходилось по 9,3–12,3 десятины на одну душу мужского пола)⁷. В целом же, как показывает анализ источников, средняя норма барщины на одну душу в помещичьих поместьях региона в то время была еще относительно невысокой.

Степень барщинной эксплуатации крестьян в дореформенные десятилетия возросла, однако ненамного. Например, одна душа мужского пола барщинных крестьян в селениях Ивановка, Ключи, Козловка, Покровское, Троицкое (имения Тимашевых в Оренбургском уезде) в начале XIX века в среднем обрабатывала 1,8 десятины пашни барина, а в середине XIX века – 2,1 десятины⁸. В некоторых имениях до реформы, конечно, существовала и 4–5-тидневная барщина, но эта норма крепостного труда не была широко распространена. Такая эксплуатация, грозившая разорением крестьянскому хозяйству и, в конечном итоге, самому помещику, не могла существовать долго.

Барщинные обязанности крепостных не ограничивались только полевыми работами – они охватывали и иные виды натуральных повинностей: рубка дров для поташных заводов своих владельцев, охрана господского поля и гумна, подводная повинность, ремонт дорог, мостов и гатей, поправка различных хозяйственных построек помещика – амбара, карет-

ника, птичьего и житного двора, риг и т. д.⁹ [2, с. 652]. Зимой барщинная работа крестьян (также 3 дня в неделю) состояла из обмолота хлеба, перевозки сена и дров, доставки своим гужевым транспортом помещичьего хлеба на рынок на продажу и т. д.¹⁰

Чтобы охарактеризовать барщину и ее денежное выражение, возьмем конкретные данные. В селениях Александровка, Городки, Екатериновка, Ивановка, Ключи, Козловка, Николаевка, Никольское, Покровское, Тамгачи и Троицкое имения помещиков Тимашевых в Оренбургском уезде проживало 819 тягол крепостных крестьян. Во всех этих поселениях барщина на тягло составляла 3 дня в неделю, что соответствует 12 дням на тягло в месяц и 120 дням в год. По статистическим сведениям того времени, в названной местности примерная цена одного мужского рабочего дня составляла 15 коп. серебром, женского – 7 коп., конного работника – 4 коп. Итак, на все перечисленные деревни падало: 1) в неделю – 2457 мужских и женских дней, 4914 дней труда конного работника; 2) в месяц – 9828 мужских и женских дней, 19 656 дней труда конного работника; 3) в год – 98 280 мужских и женских дней, 196 360 дней труда конного работника. Стоимость перечисленных рабочих дней, таким образом, составляла 28 665 р. серебром в год (35 р. серебром на тягло соответственно). Здесь обратим внимание на тот факт, что в этих же селениях проживали еще не охваченные барщиной 133 тягла оброчных крестьян владельца, денежный оброк которых равнялся той же сумме – 35 р. серебром с тягла¹¹. Небезынтересно отметить, что в дореформенный период и в других помещичьих имениях того же уезда средний размер оброка крепостных составлял 35 р. 72 коп.

⁶РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 932. Л. 193; Д. 6/1876. Л. 36–37.

⁷Там же. Д. 938. Л. 203–204; Д. 932. Л. 246.

⁸Там же. Д. 938. Л. 131–135; РГИА. Ф. 1687. Оп. 1. Д. 246. Л. 1.

⁹РГИА. Ф. 1286. Оп. 19. Д. 548. Л. 68; РГВИА. Ф. 414. Д. 378. Л. 3; ОПИ ГИМ. Ф. 1. Д. 55. Л. 26.

¹⁰Там же. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 90. Л. 172 об.

¹¹Там же. Ф. 1687. Оп. 1. Д. 246. Л. 1–2.

серебром с тягла [2, с. 1262–1265]. Накануне крестьянской реформы 1861 года, по материалам Редакционных комиссий, по региону в целом средняя норма барщины на тягло обычно равнялась 3 дням в неделю (140 мужским и женским рабочим дням в год) [2, с. 1296].

Заключение. Таким образом, на протяжении всей первой половины XIX века подавляющая часть помещичьих крестьян Южного Урала исполняла в пользу своих владельцев барщинную повинность. Состояние экономики, характер развития помещичьего и крестьянского хозяйств этого времени способствовали живучести и преобладанию барщины над оброком, хотя они зачастую совмещались. Динамика интенсивности барщины показала,

что этот вид повинности был не столь обременительным для крестьян: по сравнению с помещичьими имениями других регионов России душевая норма барщины здесь была относительно невысокой в силу специфических особенностей преимущественно земледельческого региона. Анализ стоимости барщинных работ крестьян позволил определить, что барщина устанавливалась владельцами непроизвольно. Она, оставаясь преобладающим источником извлечения владельцами поместий денежного дохода от результатов натурального труда своих крепостных, в денежном выражении соответствовала размеру оброка, выплачиваемого оброчными крестьянами данной местности.

Список литературы

1. *Заблоцкий-Десятовский А.П.* О крепостном состоянии в России // *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время: материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II: в 4 т. Т. IV. Приложения к I, II и III томам. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. С. 271–345.
2. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Материалы для истории освобождения крестьян: губернские комитеты, их депутаты и редакционные комиссии в крестьянском деле: в 4 т. Т. 3. Отдел хозяйственный / по офиц. источникам сост. А. Скребицкий. Бонн-на-Рейне: Тип. Ф. Крюгера, 1865. 1298 с.
3. *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: в 2 т. СПб.: Тип. т-ва «Общест. польза», 1888. Т. 1. Крестьянский вопрос в XVIII и первой четверти XIX века. 580 с.; Т. 2. Крестьянский вопрос в царствование императора Николая. 625 с.
4. *Игнатович И.И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. 3-е изд., доп. Л.: Мысль, 1925. 405 с.
5. *Струве П.Б.* Крепостное хозяйство. Исследование по экономической истории России в XVIII и XIX вв. СПб.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1913. 340 с.
6. *Межов В.И.* Крестьянский вопрос в России: Полное собрание материалов для истории крестьянского вопроса: на языках русском и иностранных, напечатанных в России и за границей: 1764–1864. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1865. 421 с.
7. История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г.: в 5 т. Т. 3. Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в. – 1861 г.) / ред. А.А. Преображенский. М.: Наука, 1993. 664 с.
8. *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. 400 с.
9. *Федоров В.А.* Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII – первой половины XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 305 с.
10. *Индова Е.И.* Крепостное хозяйство в начале XIX века: По материалам вотчинного архива Воронцовых / Акад. наук СССР, Ин-т истории. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 200 с.
11. *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII – первой половине XIX века // История СССР. 1966. № 4. С. 55–80.

12. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.
13. Рябков Г.Т. Смоленские помещицы крестьяне в конце XVII – первой половине XIX века. М.: Прометей, 1991. 264 с.
14. Ярем барщины старинной... Крепостничество Нижегородского Поволжья в документах, исследованиях, мемуарах, художественной литературе и фольклоре: сб. / авт. проекта Ю.А. Курдин; сост., авт. вступ. ст., примеч. Ю.А. Курдин, О.Е. Андреев, А.А. Исаков; науч. ред. Е.П. Титков. Арзамас: АГПИ, 2011. 614 с.
15. Перевезенцев С.В. О вреде и пользе (рецензия на сборник «Ярем барщины старинной») // Арзамас. сто- рона: альм. 2012. Вып. 6. С. 483–486.
16. Рьянова В.Е. Крепостничество Нижегородского Поволжья в сборнике «Ярем барщины старинной...» // Молодой ученый. 2016. № 11.2(115.2). С. 30–33.
17. Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сб. ст. / отв. ред. и сост. В.В. Кондрашин, А.И. Шевельков. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2020. 346 с.
18. Казюхина А., Редькин Д. Применение труда крепостных в сельском хозяйстве Российской Империи в XIX веке // Agrar. Hist. 2020. № 4. С. 24–36.
19. Шайхисламов Р.Б. Крестьянство Южного Урала в первой половине XIX века. Уфа: РИО БашГУ, 2006. 192 с.
20. Шайхисламов Р.Б. Южноуральское крестьянство: XVII – середина XIX в.: моногр. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. 245 с.
21. Нефедов С.А. К дискуссии об уровне жизни крепостных крестьян в середине XIX в. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 3(104). С. 284–291.
22. Сапожников О.Я. Эволюция крепостного хозяйства в России XVIII–XIX вв.: в чем был прав и в чем ошибался П.Б. Струве? // Струве П. Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. [1913] / под ред. М.А. Колерова, вступ. ст. О.Я. Сапожникова. М., 2020. С. 7–70. (Исследования по истории русской мысли; Т. 27).
23. Рянский Л.М. Помещицы крестьяне Черноземного центра в конце XVIII – первой половине XIX века. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2010. 151 с.
24. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. 2-е изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 2. 912 с.
25. Карначёв М.Д. Умом Россию понимая // Новый мир. 2000. № 6. С. 218–225.
26. Круглый стол «Российский старый порядок: опыт исторического синтеза»: материал подгот. С.С. Секи- ринский // Отеч. история. 2000. № 6. С. 43–94.

References

1. Zablotskiy-Desyatovskiy A.P. O krepostnom sostoyanii v Rossii [On Serfdom in Russia]. Zablotskiy-Desyatovskiy A.P. Graf P.D. Kiselev i ego vremena: materialy dlya istorii imperatorov Aleksandra I, Nikolaya I i Aleksandra II. T. IV. Prilozheniya k I, II i III tomam [Count P.D. Kiselyov and His Time: Materials for the History of Emperors Alexander I, Nicholas I and Alexander II. Vol. 4. Appendices to Volumes 1, 2 and 3]. St. Petersburg, 1882, pp. 271–345.
2. Skrebitskiy A. (comp.). Krest'yanskoe delo v tsarstvovanie imperatora Aleksandra II. Materialy dlya istorii osvobozhdeniya krest'yan: gubernskie komitety, ikh deputaty i redaktsionnyya komissii v krest'yanskom dele. T. 3. Otdel khozyaystvennyy [Peasant Affairs During the Reign of Emperor Alexander II. Materials for the History of the Emancipation of Peasants: Provincial Committees, Their Deputies and the Drafting Commissions on Peasant Affairs. Vol. 3. Economic Department]. Bonn, 1865. 1298 p.
3. Semevskiy V.I. *The Peasant Question in Russia in the 18th and First Half of the 19th Century*. St. Petersburg, 1888. Vol. 1. The Peasant Question in the 18th and First Quarter of the 19th Century. 580 p.; Vol. 2. The Peasant Question During the Reign of Emperor Nicholas. 625 p. (in Russ.).

4. Ignatovich I.I. *Pomeshchich'i krest'yane nakanune osvobozhdeniya* [Landlord Peasants on the Eve of the Emancipation]. Leningrad, 1925. 405 p.

5. Struve P.B. *Krepostnoe khozyaystvo. Issledovanie po ekonomicheskoy istorii Rossii v XVIII i XIX vv.* [Serfdom. Research on the Economic History of Russia in the 18th and 19th Centuries]. St. Petersburg, 1913. 340 p.

6. Mezhev V.I. *Krest'yanskiy vopros v Rossii: Polnoe sobranie materialov dlya istorii krest'yanskogo voprosa: na yazykakh russkom i inostrannykh, napechatannykh v Rossii i za granitseyu: 1764–1864* [The Peasant Question in Russia: A Complete Collection of Materials for the History of the Peasant Question: In Russian and Foreign Languages, Published in Russia and Abroad: 1764–1864]. St. Petersburg, 1865. 421 p.

7. Preobrazhenskiy A.A. (ed.). *Istoriya krest'yanstva Rossii s drevneyshikh vremen do 1917 g. T. 3. Krest'yanstvo perioda pozdnego feodalizma (seredina XVII v. – 1861 g.)* [History of the Peasantry of Russia from the Earliest Times to 1917. Vol. 3. The Peasantry in the Period of Late Feudalism (Mid-17th Century – 1861)]. Moscow, 1993. 664 p.

8. Koval'chenko I.D. *Russkoe krepostnoe krest'yanstvo v pervoy polovine XIX v.* [Russian Serf Peasants in the First Half of the 19th Century]. Moscow, 1967. 400 p.

9. Fedorov V.A. *Pomeshchich'i krest'yane Tsentral'no-promyshlennogo rayona Rossii kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX veka* [Landlord Peasants of the Central Industrial Region of Russia in the Late 18th – First Half of the 19th Centuries]. Moscow, 1974. 305 p.

10. Indova E.I. *Krepostnoe khozyaystvo v nachale XIX veka: Po materialam votchinnogo arkhiva Vorontsovykh* [Serfdom in the Early 19th Century: Based on Materials from the Vorontsov Patrimonial Archives]. Moscow, 1955. 200 p.

11. Koval'chenko I.D., Milov L.V. Ob intensivnosti obrochnoy ekspluatatsii krest'yan Tsentral'noy Rossii v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka [On the Intensity of Quitrent Exploitation of Peasants in Central Russia in the Late 18th – First Half of the 19th Centuries]. *Istoriya SSSR*, 1966, no. 4, pp. 55–80.

12. Milov L.V. *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Plowman of Great Russia and the Specific Features of the Russian Historical Process]. Moscow, 1998. 573 p.

13. Ryabkov G.T. *Smolenskie pomeshchich'i krest'yane v kontse XVII – pervoy polovine XIX veka* [Smolensk Landlord Peasants in the Late 17th – First Half of the 19th Centuries]. Moscow, 1991. 264 p.

14. Kurdin Yu.A., Andreev O.E., Isakov A.A. (comps.). *Yarem barshchiny starinnoy... Krepostnichestvo Nizhegorodskogo Povolzh'ya v dokumentakh, issledovaniyakh, memuarakh, khudozhestvennoy literature i fol'klore* [The Burden of Serf Labour... Serfdom of the Nizhny Novgorod Volga Region in Documents, Studies, Memoirs, Fiction and Folklore]. Arzamas, 2011. 614 p.

15. Perevezentsev S.V. O vrede i pol'ze (retsenziya na sbornik “Yarem barshchiny starinnoy”) [On Harm and Benefit (Review of the Collection *The Burden of Serf Labour*)]. *Arzamasskaya storona: al'manakh*, 2012, no. 6, pp. 483–486.

16. R'yanova V.E. Krepostnichestvo Nizhegorodskogo Povolzh'ya v sbornike “Yarem barshchiny starinnoy...” [Serfdom of the Nizhny Novgorod Volga Region in the Collection *The Burden of Serf Labour...*]. *Molodoy uchenyy*, 2016, no. 11.2, pp. 30–33.

17. Kondrashin V.V., Shevel'kov A.I. (eds.). *Gosudarstvennaya vlast' i krest'yanstvo v XIX–nachale XXI veka* [The State and the Peasantry in the 19th – Early 21st Centuries]. Moscow, 2020. 346 p.

18. Kazyukhina A., Red'kin D. Primenenie truda krepostnykh v sel'skom khozyaystve Rossiyskoy Imperii v XIX veke [The Use of Serf Labor in Agriculture of the Russian Empire in the XIX-th Century]. *Agrar. Hist.*, 2020, no. 4, pp. 24–36.

19. Shaykhislamov R.B. *Krest'yanstvo Yuzhnogo Urala v pervoy polovine XIX veka* [Peasants of the Southern Urals in the First Half of the 19th Century]. Ufa, 2006. 192 p.

20. Shaykhislamov R.B. *Yuzhnoural'skoe krest'yanstvo: XVII – seredina XIX v.* [Peasants of the Southern Urals: 17th – Mid-19th Centuries]. Ufa, 2018. 245 p.

21. Nefedov S.A. K diskussii ob urovne zhizni krepostnykh krest'yan v seredine XIX v. [The Discussion About the Level of Life of Serfs in the Middle of the XIX Century]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 2012, no. 3, pp. 284–291.

22. Sapozhnikov O.Ya. Evolyutsiya krepostnogo khozyaystva v Rossii XVIII–XIX vv.: v chem byl prav i v chem oshibalsya P.B. Struve? [The Evolution of Serfdom in Russia in the 18th – 19th Centuries: What Was P.B. Struve Right

and Wrong About?]. Struve P. *Krepostnoe khozyaystvo. Issledovaniya po ekonomicheskoy istorii Rossii v XVIII i XIX vv.* [Serfdom. Studies on the Economic History of Russia in the 18th and 19th Centuries]. Moscow, 2020, pp. 7–70.

23. Ryanskiy L.M. *Pomeshchich'i krest'yane Chernozemnogo tsentra v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka* [Landlord Peasants of the Central Black Earth Region in the Late 18th – First Half of the 19th Centuries]. Kursk, 2010. 151 p.

24. Mironov B.N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: From Tradition to Modernization]. St. Petersburg, 2015. Vol. 2. 912 p.

25. Karpachev M.D. Umom Rossiyu ponimaya [Conceiving Russia with the Intellect]. *Novyy mir*, 2000, no. 6, pp. 218–225.

26. Kruglyy stol “Rossiyskiy staryy poryadok: opyt istoricheskogo sinteza”: material podgotovil S.S. Sekirinskiy [The Russian Old Order: The Experience of a Historic Synthesis. The “Round Table”. The Material Prepared by S.S. Sekirinsky]. *Otechestvennaya istoriya*, 2000, no. 6, pp. 43–94.

Информация об авторе

Р.Б. Шайхисламов – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения Уфимского университета науки и технологий (адрес: 450074, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32).

Information about the author

Rashit B. Shaikhislamov, Dr. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Prof. at the Department of Russian History, Historiography and Source Study, Ufa University of Science and Technology (address: ul. Zaki Validi 32, Ufa, 450074, Russia).

Поступила в редакцию 22.07.2024

Одобрена после рецензирования 12.11.2024

Принята к публикации 14.11.2024

Submitted 22 July 2024

Approved after reviewing 12 November 2024

Accepted for publication 14 November 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 1. С. 68–76.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 68–76.

Научная статья
УДК 81'42
DOI: 10.37482/2687-1505-V405

Научно-технический отчет и патент: сопоставление жанров с использованием корпусного подхода

Ирина Александровна Анашкина¹✉

Инна Игоревна Конькова²

^{1,2}Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева, Саранск, Россия

¹e-mail: iraida952@gmail.com✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8111-4437>

²e-mail: mirna_13@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3326-0493>

Аннотация. Статья посвящена анализу метаструктур современного англоязычного научно-технического дискурса на материале таких жанров, как научно-технический отчет и патент. Цель исследования – сопоставление метаструктур названных жанров с акцентом на такие функции, как диалогизация, линейная последовательность, подтверждение сказанного визуальным рядом, оценка, комментарий, толкование, привлечение внимания. Актуальность определяется необходимостью диверсификации метаструктурных свойств указанных жанров. Научная новизна исследования состоит в том, что в его рамках впервые осуществляется сравнительно-сопоставительный анализ метаструктур таких дискурсивных жанров, как научно-технический отчет и патент, посредством корпус-менеджера AntConc для установления функциональных характеристик метаструктур, что позволяет рассмотреть способы построения научно-технического дискурса с акцентом на категорию метадискурсивности. По результатам сравнительно-сопоставительного анализа делаются выводы о степени встречаемости в жанрах метаструктур и уровне метадискурсивности жанров. Помимо этого, описываются единые для обоих жанров функции метаструктур и функции, присущие только жанру научно-технического отчета, отмечаются самые популярные и менее употребляемые функции метаструктур в характеризуемых жанрах и предлагаются возможные причины такой частотности. Материал исследования включает тексты современных научно-технических отчетов и патентов, представленных корпусами объемом 360 тыс. слов каждый. Теоретическая значимость статьи состоит в диверсификации метаструктур и способов их употребления в жанрах англоязычного научно-технического дискурса. Практическая ценность связана с применением полученных результатов при самостоятельном составлении англоязычных текстов, относящихся к жанрам научно-технического отчета и патента, с целью построения успешной научной коммуникации.

Ключевые слова: англоязычный научно-технический дискурс, корпусный анализ, научно-технический отчет, патент, метадискурсивность, метаструктура, корпус-менеджер AntConc

Для цитирования: Анашкина, И. А. Научно-технический отчет и патент: сопоставление жанров с использованием корпусного подхода / И. А. Анашкина, И. И. Конькова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 68-76. – DOI 10.37482/2687-1505-V405.

Original article

Scientific Technical Report and Patent: A Comparative Analysis of Genres Using a Corpus-Based Approach

Irina A. Anashkina¹✉

Inna I. Konkova²

^{1,2}National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

¹e-mail: iraida952@gmail.com✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8111-4437>

²e-mail: mirna_13@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3326-0493>

Abstract. The article analyses the metastructures of modern English scientific and technical discourse within the framework of two genres: scientific technical report and patent. The paper aimed to compare the metastructures of these genres while highlighting such functions as dialogization, linear order and confirmation of what is being said by means of visuals, as well as evaluation, commentary, interpretation, and attracting attention. The relevance of this article is determined by the necessity to diversify metastructure characteristics of the genres under study. Moreover, it presents the first comparative analysis of the genres of scientific technical report and patent by means of the AntConc corpus analysis toolkit in order to identify the functional features of metastructures. This allows us to study the ways of scientific and technical discourse construction with the emphasis on the category of metadiscursivity. Based on the results of the analysis, the authors draw conclusions about the frequency of use of metastructures in these genres and the genres' level of metadiscursivity. Moreover, common functions of metastructures and functions only typical of the scientific technical report genre are described. Further, the most and less popular functions of metastructures in both genres are pointed out; the reasons behind their frequency of use are suggested. The research material includes texts of modern scientific technical reports and patents presented as corpora with the total volume of 360 thousand words each. The theoretical significance of the research lies in diversifying metastructures and their use in the genres of scientific and technical discourse. The results can be applied in writing texts in the genres under study with the aim of improving communication at the scientific level.
Keywords: English-language scientific and technical discourse, corpus analysis, scientific technical report, patent, metadiscursivity, metastructure, AntConc

For citation: Anashkina I.A., Konkova I.I. Scientific Technical Report and Patent: A Comparative Analysis of Genres Using a Corpus-Based Approach. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 68–76. DOI: 10.37482/2687-1505-V405

Введение. Существует несколько основных направлений, в рамках которых рассматривается жанр: стилистический подход (М.М. Бахтин [1] и др.), Сиднейская (Ф. Кристи [2] и др.) и Северо-американская риторическая (А. Баварши [3] и др.) школы, лингвокультурологический подход (Г.Г. Слышкин [4] и др.). В данной статье за основу берется трактовка жанра, предложенная в рамках стилистического подхода, при котором жанр, по словам И.В. Шерстяных, представляет собой группу текстов, обладающих определенными характеристиками и относящихся к какому-то функциональному стилю в зависимости от трех параметров: композиционная структура, характер содержащейся информации и эмоциональная окраска последней [5].

В центре внимания данной статьи находятся жанры патента и научно-технического отчета. Ее актуальность определяется необходимостью диверсификации метаструктурных свойств указанных жанров англоязычного научно-технического дискурса. Впервые осуществляется сопоставительно-сравнительное исследование данных жанров с акцентом на метаструктуры, при этом используется корпус-менеджер AntConc. Цель работы состоит в установлении общих функций метаструктур в анализируемых жанрах и выявлении распространенных функций в каждом из них. Из цели проистекают следующие задачи: 1) предложить классификацию метаструктур, отвечающую особенностям научно-технического дискурса; 2) определить степень метадискурсивности анализируемых жанров; 3) выделить общие метаструктурные типы для двух жанров и типы, присущие только одному из них; 4) установить наименее и наиболее частотные метаструктурные типы в жанрах патента и научно-технического отчета. В рамках данной статьи метаструктуры понимаются как

лексические единицы, облегчающие процесс восприятия и позволяющие автору направлять читателя по тексту с целью правильной его интерпретации.

Научно-технический отчет, т. е. отчет, содержащий итоги научно-исследовательских или опытно-конструкторских работ, представляет собой важный источник научно-технической информации, т. к. способствует будущему совершенствованию науки, техники и процессов технологии.

Патент – это «охраненный документ, который удостоверяет исключительное право физического или юридического лица на объект патентного права»¹. Автора и адресата патента объединяет уровень профессиональной компетенции.

Материалы и методы. Материал исследования составляют два созданных вручную англоязычных корпуса: корпус научно-технических отчетов и корпус патентов – объемом 360 тыс. слов каждый. Для описания и классификации метаструктур были применены следующие методы: сравнительно-сопоставительный, метод критического дискурс-анализа, методы сплошной выборки (на начальном этапе работы с примерами) и корпусно-ориентированного дискурс-анализа (использование корпус-менеджера AntConc для получения информации статистического характера). Общее количество полученных метаструктур в жанре патента – 13 122 употребления, в жанре научно-технического отчета – 8059 употреблений. Такое превалирование в жанре патента может быть связано с наличием большого числа архаизмов (*herein, thereafter* и др.), которые относятся к метаструктурам в функции линейной последовательности. Помимо этого, патент пишется с целью убеждения компетентного органа в необходимости при-

¹Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. 24 нояб. 2006 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 8 дек. 2006 г.: введ. Федер. законом Рос. Федерации от 18 дек. 2006 г. № 231-ФЗ. Ст. 1354. Патент на изобретение, полезную модель или промышленный образец // Федер. служба по интеллектуал. собственности Рос. Федерации: офиц. сайт. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/grazhdanskiy-kodeks-rossiyskoy-federacii-chast-chetvertaya> (дата обращения: 13.06.2024).

знания данного изобретения, что автор и делает посредством употребления метаструктур. Что касается научно-технического отчета, его автор обобщает результаты проведенных исследований с целью исправления возможных недостатков и дальнейшего совершенствования предложенных технологий.

Описания метаструктур, представленные в соответствующей литературе, многочисленны, но выполнены преимущественно на материале художественных текстов (И.Т. Вепрева [6], Н.В. Лукина [7], М.С. Журкова, Н.С. Олизько [8], А.В. Кузнецова [9], М.И. Кудрявцева [10], Н.А. Пластинина, Ю.В. Плеханова [11], S. Choi [12], M.I. Kiose et al. [13], S.A. Wilder [14] и др.). Стоит заметить, что в лингвистической науке большое внимание уделяется вопросам классификации метаструктур по таким признакам, как функциональность, композиционно-синтаксические особенности, степень эксплицитности и др. В данной статье предложена собственная классификация метаструктур в научно-техническом дискурсе, основанная на функциональном признаке.

Результаты. В ходе анализа было установлено, что метаструктуры выполняют следующие (общие для жанров патента и научно-технического отчета) функции: диалогизация дискурса, линейная последовательность, иллюстрация (подтверждение сказанного визуальным рядом), оценка, комментарий, толкование и привлечение внимания. Существуют функции, характерные только для жанра научно-технического отчета, а именно: указание на действие, предоставление дополнительной информации, статистика, сокращение подробностей, перспективы исследования и признание.

Метаструктур, типичных исключительно для жанра патента, обнаружено не было.

Рассмотрим подробнее общие функции метаструктур и функции, характерные только для научно-технического отчета, но используемые чаще чем в 1 % случаев (см. рисунок, с. 72).

Диалогизация:

патент (4 %): *A Jacobian and Hessian matrix can be used to identify such similarities*². В данном примере использованы два термина-эпонима, которые именуют известные в математике функции. Употребляя такие метаструктуры, автор как бы приглашает к научному диалогу еще одного ученого, тем самым выстраивается полилог. Так, *Hessian matrix* («Гессиан функции») – симметрическая квадратичная форма, описывающая поведение функции во втором порядке, была получена в XIX веке немецким математиком Людвигом Отто Гессе и названа в честь него³. *Jacobian matrix* («матрица Якоби»), в свою очередь, описывает главную линейную часть произвольного отображения u в точке x и названа в честь Карла Густава Якоба Якоби, немецкого математика и механика⁴;

научно-технический отчет (9 %): *As a nation, we must respond with a readiness to re-skill, and up-skill, on a continuing basis*⁵. Автор обращается к читателю, объединяя себя и его по национальному признаку (*as a nation we must respond* – «как нация мы должны отреагировать»). Тем самым он как бы вступает с читателем в диалог и ставит его на одну линию с собой.

Линейная последовательность:

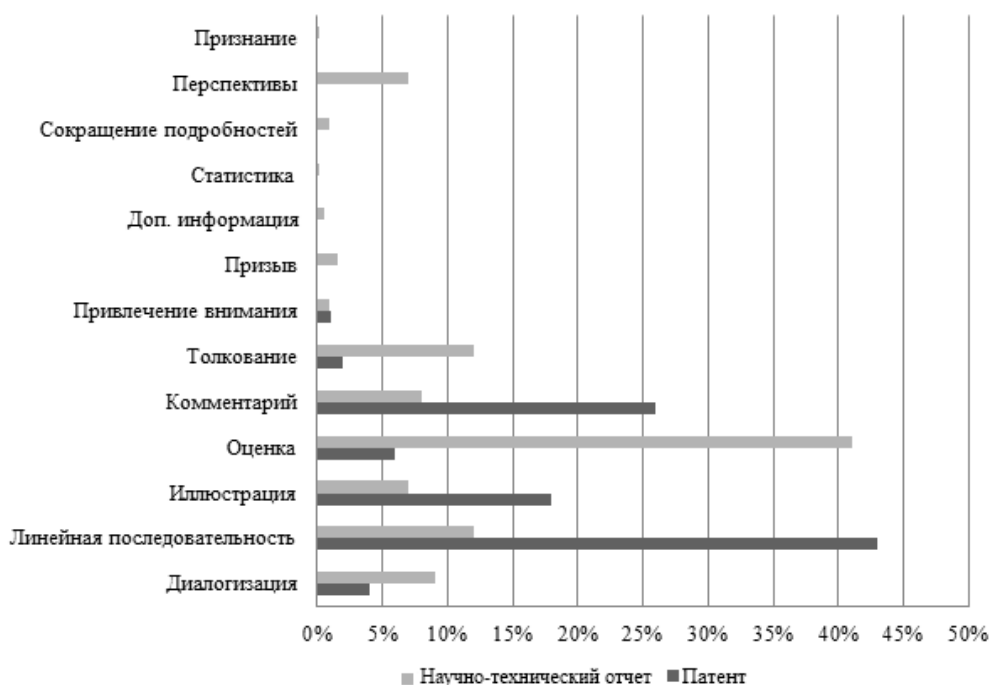
патент (43 %): *In accordance with implementations described herein, the notation, D , is used to represent the transformed data in*

²Eight Great Technologies: Robotics and Autonomous Systems: A Patent Overview. 2014. 36 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a7d5f87ed915d28e9f39e48/Robotics_Autonomous.pdf (дата обращения: 13.06.2024).

³Hessian Matrix. URL: <https://www.sciencedirect.com/topics/engineering/hessian-matrix> (дата обращения: 13.06.2024).

⁴Jacobian Matrix. URL: <https://www.sciencedirect.com/topics/engineering/jacobian-matrix> (дата обращения: 13.06.2024).

⁵GNSS User Technology Report. 2020. № 3. 108 p. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/73477ef0-3516-11eb-b27b-01aa75ed71a1/language-en> (дата обращения: 13.06.2024).

Частотность употребления метаструктур в жанрах патента и научно-технического отчета

Frequency of use of metastructures in the genres of patent and scientific technical report

*the variable phase space*⁶. В примере в качестве метаструктуры выступает архаизм *herein* («здесь»), характерный для жанра патента. Благодаря ему информация, содержащаяся в патенте, четко выстроена и структурирована;

научно-технический отчет (12 %): *The previous sections describe the challenges in measuring the state and direction of...*⁷ Автор делает отсылку к предыдущим разделам отчета посредством предложения *the previous sections describe* («предшествующие разделы описывают»), что обеспечивает логическую связь всего текста отчета.

Иллюстрация:

патент (18 %): *FIG. 1 is an illustration of a block diagram of a manufacturing environment in accordance with an illustrative embodiment*⁸. Автор отсылает к рис. 1, а именно блок-схеме (*block diagram*) – распространенному типу графических изображений, который позволяет ему визуально передать схему производства;

научно-технический отчет (7 %): *Figure 8 is a bubble map showing a timeline for the top 20 applicants...*⁹ В примере поясняется, что рис. 8 представляет собой «пузырьковую карту» (*bubble*

⁶GNSS User Technology Report.

⁷Eight Great Technologies: Robotics and Autonomous Systems: A Patent Overview.

⁸Information Processing Apparatus, Information Processing Method, and Program. URL: <https://patents.justia.com/patent/11169599> (дата обращения: 13.04.2024).

⁹Eight Great Technologies: Robotics and Autonomous Systems: A Patent Overview.

map), наглядно отражающую результаты проведенного опроса.

Оценка:

патент (6 %): *This may be useful in larger areas, such as an airport, or in a home when cost is not an issue*¹⁰. В примере автор дает оценку своему изобретению, используя прилагательное *useful* («полезный»), тем самым подчеркивая, насколько большое значение его изобретение имеет для крупных объектов, если вопрос цены не является ключевым;

научно-технический отчет (41 %): *Robot technology has become the backbone of many large scale manufacturing industries*¹¹. В данном случае оценка передается посредством имени существительного *a backbone* («основа»), тем самым отмечается, что многие предприятия крупной промышленности уже немыслимы без робототехники. Подчеркнем, что метаструктуры в функции оценки отличаются высокой частотностью в научно-техническом отчете, т. к. его цель состоит в обобщении и анализе научных работ, изданных в определенный временной период.

Комментарий:

патент (26 %): *Yet another technical solution is to improve machine vision detection of boundaries of objects by...*¹² Автор патента вводит комментарий через словосочетание *yet another technical solution* («еще одно техническое решение»), предлагая другой вариант решения научной проблемы;

научно-технический отчет (8 %): *In addition, even if it is still under discussion, the 5G network would also be required to estimate the position of*

*connected devices within a range of 10 metres...*¹³

Автор отчета рассуждает о сети 5G, используя две метаструктуры – словосочетания *in addition* («вдобавок») и *even if it is still under discussion* («даже если это еще на стадии обсуждения»).

В целом превалирование комментариев характерно для жанра патента – таким образом автор убеждает компетентное лицо в значимости своего изобретения.

Толкование:

патент (2 %): *That is, with or in the place of the above effects, the technology according to the present disclosure may achieve other effects...*¹⁴ Здесь с целью пояснения автор патента использует словосочетание *that is* («то есть»);

научно-технический отчет (12 %): *This effectively means that Galileo enables or contributes to the desired accuracy...*¹⁵ В данном примере для уточнения того, что именно автор отчета подразумевал под описанным ранее, употребляется глагол *to mean* («обозначать»).

Привлечение внимания:

патент (1 %): *It should be noted that references to “an” or “one” embodiment in this disclosure are not necessarily to the same embodiment...*¹⁶ Используя безличную конструкцию с модальным глаголом *should* («следует») и глаголом *to note* («обращать внимание») в страдательном залоге, автор патента привлекает дополнительное внимание читателя к тому, что именно он подразумевает под воплощением своей идеи;

научно-технический отчет (0,9 %): *Note that EPO and WIPO2 may exist as priority countries but*

¹⁰System, Method and Product for Utilizing Prediction Models of an Environment. URL: <https://patents.justia.com/patent/11389956> (дата обращения: 13.06.2024).

¹¹GNSS User Technology Report.

¹²System, Method and Product for Utilizing Prediction Models of an Environment.

¹³GNSS User Technology Report.

¹⁴Density Based Confidence Measures of Neural Networks for Reliable Predictions. URL: <https://patents.justia.com/patent/11468260> (дата обращения: 13.06.2024).

¹⁵GNSS User Technology Report.

¹⁶System, Method and Product for Utilizing Prediction Models of an Environment.

*not as applicant countries*¹⁷. Автор желает особо отметить, что вступление в указанные организации, а именно Европейскую патентную организацию и Всемирную организацию интеллектуальной собственности, не касается стран-претендентов в составе Европейского союза. Сделать нужный акцент позволяет глагол *to note* («обращать внимание») в повелительном наклонении.

Указание на действие:

научно-технический отчет (1,5 %): *A telemedicine robot (see Figure 10) was developed in [109], composed of a four-wheel base, a robotic arm, and a tablet, acting as the head of the robot*¹⁸. Автор отчета использует глагол *to see* («видеть») в повелительном наклонении, чтобы подвигнуть читателя на определенное действие, а именно посмотреть рис. 10, чтобы наглядно ознакомиться с роботом, используемым в телемедицине.

Перспективы исследования:

научно-технический отчет (7 %): *In the future it is expected that robotics technology will extend its functional reach to include maintenance*¹⁹. В отчет помимо оценки уже существующих достижений можно включить описание дальнейшего направления развития технологий. Здесь это осуществляется посредством выражения *in the future* («в будущем») и конструкции в Passive Voice *to be expected* («ожидаться»).

Нельзя утверждать, что существуют функции, одинаково преобладающие в рассматриваемых жанрах. Но единственная метаструктурная функция, которая незначительно представлена в обоих жанрах, – это привлечение внимания (патент – 1 %, научно-технический отчет – 0,9 %). Такая низкая частотность может быть объяснена тем, что оба жанра рассчитаны на мотивированного читателя, способного самостоятельно понять, какая информация является максимально важной.

Выводы:

1. Метаструктуры выполняют 7 общих для исследуемых жанров функций, а именно: толкование, диалогизация, линейная последовательность, оценка, комментарий, привлечение внимания и подтверждение сказанного иллюстрацией.

2. В научно-техническом отчете используются метаструктуры в следующих специальных функциях: сокращение подробностей, выражение признания, указание на действие, предоставление дополнительной информации, предоставление статистических данных и перспективы исследования.

3. Не существует функций, одинаково преобладающих в характеризующих жанрах, при этом функция привлечения внимания является редкой для обоих жанров.

4. В жанре научно-технического отчета по сравнению с жанром патента: в 7 раз чаще встречаются метаструктуры в функции оценки, что напрямую связано с основной задачей этого жанра – оценить основные преимущества и недостатки достижений науки за определенный временной период; в 6 раз больше метаструктур в функции толкования, потому что научно-технический отчет рассчитан на более широкий круг читателей в отличие от патента, где читателем является компетентное лицо, хорошо знакомое с используемой терминологией; в 2 раза больше метаструктур в функции диалогизации, т. к. научно-технический отчет более персонифицирован, в то время как патент обезличен.

5. В жанре патента в сравнении с жанром научно-технического отчета: наблюдается в 3 раза больше метаструктур в функции комментария, ведь автору патента необходимо убедить компетентное лицо в актуальности своего изобретения, в т. ч. за счет использования дополнительных пояснений; в 4 раза чаще встречаются метаструктуры в функции линейной последо-

¹⁷Eight Great Technologies: Robotics and Autonomous Systems: A Patent Overview.

¹⁸Smith A., Anderson J. AI, Robotics, and the Future of Jobs. URL: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/9/2014/08/Future-of-AI-Robotics-and-Jobs.pdf> (дата обращения: 13.06.2024).

¹⁹Ibid.

вательности, что связано с наличием большого числа архаизмов в патенте, за счет которых логически организуется и структурируется его текст; в 2 раза больше метаструктур в функции иллюстрации, т. к. рисунок является обязательной частью патента, в то время как в жанре научно-технического отчета он факультативен.

6. Оба жанра характеризуются значительной степенью метадикурсивности, но при этом

число метаструктур, используемых в жанре патента, почти в 1,5 раза превышает число метаструктур в жанре научно-технического отчета, что связано с желанием автора патента максимально убедить компетентное лицо в необходимости патентования описываемой технической инновации. Другими словами, научно-технический отчет как дискурсивный жанр более антропоцентричен, чем жанр патента.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Яз. рус. культуры, 1996. С. 159–206.
2. Christie F. Classroom Discourse Analysis: A Functional Perspective. London: Continuum, 2002. 189 p.
3. Bawarshi A. Genre and the Invention of the Writer. Logan: Utah State Univ. Press, 2003. 220 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctt46nxxp6>
4. Слышкин Г.Г. Проблема концептуализации человека в языке и дискурсе (на материале концептов политических деятелей) // Вестн. Волгогр. гос. мед. ун-та. 2004. № 11. С. 86–88.
5. Шерстяных И.В. Теория речевых жанров. М.: Флинта; Наука, 2014. 546 с.
6. Венрева И.Т. Метаязыковая ориентация языковой личности в условиях языковой перестройки // Активные языковые процессы конца XX века: сб. докл. междунар. конф. М., 2003. С. 26–28.
7. Лукина Н.В. Метатекст и его функции в художественном тексте // Риторика и культура речи в современном информационном обществе: материалы докл. участников XI Междунар. науч.-метод. конф. Ярославль: Яросл. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2007. С. 185–189.
8. Журкова М.С., Олизько Н.С. Метатекст как способ формирования смысла художественного произведения // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2023. № 2(472). С. 30–37.
9. Кузнецова А.В. Метатекст в художественном тексте: прагматика и функции // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2020. Т. 13, вып. 9. С. 265–269. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.49>
10. Кудрявцева М.И. Метатекст в художественном дискурсе постмодерна: когнитивно-прагматический аспект // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2022. Т. 15, вып. 9. С. 2954–2959. <https://doi.org/10.30853/phil20220483>
11. Пластинина Н.А., Плеханова Ю.В. Учебный метатекст как основа формирования и развития читательской компетенции обучающихся // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер.: История и филология. 2018. Т. 28, вып. 6. С. 1008–1019.
12. Choi S. Genre Analysis of Metatext of Korean Language Textbook // J. Soc. Korean Lang. Lit. 2023. Vol. 76. P. 325–368. <https://doi.org/10.15711/WR.76.0.11>
13. Kiose M.I., Izmalkova A.I., Rzheshhevskaya A.A., Makeev S.D. Text and Metatext Event in the Gaze Behavior of Impulsive and Reflective Readers // Науч. результат. Вопр. теорет. и приклад. лингвистики. 2023. Vol. 9, № 1. С. 115–135.
14. Wilder S.A. All the (West)World's a Stage: HBO's Westworld as Metatext – Intertextuality, Genre, Seriality, Format // J. Pop. Film Telev. 2023. Vol. 51, № 3. P. 118–130. <https://doi.org/10.1080/01956051.2023.2259056>

References

1. Bakhtin M.M. Problema rechevykh zhanrov. Iz arkhivnykh zapisey k rabote “Problema rechevykh zhanrov”. Problema teksta [The Problem of Speech Genres. From Archival Records for *The Problem of Speech Genres*. The Problem of Text]. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy. T. 5. Raboty 1940-kh – nachala 1960-kh godov* [Collected Works. Vol. 5. Works of 1940s – Early 1960s]. Moscow, 1996, pp. 159–206.

2. Christie F. *Classroom Discourse Analysis: A Functional Perspective*. London, 2002. 189 p.
3. Bawarshi A. *Genre and the Invention of the Writer: Reconsidering the Place of Invention in Composition*. Logan, 2003. 220 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctt46npx6>
4. Slyshkin G.G. Problema kontseptualizatsii cheloveka v yazyke i diskurse (na materiale kontseptov politicheskikh deyatel'nykh) [Conceptualization of Person in the Language and Discourse (Concepts of Politicians)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*, 2004, no. 11, pp. 86–88.
5. Sherstyanykh I.V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The Theory of Speech Genres]. Moscow, 2014. 546 p.
6. Vepreva I.T. Metazykovaya orientatsiya yazykovoy lichnosti v usloviyakh yazykovoy perestroyki [Metalinguistic Orientation of the Linguistic Personality in the Context of Language Restructuring]. *Aktivnye yazykovye protsessy kontsa XX veka* [Active Linguistic Processes of the Late 20th Century]. Moscow, 2003, pp. 26–28.
7. Lukina N.V. Metatekst i ego funktsii v khudozhestvennom tekste [Metatext and Its Functions in a Fiction Text]. *Ritorika i kul'tura rechi v sovremennom informatsionnom obshchestve* [Rhetoric and Speech Standards in the Modern Information Society]. Yaroslavl, 2007, pp. 185–189.
8. Zhurkova M.S., Olizko N.S. Metatext as a Way to Form the Meaning of a Fiction Work. *Bull. Chelyabinsk State Univ.*, 2023, no. 2, pp. 30–37 (in Russ.).
9. Kuznetsova A.V. Metatekst v khudozhestvennom tekste: pragmatika i funktsii [Meta-Text in Fiction Text: Pragmatics and Functions]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2020, vol. 13, no. 9, pp. 265–269. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.49>
10. Kudryavtseva M.I. Metatekst v khudozhestvennom diskurse postmoderna: kognitivno-pragmaticheskiy aspekt [Metatext in Postmodern Artistic Discourse: Cognitive-Pragmatic Aspect]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2022, vol. 15, no. 9, pp. 2954–2959. <https://doi.org/10.30853/phil20220483>
11. Platinina N.A., Plekhanova Yu.V. Uchebnyy metatekst kak osnova formirovaniya i razvitiya chitatel'skoy kompetentsii obuchayushchikhsya [The Use of Educational Metatexts in Developing Students' Reading Competence]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser: Istoriya i filologiya*, 2018, vol. 28, no. 6, pp. 1008–1019.
12. Choi S. Genre Analysis of Metatext of Korean Language Textbook. *J. Soc. Korean Lang. Lit.*, 2023, vol. 76, pp. 325–368. <https://doi.org/10.15711/WR.76.0.11>
13. Kiose M.I., Izmalkova A.I., Rzheshvskaya A.A., Makeev S.D. Text and Metatext Event in the Gaze Behavior of Impulsive and Reflective Readers. *Res. Result Theor. Appl. Linguist.*, 2023, vol. 9, no. 1, pp. 115–135.
14. Wilder S.A. All the (West)World's a Stage: HBO's *Westworld* as Metatext – Intertextuality, Genre, Seriality, Format. *J. Pop. Film Telev.*, 2023, vol. 51, no. 3, pp. 118–130. <https://doi.org/10.1080/01956051.2023.2259056>

Информация об авторах

И.А. Анашкина – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (адрес: 430005, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68).

И.И. Конькова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (адрес: 430005, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68).

Information about the authors

Irina A. Anashkina, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of English Language for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University (address: ul. Bol'shevistskaya 68, Saransk, 430005, Russia).

Inna I. Konkova, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of English Language for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University (address: ul. Bol'shevistskaya 68, Saransk, 430005, Russia).

Поступила в редакцию 29.06.2024
Одобрена после рецензирования 22.11.2024
Принята к публикации 29.11.2024

Submitted 29 June 2024
Approved after reviewing 22 November 2024
Accepted for publication 29 November 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 1. С. 77–86.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 77–86.

Научная статья
УДК 81'255.2
DOI: 10.37482/2687-1505-V406

Деонтические лексемы в переводах произведений авторов Русского Севера на английский язык

Мария Владимировна Дороеева

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
e-mail: malarie@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0639-6935>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования деонтической модальности в произведениях авторов Русского Севера (Ф. Абрамова, В. Личутина, Б. Шергина, С. Писахова) в сопоставлении с их переводами на английский язык. В ходе работы была получена выборка микроконтекстов, в составе которых как на языке оригинала, так и на языке перевода деонтическое высказывание имеет вид предложения в изъявительном наклонении, содержащего ту или иную эксплицитированную деонтическую лексему. На основе этой выборки был проведен статистический анализ, установивший частотность обращения переводчиков к различным деонтическим лексемам английского языка при передаче наиболее часто используемых в оригинальных текстах деонтических лексем русского языка. Полученные результаты были сопоставлены с данными о частотности соответствий англоязычных деонтических лексем русскоязычным, выявленными в ходе аналогичного анализа, проведенного на материале русско-английских словарей различных годов издания (общий хронологический охват издания отобранных словарей примерно соответствует хронологическому охвату издания англоязычных переводов рассматриваемых произведений). Сравнение частотности использования коррелирующих деонтических лексем в опубликованных переводах художественных текстов и лексикографических источниках позволило прийти к выводу о влиянии реализуемой переводчиком интерпретации коммуникативной ситуации на выбор того или иного варианта деонтической лексемы в процессе перевода. Кроме того, в статье осуществлен анализ выявленных микроконтекстов, содержащих деонтические лексемы, на основе критериев «источник деонтики» и «субъектная направленность», а также представлен краткий обзор теоретических источников, сформировавших современное понимание деонтической модальности в лингвистике.

Ключевые слова: деонтическая модальность, деонтическая ситуация, деонтическая лексема, литературно-художественный перевод, переводческая эквивалентность, переводческая интерпретация, литература Русского Севера

Для цитирования: Дороеева, М. В. Деонтические лексемы в переводах произведений авторов Русского Севера на английский язык / М. В. Дороеева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 77-86. – DOI 10.37482/2687-1505-V406.

Original article

Deontic Lexemes in the English Translations of the Works by Northern Russian Authors

Mariya V. Dorofeeva

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,

e-mail: malarie@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0639-6935>

Abstract. The article presents the findings of the study on deontic modality in the literary works by authors of the Russian North (F. Abramov, V. Lichutin, B. Shergin and S. Pisakhov) compared with their English translations. The research obtained a sample of microcontexts in which a deontic utterance has the form of an indicative sentence containing an explicit deontic lexeme both in the original text and in the translation. Further, a statistical analysis was performed, determining the frequency of use of various English deontic lexemes by translators when rendering Russian deontic lexemes most commonly occurring in the original texts. The results obtained were compared with the data on the frequency of matches between Russian and English deontic lexemes, determined by a similar analysis that used a chronologically diverse selection of Russian-English dictionaries as the source material (the publication date range of the dictionaries roughly corresponds to that of the English translations of the literary works under study). Having compared the frequency of use of correlating deontic lexemes in published translations and lexicographic sources, the author draws a conclusion about the influence of the translators' interpretations of various communicative situations on the choice of a particular deontic lexeme during the translation process. In addition, the article provides an analysis of identified microcontexts containing deontic lexemes based on the 'deontic source' and 'target subject' criteria, along with a brief review of the theoretical sources that formed the modern understanding of deontic modality within linguistics.

Keywords: *deontic modality, deontic situation, deontic lexeme, literary translation, translation equivalence, translator's interpretation, literature of the Russian North*

For citation: Dorofeeva M.V. Deontic Lexemes in the English Translations of the Works by Northern Russian Authors. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 77–86. DOI: 10.37482/2687-1505-V406

Перевод художественных произведений исторически является богатым источником разнообразных материалов для сравнительно-сопоставительных исследований в рамках двух языков. Это обусловлено не только величиной массива переводных текстов, создаваемых на протяжении веков, но и их разнообразием с точки зрения стилистики, а также присущим художественному тексту отражением культурно-языковой идентичности автора, различные аспекты которой могут проявляться в тексте как в эксплицитованном, так и в имплицитованном

виде. Сопоставление оригинала художественного произведения с его переводом на тот или иной язык дает представление о сходствах и различиях между культурами языка оригинала и языка перевода, нашедшими отражение в тексте.

Среди концептуальных систем, заложенных в функционирование любого обособленного культурного сообщества, возможно выделить системы законов и системы иерархий, в рамках которых будет осуществляться регуляция действий как отдельного индивида, так и группы индивидов, причисляемых к тому или иному

сообществу. Ключевыми для данных систем являются понятия, формирующие содержание так называемой деонтической модальности. Как явление она впервые была описана в 1951 году финским философом Г. фон Вригхтом, который, рассуждая о различных видах логических модальностей, деонтическую характеризовал как «оперирующую понятиями обязательного ('то, что нужно делать'), разрешенного ('то, что разрешено делать') и запретного ('то, что нельзя делать')» [1, с. 15].

Среди известных языковедов одним из первых рассмотрел деонтическую модальность как языковое явление британский лингвист Дж. Лайонз. Он выделил в качестве элемента, образующего деонтическую ситуацию, некий источник, который несет ответственность за возникновение обязательства [2, с. 824]. Позже за этим элементом закрепилось устойчивое название «деонтический источник», или «источник деонтики» (см., например: [3, с. 394; 4, с. 1006]).

В лингвистике модальность относится к числу языковых универсалий¹. Примечательно, однако, что единого, общепризнанного определения данное понятие не имеет, как не имеет и единой типологии, на что обращают внимание отечественные [5, с. 67] и зарубежные [6, с. 165–166] лингвисты. Так, например, в «Международной лингвистической энциклопедии» языковая модальность в узком смысле представляется как парадигма значений, отражающих различные понятия возможного и обязательного². В рамках этого подхода выделяются прежде всего два или три основных типа модальности: уже упомянутый деонтический, эпистемический (рассматривающий возможность и обязательность какого-либо факта или действия с точки зрения уверенности говорящего в том, что они произошли/происойдут), а также динамический (раскрывающий возможность с точки зрения способности некоего субъекта совер-

шить действие). Двухкомпонентную структуру модальности, образуемую ее эпистемическим и деонтическим видами, можно обнаружить у таких авторов, как, например, Г. Фуллер [7] и Э. Коэн [8], а трехкомпонентную – у М.Е. Домингес-Моралес [9], К. Брауна и Дж. Миллера [10] и др. В традиции отечественной лингвистики близким по содержанию к деонтической и динамической модальностям является тип модальных отношений, характеризуемый Г.А. Золотовой как отношения между действием и субъектом: возможность, желательность, необходимость, долженствование [11, с. 151]. Также среди отечественных и зарубежных ученых существуют различные взгляды на соотношенность деонтической модальности и таких видов модальности, как побудительная и волюнтаривная (см., например: [12, с. 400–401; 13]). Разнообразие взглядов обусловлено здесь прежде всего расхождением мнений относительно того, кто или что может выполнять функцию деонтического источника, важна ли реальная способность деонтического источника принудить субъект к выполнению или невыполнению действия.

Актуальность исследования деонтической модальности в сравнении и сопоставлении двух языковых культур обусловлена возможностью выявления сходств и различий концептуализации в них понятий «обязательное», «должное», «разрешенное» и «запрещенное», которые в совокупности образуют систему норм того или иного общества: осмысление этих сходств и различий на концептуальном уровне способствует процессам межкультурной коммуникации, реализуемой в рамках взаимодействия конкретных языковых культур. Теоретическая значимость заключается в раскрытии потенциала использования в качестве материала для исследования деонтической модальности текстов художественной литературы и их переводов, осуществляемого с учетом контекста, формируемого сюжетом и реалиями

¹Ляпон М.В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 303–304.

²van der Auwera J. Modality // International Encyclopedia of Linguistics. 2nd ed. Vol. 3. Oxford, 2003. P. 71–73.

вымышленного мира того или иного произведения. Результаты исследования могут быть привлечены в качестве наглядного материала для разработки лекционных и семинарских занятий по переводоведческим дисциплинам, реализуемым в рамках языковой пары «русский/английский язык».

В рамках данной статьи рассматриваются высказывания в изъявительном наклонении, налагающие на адресата какое-либо обязательство, запрет, разрешение или декларирующие их наличие, а также предполагающие наличие какого-либо рода необходимости или потребности совершить некоторое действие. При этом в высказывании должен содержаться лексический компонент, обладающий самостоятельным и эксплицированным деонтическим значением (деонтическая лексема). Выборка микроконтекстов, содержащих такие высказывания, была осуществлена на материале оригинальных текстов произведений авторов Русского Севера (Ф.А. Абрамова, С.Г. Писахова, В.В. Личутина и Б.В. Шергина) и их переводов на английский язык и составила около 700 единиц.

Затем были отобраны те микроконтексты, перевод которых был осуществлен с сохранением изъявительного характера высказывания, а также с использованием лексических средств с самостоятельным и эксплицированным деонтическим значением. Поясним этот подход следующим примером:

(1) *Бить их, говорит, надо, а то она, бедная, до полного истощения на них сидеть будет, покуда не сдохнет*³. – *You must get rid of them, or else she'll sit on them until she's starved to death, the poor thing*⁴.

³Абрамов Ф.А. Трава-мурава. М., 1982. С. 411.

⁴*Abramov F. Mikhei and Irinia // Abramov F. In the Land of the White Nights. Moscow, 1987. P. 66.*

⁵*Lapidus B.A., Shevtsova S.V. The Learner's Russian-English Dictionary. Cambridge (MA), 1963. 688 p.; Wedel E., Romanov A. Langenscheidt's Pocket Russian Dictionary. Berlin, 1969. 592 p.; Schacht S., Vangmark H. Russian-English Basic Dictionary. London, 1973. 185 p.; Harrison W., Fleming S. English-Russian, Russian-English Dictionary. N. Y., 1983. 568 p.; Бенюх О.П., Чернов Г.В. Карманный русско-английский словарь. 19-е изд. М., 1984. 285 с.; Wheeler M. The Oxford Russian-English Dictionary. 2nd ed. Oxford, 1984. 930 p.; Collins Russian-English English-Russian Dictionary. Glasgow, 1994. 563 p.; Oxford Russian Dictionary. 3rd ed. N. Y., 2000. 1293 p.; Дубровин М.И. Русско-английский словарь. М., 2008. 672 с.; Современный русско-английский словарь / сост. Л.П. Попова. М., 2008. 624 с.*

В данном микроконтексте, в речи охотника, обращенной к сыну-подростку, вернушемуся из леса и рассказавшему об увиденной птице, звучит декларация необходимости действия, являющаяся также косвенным призывом к нему. Компонент «необходимость» в оригинале передает предиктивное наречие *надо*, которому в переводе соответствует глагол *must*. Именно такого рода пары оригинального и переводного микроконтекстов вошли в нашу итоговую выборку объемом 335 единиц.

Среди используемых в оригинальных микроконтекстах выборки эксплицитных деонтических лексем наиболее широко представлены следующие: *надо* (200 случаев употребления, т. е. почти 60 % от общего количества), *должен* (также *должна* и др. словоформы – 29 случаев), *приходиться* (27), *нельзя* (16), *можно* (15), *нужно* (10) и *мочь* (7). Частотность употребления иных деонтических лексем в высказываниях, вошедших в итоговую выборку, составляет от 1 до 5 случаев и не рассматривается в данной статье.

Далее представим разнообразие и частотность выбора переводчиками тех или иных англоязычных лексем для передачи деонтического содержания оригинального текста и сравним их с аналогичными параметрами из выборки аналогичных соответствий, составленной по 10 русско-английским словарям⁵, изданным с 1963 по 2008 год – как в России, так и за рубежом.

1. *Надо* – *to have (got)* (78 случаев из 200, т. е. 39 %), *must* (17,5 %), *to need* (13 %), *should* (11 %), *ought* (10 %), *need* как существительное (3,5 %), *to want* (3 %), *necessary* (1 %), *to be supposed* (1 %) и *time* (1 %).

Частотность упоминания различных лексем как эквивалентных лексеме *надо* в лексикографических источниках выглядит следующим образом: *must* (упоминается в 8 источниках из 10, составляя 25,8 % от общего пула эквивалентов, рассматриваемого как вместе взятое количество всех лексем, указанных в лексикографических источниках в качестве эквивалента заданной лексеме и обладающих при этом деонтическим значением), *necessary* (8, или 25,8 %), *to need* (8, или 25,8 %), *ought* (3, или 9,7 %), *to want* (2, или 6,5 %), *to have (got)* (1, или 3,2 %), *should* (1, или 3,2 %).

2. *Должен* (и прочие его грамматические варианты) – *must* (13 случаев из 29, т. е. 44,8 %), *should* (20,7 %), *to have (got)* (20,7 %), *ought* (6,9 %), *due* (3,4 %), *to be* (3,4 %).

В лексикографической выборке частотность упоминания эквивалентных лексем реализована так: *must* (10 случаев из 10, или 40 %), *to have (got)* (9, или 36 %), *ought* (2, или 8 %), *to be* (1, или 4 %), *obliged* (1, или 4 %), *owing* (1, или 4 %), *should* (1, или 4 %).

3. *Приходиться* – *to have (got)* (22 случая из 27, т. е. 81,5 %), *need* как существительное (7,4 %), *to need* (3,7 %), *could (not)* (3,7 %), *must* (3,7 %).

Следует отметить, что в 2 из 10 рассматриваемых лексикографических источников данная лексема отсутствует. Для 8 оставшихся распределение частотности эквивалентов русскоязычной лексемы *приходиться*, употребляемой в деонтическом значении, выглядит так: *to have (got)* (8 случаев из 8, или 80 % от общего пула эквивалентов), *must* (1, или 10 %), *to prove necessary* (1, или 10 %).

4. *Нельзя* – *can not* (4 случая из 16, т. е. 25 %), *should not* (25 %), *must not* (18,8 %), *against the law* (6,3 %), *could not* (6,3 %), *ought not* (6,3 %), *forbidden* (6,3 %), *not allowed* (6,3 %).

Лексема *нельзя* отсутствует в одном из анализируемых лексикографических источников, среди оставшихся 9 частотность эквивалентов распределяется следующим образом: *not allowed* (5 случаев из 9, или 26,3 %), *must not* (3, или 15,8 %), *should not* (3, или 15,8 %), *can not* (2, или 10,5 %), *ought not*

(2, или 10,5 %), *not permitted* (1, или 5,3 %), *could* (1, или 5,3 %), *forbidden* (1, или 5,3 %), *prohibited* (1, или 5,3 %).

5. *Можно* – *could* (9 случаев из 15, т. е. 40 %), *can* (26,7 %), *a way to carry on* (6,7 %), *might* (6,7 %), *to allow* (6,7 %), *to be liable* (6,7 %), *to let* (6,7 %).

Как и в предыдущем случае, данная лексема отсутствует в одном из лексикографических источников выборки, поэтому частотность эквивалентов представлена на материале 9 словарей: *may* (8 случаев из 9, т. е. 36,4 %), *can* (3, или 18,2 %), *to allow* (3, или 13,6 %), *could* (2, или 9,1 %), *permissible* (2, или 9,1 %), *permitted* (2, или 9,1 %) и *possible* (1, или 4,5 %).

6. *Нужно* – *to need* (6 случаев из 10, т. е. 60 %), *essential* (20 %), *must* (10 %), *need* как существительное (10 %).

Распределение частотности эквивалентов в выборке лексикографических источников выглядит следующим образом: *must* (9 источников из 10, т. е. 22,5 %), *necessary* (9, или 22,5 %), *to need* (7, или 17,5 %), *to have (got)* (5, или 12,5 %), *ought* (4, или 10 %), *should* (4, или 10 %) и *to want* (2, или 5 %).

7. *Мочь* – *may* (3 случая из 7, т. е. 42,9 %), *can* (28,6 %), *could* (28,6 %).

Среди рассмотренных лексикографических источников 4 не включают *мочь* в качестве отдельной лексемы. В 6 оставшихся англоязычные эквиваленты данной лексемы распределяются с такой частотностью: *may* (5 источников из 6, т. е. 50 %), *can* (3, или 30 %), *to not bother* (1, или 10 %), *to not have to* (1, или 10 %).

На основании полученных данных можно сделать некоторые выводы. Несмотря на то, что лексикографические источники предлагают разнообразный набор эквивалентных соответствий для деонтических лексем, в большинстве случаев частотность одного или нескольких эквивалентов значительно превышает остальные. Так, для русскоязычной лексемы *надо* основными эквивалентами являются англоязычные лексемы *must*, *necessary* и *to need* (будем рассматривать необходимость, обусловленную потребностью, как деонтическое явление, оговаривая, что на этот

счет имеются различные точки зрения). Для лексемы *должен* основными эквивалентами выступают глаголы *must* и *to have (got)*, для *приходиться* – *to have (got)*, для *нельзя* – *not allowed*, для *можно* – *may*, для *нужно*, как и в случае с *надо*, – *must, necessary* и *to need*, а для *мочь* – *may*.

Исходя из того, что лексикографические источники представляют одно из основных средств поддержки переводческой деятельности, можно предположить, что частотность применения того или иного эквивалента деонтической лексемы в работе над переводом должна совпадать с частотностью упоминания этих эквивалентов в словарях (разумеется, в тех случаях, когда переводчик обращался к эквивалентам, а не прибегал к какому-либо иному способу передачи деонтического компонента). Однако, как показывает наше исследование, справедливым данное предположение является для глаголов *мочь* и *приходиться*, а также для краткого прилагательного *должен*. Но даже в указанных случаях состав эквивалентов, использованных переводчиками в работе с реальными художественными текстами, имеет отличия от формируемого на основе лексикографических источников. Это наглядно подтверждает идею о том, что ведущую роль в процессе перевода играет интерпретация любой коммуникативной ситуации переводчиком, который подбирает эквивалент для передачи деонтического компонента содержания любой коммуникативной ситуации исходя из своего представления о взаимоотношениях персонажей художественного произведения, об их индивидуальных характерах, а также о правилах и законах вымышленного мира, в условиях которого развивается сюжет.

Далее рассмотрим несколько микроконтекстов, содержащих деонтическое высказывание, сформированное посредством краткого прилагательного *должен*, значение которого было переда-

но в переводе при помощи глаголов *must, should* и *have*. Предполагая, что сфера функционирования деонтической модальности может оказывать влияние на выбор переводчиком лексемы при переводе того или иного микроконтекста, попытаемся выделить возможные ее категории.

Случай, в которых деонтическое значение краткого прилагательного *должен* было передано посредством модального глагола *should*, можно охарактеризовать как общие представления о правилах жизни человека. При этом внутри данной группы можно выделить подгруппу, высказывания в которой отражают не столько личное мнение говорящего, сколько общие представления о правильном и должном общества, где тот проживает:

(2) *Люди меня давно ума доводили и мне говорили: сын взгляду отца должен бояться, от взгляда с ног падать, а у вас-де с сыном дружба-приятство...*⁶ – *People were forever going on at me: "Son should fear his father's glance, should bow down before it. Yet there is friendship between you and your son..."*⁷

Во второй подгруппе, соответственно, находятся высказывания, отражающие личную точку зрения говорящего и его убеждения:

(3) *А женский пол не прежде должен выходить замуж, как от пятнадцати и до сорока пяти лет*⁸. – *The female sex should not earlier be given in marriage than from the fifteenth and until the forty-fifth year*⁹.

Микроконтекст (3) является фрагментом монолога персонажа романа В.В. Личутина «Скитальцы», участвующего в ожесточенном споре о правильности уклада жизни скрытого от обычных людей города, в который по сюжету попадают главные герои. Следует отметить, что действие романа происходит в первой половине XIX века. Сам персонаж страдает от душевного расстройства, поэтому его мысли не предстают отражением авторских убеждений и

⁶Шергин Б.В. Запечатленная слава. М., 1983. С. 287.

⁷Shergin B. The Tale of Lomonosov // Shergin B. In the Land of the White Nights. Moscow, 1987. P. 44.

⁸Личутин В.В. Скитальцы. М., 2003. С. 728.

⁹Lichutin V. The Itinerants (Excerpt) // Soviet Literature. 1990. № 6. P. 123.

не постулируются как имеющие силу в данном вымышленном мире.

Глагол *to have* обнаруживается в переводах высказываний, сформированных при помощи краткого прилагательного *должен*, в двух случаях: когда речь идет о действиях, совершаемых вынужденно, под гнетом внешних обстоятельств, и когда высказывание каким-либо образом затрагивает вопросы этического характера применительно к конкретному индивиду (т. е. персонажу – в контексте художественного произведения).

Продемонстрируем состав первой группы высказываний следующим примером:

(4) *И вот из-за этой-то своей затеи она и должна была сидеть на якоре*¹⁰. – *And because of that silly trick of hers she now had to stay put until the money order arrived*¹¹.

В микроконтексте (4) героиня повести Ф.А. Абрамова «Алька», сложным способом отправившая почтовый денежный перевод в родное село, не может покинуть его, не дождавшись денег, и это единственная причина, задерживающая ее отъезд. Хотя формально она оказалась в данной ситуации из-за своего же поступка, его последствия достаточно абстрактны и обезличены, чтобы их можно было воспринимать как внешние обстоятельства.

Вторая группа высказываний, в которых глагол *to have* используется для передачи значения краткого прилагательного *должен*, выглядит следующим образом:

(5) *Теперь не отцу, не мачехе, а всему народу русскому он должен и может показать важность, надобность образования...*¹² – *Now it was not his father, nor his step-mother, whom he had to and would convince of the importance of public education, but the Russian people...*¹³

Авторская речь в микроконтексте (5) демонстрирует читателям настрой главного героя сказа «Слово о Ломоносове» по возвращении из Германии. В указанном произведении Б.В. Шергина, имеющем черты античной эпидектической риторики [14, с. 309], Ломоносов представлен человеком, добровольно взявшим на себя миссию по развитию системы образования и научных организаций в России. Поэтому вопрос обязательства в приводимом высказывании носит лично-этический характер (формально никто не заставляет Ломоносова-персонажа совершать указанные действия, это его личный выбор, продиктованный чувством личного долга).

Случай, когда деонтическое значение краткого прилагательного *должен* в рамках какого-либо высказывания передается при помощи глагола *must*, можно поделить на три группы: 1) законы и правила; 2) личное желание субъекта; 3) общественная этика и мораль. К первой группе можно отнести следующие случаи:

(6) *И еще, если будет требование в военную службу – это должно исполнить безоговорочно, ибо и без этого нельзя, ибо все оно для всеобщей пользы и для порядка государству*¹⁴. – *And again, if there be a call for military service, this must be obeyed without question, for this too is a needful thing. All these things are for the common good and for the good order of the state*¹⁵;

(7) *Я должна идти в свою реку. Разве ты не знаешь закон великого Лоха?*¹⁶ – *I must go to my own river. Don't you know the law of Great Lokh?*¹⁷

Микроконтекст (6) является фрагментом того же монолога, что и микроконтекст (3): страдающий душевным расстройством персонаж продолжает раскрывать остальным свое видение

¹⁰Абрамов Ф.А. Трава-мурава. С. 133.

¹¹Abramov F. The Swans Flew by and Other Stories. Moscow, 1986. P. 159.

¹²Шергин Б.В. Запечатленная слава. С. 298.

¹³Shergin B. The Tale of Lomonosov. P. 55.

¹⁴Личутин В.В. Скитальцы. С. 727.

¹⁵Lichutin V. The Itinerants (Excerpt). P. 122.

¹⁶Абрамов Ф.А. Трава-мурава. С. 284.

¹⁷Abramov F. The Swans Flew by and Other Stories. P. 231.

идеального мира, обращаясь уже к таким институционализированным сферам, как отношение населения с правительством и армией. Описываемые им установки в условиях реализации его мечты получили бы закрепление в виде законов, именно поэтому мы и считаем возможным отнести их к данной группе. Микротекст (7) также отражает имеющиеся формулировки правила, по которым живет сообщество рыб – персонажей повести Ф.А. Абрамова «Жила-была семужка».

В этом же произведении мы встречаем ситуации второй группы, когда глагол *must* используется для перевода краткого прилагательного *должен*, обозначающего необходимость, продиктованную личным желанием индивида (в данном случае – главной героини, желающей привлечь внимание кумира):

(8) *Как знать, может быть, откуда-нибудь со стороны на них смотрит сам великий Лох, и она должна быть на виду*¹⁸. – *Who knows, perhaps the great Loch himself was watching them from somewhere, and she must catch his eye*¹⁹.

Наконец, третью группу составляют высказывания, отражающие вопросы общественной морали и этики в соответствии с мнением индивида:

(9) *Вот какое это дерево сосна, Алексей! Да мы ей в ноги должны поклониться*²⁰. – *That's the kind of tree a pine is, Alexei. We must honour it*²¹.

Высказывание из микротекста (9) принадлежит леснику (персонажу рассказа Ф.А. Абрамова «Сосновые дети»), переживающему из-за равнодушного отношения современников к природе: декларацию необходимости действия он направляет в равной степени как на самого себя, так и на собеседника, а также на всех людей в принципе.

Особое внимание привлекают к себе ситуации, когда разные переводчики, выполняющие

перевод одного и того же произведения, для передачи значения деонтической лексемы в составе того или иного микротекста обращаются к разным деонтическим лексемам языка перевода, как, например, произошло в данном случае:

(10) *Да, районную политграмоту он знает (слава богу, тридцать лет без мала тянул лямку районищика!): силос по сводке не должен отставать от сена*²². – *Yes, he did know the political facts of the region well enough (thank God, he'd been an active drudge in the region for the past thirty years now): according to the report, the storage of fodder must not lag behind the hay harvest*²³; *Yes, he knew all about politics at the district level (thank God, he'd trudged around as a district official for pretty nearly thirty years): silage should never lag behind hay in the report*²⁴.

Более глубокое изучение разницы между деонтическими оттенками глаголов *should* и *must* могло бы указать на разницу в интерпретации переводчиками содержания понятия «районная политграмота» (являющегося культурной реалией) и оценить их по критерию меньшей или большей адекватности.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает перспективность использования художественных текстов и их переводов на английский язык как материала для изучения функционирования в различных коммуникативных ситуациях деонтической модальности и ее реализации в условиях разных языковых культур. Учет контекста, образуемого сюжетом и реалиями вымышленного мира конкретного художественного произведения, в свою очередь, позволяет более детально интерпретировать решения переводчика и оценивать качество его работы.

¹⁸Абрамов Ф.А. Трава-мурава. С. 283.

¹⁹Abramov F. The Tale of the Salmon // Spring of Light. Moscow, 1974. P. 170.

²⁰Абрамов Ф.А. Трава-мурава. С. 332.

²¹Abramov F. The Swans Flew by and Other Stories. P. 286.

²²Абрамов Ф.А. Трава-мурава. С. 180.

²³Abramov F. The New Life: A Day on a Collective Farm. N. Y., 1963. P. 20.

²⁴Abramov F. The Dodgers. London, 1963. P. 21.

Список литературы

1. von Wright G.H. Deontic Logic // *Mind*. 1951. Vol. 60, № 237. P. 1–15. <https://doi.org/10.1093/mind/LX.237.1>
2. Lyons J. *Semantics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1977. Vol. 2. 897 p.
3. Цвинариа М.Е. Способы передачи значений древнеанглийского глагола *mōtan* в переводе В. Тихомирова эпоса «Беовульф» (прагмалингвистический и переводческий аспекты) // *Филол. науки. Вопр. теории и практики*. 2018. № 12-2(90). С. 393–397. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.42>
4. Сытько А.В. Говорящий как субъект деонтики в политической речи (на материале немецкого и русского языков) // *Вестн. РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2019. Т. 10, № 4. С. 1003–1020. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-1003-1020>
5. Бирюлин Л.А., Корди Е.Е. Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе // *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность* / отв. ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1990. С. 67–71.
6. Narrog H. On Defining Modality Again // *Lang. Sci.* 2005. Vol. 27, № 2. P. 165–192. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2003.11.007>
7. The New Fowler's Modern English Usage / ed. by H.W. Fowler. Oxford: Clarendon Press, 1998. 873 p.
8. Cohen E. Conditional Patterns in the Jewish Neo-Aramaic Dialect of Zakho // *Studies in the Grammar and Lexicon of Neo-Aramaic* / ed. by G. Khan. Cambridge: Open Book Publ., 2021. P. 195–220.
9. Domínguez Morales M.E. The Forms and Functions of Modal Verbs in Sections of the English Tourism Research Articles. Valencia: Editorial Universitat Politècnica de València, 2022. 106 p.
10. Brown K., Miller J. *A Critical Account of English Syntax*: Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2016. 296 p.
11. Золотова Г.А. *Очерк функционального синтаксиса русского языка* / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1973. 351 с.
12. Понятина Т.П. Побудительная модальность в художественной коммуникации // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского*. 2014. № 2(2). С. 399–402.
13. Сытько А.В. Понятийное содержание воли в деонтической семантике // *Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология*. 2019. № 2. С. 15–22.
14. Дегтярева В.С. Эпидиктические сказы Б. Шергина: лингвостилистический аспект // *Филол. науки. Вопр. теории и практики*. 2018. № 2-2(80). С. 309–311. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-2-2.23>

References

1. von Wright G.H. Deontic Logic. *Mind*, 1951, vol. 60, no. 237, pp. 1–15. <https://doi.org/10.1093/mind/LX.237.1>
2. Lyons J. *Semantics*. Cambridge, 1977. Vol. 2. 897 p.
3. Tsvinaria M.E. Sposoby peredachi znacheniy drevneangliyskogo glagola *mōtan* v perevode V. Tikhomirova eposa “Beovul’f” (pragmalinguisticheskiy i perevodcheskiy aspekty) [Ways to Transfer the Meanings of the Old English Verb *Mōtan* in V. Tikhomirov’s Translation of the “Beowulf” Epic Poem (Pragma-Linguistic and Translation Aspects)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, no. 12-2, pp. 393–397. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.42>
4. Sytko A.W. Speaker as a Deontic Agent in Political Speech (on the Material of German and Russian Languages). *RUDN J. Lang. Stud. Semiot. Semant.*, 2019, vol. 10, no. 4, pp. 1003–1020. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-1003-1020>
5. Biryulin L.A., Kordi E.E. Osnovnye tipy modal’nykh znacheniy, vydelyaemykh v lingvisticheskoy literature [Main Types of Modal Meanings Described in Linguistic Sources]. Bondarko A.V. (ed.). *Teoriya funktsional’noy grammatiki. Temporal’nost’. Modal’nost’* [Theory of Functional Grammar. Temporality. Modality]. Leningrad, 1990, pp. 67–71.
6. Narrog H. On Defining Modality Again. *Lang. Sci.*, 2005, vol. 27, no. 2, pp. 165–192. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2003.11.007>
7. Fowler H.W. (ed.). *The New Fowler’s Modern English Usage*. Oxford, 1998. 873 p.
8. Cohen E. Conditional Patterns in the Jewish Neo-Aramaic Dialect of Zakho. Khan G. (ed.). *Studies in the Grammar and Lexicon of Neo-Aramaic*. Cambridge, 2021, pp. 195–220.
9. Domínguez Morales M.E. *The Forms and Functions of Modal Verbs in Sections of the English Tourism Research Articles*. Valencia, 2022. 106 p.

10. Brown K., Miller J. *A Critical Account of English Syntax: Grammar, Meaning, Text*. Edinburgh, 2016. 296 p.
11. Zolotova G.A. *Ocherk funkcional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on the Functional Syntax of the Russian Language]. Moscow, 1973. 351 p.
12. Ponyatina T.P. Pobuditel'naya modal'nost' v khudozhestvennoy kommunikatsii [Incentive Modality in Art Communication]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2014, no. 2, pp. 399–402.
13. Sytko A.W. Ponyatiynoe sodержanie voli v deonticheskoy semantike [The Concept of Will in the Semantics of Deontic Modality]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologiya, pedagogika, psikhologiya*, 2019, no. 2, pp. 15–22.
14. Degtyareva V.S. Epidikticheskie skazy B. Shergina: lingvostilisticheskiy aspekt [B. Shergin's Epidictic Tales: Linguo-Stylistic Aspect]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, no. 2-2, pp. 309–311. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-2-2.23>

Информация об авторе

М.В. Дорофеева – преподаватель научно-образовательного центра «Интегративное переводоведение приарктического пространства» Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17).

Information about the author

Mariya V. Dorofeeva, Lecturer, Scientific and Educational Centre “Integrative Translation Studies in the Subarctic Region”, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 25.12.2023
Одобрена после рецензирования 12.11.2024
Принята к публикации 14.11.2024

Submitted 25 December 2023
Approved after reviewing 12 November 2024
Accepted for publication 14 November 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 1. С. 87–95.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 87–95.

Научная статья
УДК 811.161.1:821.161.1
DOI: 10.37482/2687-1505-V407

Грамматическая метафора и темпоральный контраст в поэзии Ольги Арефьевой

Андрей Феликсович Пантелеев^{1✉}

Мария Антоновна Талалаева²

^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹e-mail: AF3@yandex.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2090-9225>

²e-mail: mzhu@sfedu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0452-5412>

Аннотация. Грамматическая метафора – важное средство создания образности, выражения авторских интенций в русской лирике конца XX – начала XXI века, в частности в творчестве Ольги Арефьевой, одного из ярчайших представителей современной рок-поэзии. В основе грамматической метафоры лежит морфологическая транспозиция, однако метафора в грамматике – это не просто задействование одной грамматической формы в значении другой, а переносное употребление той или иной формы, цель которого – создание образности. Грамматическая метафора имеет ярко выраженный контекстуальный характер, реализуется только в условиях определенного микроконтекста. Являясь средством создания образности, экспрессивности, в поэтическом тексте она может весьма успешно конкурировать с лексической метафорой, выступать в качестве важного элемента идиостиля автора, что можно наблюдать в текстах Ольги Арефьевой. В поэзии этого автора активно используется образный потенциал категориальной грамматической метафоры, в рамках которой переносу подвергаются грамматические категории и грамматические формы. Центральное место занимает перенос в сфере категории времени глагола. Употребление формы времени глагола в значении, свойственном другой временной форме, способствует возникновению в сознании адресата текста яркой, образной картины мира, состояния человека, особенностей его мироощущения. Подобная разновидность категориальной грамматической метафоры в текстах Ольги Арефьевой приводит к появлению темпорального контраста между «вчера» – «сегодня» – «завтра». «Завтра» воспринимается адресатом текста как уже свершившийся факт, тогда как «вчера» оказывается чем-то еще не осуществившимся, находящимся на стыке реальной и ирреальной модальностей. Смещение временных планов, разрушение временных рамок, основанные на грамматической метафоре, создают образность, отражающую специфику тонкой, наполненной психологизмом поэзии автора.

Ключевые слова: грамматическая метафора, категориальная метафора, морфологическая транспозиция, темпоральный контраст, образность, идиостиль Ольги Арефьевой

Для цитирования: Пантелеев, А. Ф. Грамматическая метафора и темпоральный контраст в поэзии Ольги Арефьевой / А. Ф. Пантелеев, М. А. Талалаева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 87-95. – DOI 10.37482/2687-1505-V407.

Original article

Grammatical Metaphor and Temporal Contrast in Olga Arefieva's Poetry

Andrey F. Panteleev¹✉

Maria A. Talalaeva²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹e-mail: AF3@yandex.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2090-9225>

²e-mail: mzhu@sfedu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0452-5412>

Abstract. Grammatical metaphor is an important means of creating imagery and expressing author's intentions in Russian lyric poetry of the late 20th and early 21st centuries, in particular, in the works of Olga Arefieva, one of the brightest representatives of modern rock poetry. Although based on morphological transposition, grammatical metaphor is not just the use of one grammatical form in the meaning of another, but the figurative use of a certain form with the aim to create imagery. Grammatical metaphor is highly contextual, i.e. it is only realized in a certain microcontext. Being an expressive means, grammatical metaphor in a poetic text can compete quite successfully with lexical metaphor and be an important element of the author's style, which can be observed in Arefieva's texts. She makes an extensive use of the figurative potential of categorical grammatical metaphor, within which grammatical categories and forms are transposed. A central place is occupied by transposition in the category of verb tense. The use of one tense form in the meaning of another vividly evokes in the mind of the text addressee the person's worldview, state and view of life. This kind of categorical grammatical metaphor in Arefieva's poetry creates a temporal contrast between yesterday, today and tomorrow. *Tomorrow* is perceived by the addressee as an accomplished fact, while *yesterday* is something that has not yet happened and is still at the interface between the real and the unreal. The mixing of temporal planes and the destruction of time frames, based on grammatical metaphor, produce imagery that reflects the specific nature of the author's subtle, psychologistic poetry.

Keywords: *grammatical metaphor, categorical metaphor, morphological transposition, temporal contrast, imagery, Olga Arefieva's style*

For citation: Panteleev A.F., Talalaeva M.A. Grammatical Metaphor and Temporal Contrast in Olga Arefieva's Poetry. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 87–95. DOI: 10.37482/2687-1505-V407

Введение. Грамматическая метафора является важным элементом художественного текста второй половины XX – начала XXI века, одной из типичных черт литературы русского постмодернизма в целом и рок-поэзии в частности. Возникающая на основе морфологической транспозиции грамматическая метафора выступает в качестве средства создания образности, средства воздействия на адресата текста, выражает авторские интенции и выполняет прагматические задачи.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ грамматической метафоры в сфере категории времени глагола как эффективного средства создания образности в поэтическом творчестве Ольги Арефьевой, яркой представительницы поэзии русского рока конца прошлого – начала нынешнего столетия. В связи с этим мы ставим следующие задачи: уточнить объем понятия «грамматическая метафора»; разграничить понятия «грамматическая метафора» и «морфологическая

транспозиция»; рассмотреть грамматическую метафору категориального типа как важнейшее средство реализации темпорального контраста, создания образности, яркий элемент идиостиля О. Арефьевой. Объектом исследования выступают случаи реализации в поэтических текстах О. Арефьевой грамматической метафоры в сфере категории времени глагола.

Актуальность настоящей работы заключается в том, что анализ особенностей функционирования грамматической метафоры позволяет определить типичные черты русской рок-поэзии и установить специфику идиостиля конкретного автора. Научная новизна состоит в том, что в статье проведен комплексный анализ примеров использования грамматической метафоры, в основе которой лежит морфологическая транспозиция временных форм глаголов. Подобный грамматический перенос приводит к возникновению темпорального контраста как средства создания образности, актуализирующего индивидуально-авторскую когнитивную и языковую системы. Ранее мы разработали типологию грамматической метафоры, выявили ее основные разновидности, наиболее активно употребляемые в русской рок-поэзии. В данной статье рассматривается один из типов грамматической метафоры как наиболее важный элемент идиостиля Ольги Арефьевой.

Теоретическая значимость исследования заключается в определении взаимосвязи грамматической метафоры с морфологической транспозицией и стилистическим приемом контраста, а также в раскрытии функций грамматической метафоры в поэтическом тексте. Полученные данные могут быть привлечены для дальнейшего изучения явления грамматической метафоры и ее роли в художественном тексте. Практическая ценность состоит в том, что материалы и выводы статьи могут найти широкое применение в таких учебных курсах, как «Стилистика», «Филологический анализ текста», «Литературное редактирование», а также в курсах по теории перевода.

Обзор литературы. Грамматическая метафора выступает объектом пристального внима-

ния лингвистики второй половины XX – начала XXI века. Впервые метафоры в грамматике рассматривает Х. Вайнрих, называющий проявления метафорического грамматического переноса «смелыми метафорами» [1]. Под термином «грамматическая метафора», который впервые появляется в работе Э. Оксаар [2], понимается использование морфемы или комплекса морфем в несвойственной им функции [2]. Данной точки зрения придерживается и Б. Тошович [3, с. 64]. Исследованию реализации грамматической метафоры в текстах различных жанров посвящены научные труды Х. Вайнриха [4], В. Коллера [5], М. Taverniers [6], D.Y. Devrim [7] и других зарубежных лингвистов конца прошлого – начала нынешнего столетия.

В отечественной науке о языке грамматическая метафора рассматривается «как употребление определенной грамматической формы в позиции, являющейся типичной для какой-либо иной грамматической формы» [8, с. 80], что приводит к возникновению конфликта между самой формой, подвергающейся переносу, и окружающим ее микроконтекстом. Теория грамматической метафоры в русистике начинает развиваться прежде всего благодаря Е.И. Шендельс [9, 10]. Грамматическую метафору Е.И. Шендельс понимает как тонкие, скрытые сигналы грамматики, включаемые автором в текст [10, с. 56], при этом «любая грамматическая категория может стать основой метафоры и приобрести художественную ценность» [9, с. 56]. Грамматическому переносу подвергаются именно формы, выступающие в позициях, типичных для других грамматических форм, т. е. «при метафоре заменяют друг друга не категории, а категориальные формы» [11, с. 180].

Связь между грамматической метафорой и стилистическим приемом контраста раскрывает Э.М. Береговская [12, с. 17], считающая, что контраст возникает при столкновении подвергающейся переносу формы и контекста. В основе любой грамматической метафоры лежит морфологическая транспозиция [13, с. 82]. Явлению морфологической транспозиции посвящены труды Л.В. Зубовой [14], Е.С. Кубряковой [15],

М.Ф. Лукина [16], Е.Н. Ремчуковой [17], М.Г. Меркуловой [18]. Примеры морфологической транспозиции в тексте Т.Я. Кузнецова рассматривает в тесной связи с прагматическими задачами автора текста, проблемой реализации авторских интенций [19]. Грамматическая образность определяется Е.И. Шендельс [9, 10], Е.Н. Ремчуковой [17], И.П. Приходько [20], Л.В. Самуйловой и Е.С. Ланцовой [21], Н.Ю. Осокиной [22, 23], А.Ф. Пантелеевым [8, 11] как менее яркая, индивидуальная в сравнении с лексической. Однако, по мнению Р.О. Якобсона, грамматическая метафора способна также выступать в качестве «единственного носителя сокровенной символики» [24, с. 397] текста, не только конкурируя с лексическими средствами создания образности, изобразительности, но и выходя на первый план.

Материалы и методы. В ходе исследования были рассмотрены примеры реализации грамматической метафоры в сфере глагольной категории времени, проведен лингвистический анализ, что позволило выявить основные закономерности их функционирования в качестве средств создания образности и возникновения темпорального контраста. Были применены описательный и трансформационный методы, методы дистрибутивного и компонентного анализа. С целью уточнения семантики исследуемых языковых единиц был использован «Толковый словарь русского языка» (авторы – С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова).

В проанализированных 372 стихотворных текстах О. Арефьевой обнаружено 56 примеров грамматической метафоры данного типа и возникающего на ее основе темпорального контраста.

Мы считаем, что морфологическая транспозиция, т. е. «любое переносное употребление грамматической формы, использование ее в значении другой формы» [13, с. 82], выступает основой для появления грамматической метафоры. И не поддерживаем мнение Е.Н. Ремчуковой [17] и М.Г. Меркуловой [18], которые не выделяют грамматическую метафору как языко-

вое явление, а рассматривают все явления грамматического переноса только как примеры морфологической транспозиции. Понятие «транспозиция» гораздо шире, чем понятие «грамматическая метафора». Под морфологической транспозицией понимается любое переносное использование грамматических форм. Целью грамматической метафоры является, по мнению Е.И. Шендельс, которое мы полностью разделяем, создание образности [8–10; 11, с. 179]. Грамматическая метафора – это «намеренное использование грамматической формы в не свойственном ей контексте с целью создания образности, или интенциональный семантический сдвиг» [22, с. 163–164]. Как отмечает Т.Я. Кузнецова, применение транспонируемых форм для создания грамматической метафоры связано с прагматическими задачами говорящего, соотносящего «высказывание с ситуацией», выстраивающего «его в соответствии с замыслом» [19, с. 98]. Грамматическая метафора является основой для возникновения, в частности, темпорального контраста [12], способствующего созданию образности, – стилистического приема, успешно конкурирующего с лексическими тропами в художественном тексте.

Результаты. Ольга Арефьева смело экспериментирует со словом, причем как с его формой, так и с содержанием. Для автора характерно нестандартное восприятие времени и пространства. В ее поэзии время лишено линейности – смешение прошлого, настоящего, будущего постоянно. В одной плоскости одновременно могут происходить события, относящиеся к разным временным планам. Например, действие, в реальности являющееся фактом прошлого, предшествующим моменту речи, представляется автором как относящееся к плану будущего.

Время в стихах и песнях Ольги Арефьевой становится чем-то, с одной стороны, более материальным, с другой – непостижимым, ускользающим от человека, ср.: *Когда-нибудь придет сегодня, / Тогда надену я тетрадь, / Начищу голос новогодний / И буду ярко умирать*¹. В автор-

¹Арефьева О. Новогоднее. URL: <https://ark.ru/lyrics/teatr/novogod/> (дата обращения: 29.07.2024).

ском восприятии мира «сегодня» мыслится как ситуация, которая следует за моментом речи, на что указывает форма времени глагола «придет», выступающая в функции предиката при грамматическом субъекте – подлежащем «сегодня». Подобное столкновение форм, их семантики приводит к возникновению темпорального контраста. Во-первых, все значения лексемы «сегодня» тесно связаны с идеей настоящего, ср.: «Сегодня... 1. Сейчас, идущий день... 4. Настоящее время, текущий момент»². Во-вторых, грамматическое время глагольной формы «придет» указывает на временной план будущего по отношению к моменту речи. Темпоральный контраст усиливается наличием в микроконтексте сирконстанта (ситуанта) «когда-нибудь», маркирующего неопределенность временного плана данной ситуации, ср.: «Когда-нибудь... В какое-н. неопределенное время – настоящее, прошедшее или будущее»³.

На наш взгляд, можно утверждать, что подобное мировосприятие и нестандартный подход к языку привели в результате к широкой распространенности в творчестве Ольги Арефьевой грамматической метафоры, связанной с реализацией темпорального контраста, ср.: *Я рано приехала завтра на стрелку...*⁴ В данном примере очевидны игра с временем, разрушение понятия времени в целом. Автор использует форму прошедшего времени «приехала» на контрасте с наречием «завтра», имеющим следующее значение: «Завтра... На следующий день после сегодняшнего»⁵. Носитель языка – адресат текста Арефьевой – осознает невозможность осуществления действия «приехала» в будущем по отношению к моменту речи, однако именно так воспринимается данная ситуация благодаря столкновению формы

прошедшего времени «приехала» с сирконстантом «завтра». Темпоральный контраст приводит к возникновению у адресата текста образного представления о некоей ситуации, которая относится, с одной стороны, к плану прошлого по отношению к моменту речи, на что указывает форма прошедшего времени глагола, с другой – к плану будущего, актуализированному примыкающим к предикату компонентом «завтра». Автор заставляет своего читателя, слушателя ощутить смещение временных планов, где вполне реальное действие, ситуация оказываются находящимися одновременно в разных точках по отношению к моменту речи. В данном тексте ярко проявляется специфика идиостиля поэтессы, а также связь грамматической метафоры с «субъектным принципом в процессе мировосприятия» [25, с. 137]. Путешествия во времени и пространстве становятся реальностью, и читатель может погрузиться в этот мир, испытать различные эмоции и переживания.

Создание мира, где смешиваются планы прошлого и будущего, приводит к появлению множества примеров реализации грамматической метафоры, связанной с темпоральным контрастом, строящейся на столкновении глагольных временных форм с сирконстантами «вчера», «завтра», как, например, в следующем тексте: *У меня два имени – Нет и Да, / У меня два времени – Здесь и Всегда, / Я иду по воде, потому что во мне / Завтра был лед, а вчера будет снег*⁶.

В представленном примере можно наблюдать реализацию грамматической метафоры того же типа, что и в текстах, рассмотренных выше. Вновь автор сталкивает в рамках микроконтекста взаимоисключающие формы, вследствие чего возникает метафора, связанная

²Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1993. С. 732.

³Там же. С. 286.

⁴Арефьева О. Джаз-до-Сокола-в-парк. URL: <https://ark.ru/lyrics/glina/dzhaz-do-sokola-v-park/> (дата обращения: 29.07.2024).

⁵Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 686.

⁶Арефьева О. Только не плачьте. URL: https://ark.ru/lyrics/aib/ne_plachte/ (дата обращения: 29.07.2024).

с темпоральным контрастом. Форма глагола-связки «был» выражает значение бытия предмета «лед» в прошлом, до момента речи о данной ситуации, однако обстоятельственный конкретизатор «завтра» указывает на использование формы прошедшего времени глагола в значении формы будущего времени (т. е. в значении «будет»). Если же обратиться к конструкции *вчера будет снег*, то в ней форма глагола-связки «будет» выражает значение бытия предмета «снег» в будущем. Иначе говоря, данная ситуация следует после момента речи о ней, но сирконстант «вчера» актуализирует переносное употребление глагольной формы, ее использование в значении формы не будущего, а прошедшего времени («был»). Подобная грамматическая метафора заставляет адресата текста воспринимать ту образную картину мира, которую представляет автор. Темпоральный контраст позволяет поэтессе добиться реализации временной неопределенности, неоднозначности, показать читателю образную картину реальной действительности, где происходит смешение планов «вчера» – «сегодня» – «завтра».

Такая разновидность грамматической метафоры отличается наибольшей частотностью в текстах Ольги Арефьевой, ср.: *Сегодня был ветер, а завтра был снег, / Сегодня был вечер, а завтра нас нет*⁷. Здесь также реализуется грамматическая метафора, на базе которой возникает темпоральный контраст, т. е. наблюдается явное сходство с реализацией категории времени в примерах, рассмотренных выше. Сирконстант «завтра» как показатель плана будущего примыкает к глагольной форме прошедшего времени «был».

Большое значение имеет сопоставление временных форм в параллельных конструкциях. В первом предложении полипредикативного комплекса нет метафоры, форма прошедшего времени обозначает бытие субъекта в прошлом по отношению к моменту речи. Однако во вто-

рой части сложного предложения грамматическая метафора уже находит реализацию. Форме прошедшего времени «был» О. Арефьева использует для реализации плана будущего. Грамматическая метафора способствует формированию в сознании адресата текста образной картины реальности, где действие, еще только ожидаемое в будущем, на момент речи воспринимается как уже свершившийся факт. Темпоральный контраст как разновидность грамматической метафоры помогает показать ситуацию, относящуюся к плану будущего, как факт реальной действительности, состоявшийся в прошлом, что активизирует образное мышление адресата, в сознании которого разрушается четкая картина противопоставления «вчера» – «сегодня» – «завтра», происходит смешение временных планов.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что описанный языковой прием может рассматриваться как особенность идиостиля Ольги Арефьевой. Транспозиция в сфере категории времени в текстах поэтессы служит основой для создания ярких, образных и предельно оригинальных авторских грамматических метафор, связанных с возникновением темпорального контраста, ср.: *Когда мы будем были, / Наши глаза будут смотрели, / Наши песни будут звучали, / Наши руки будут обнимали*⁸. Глагольная форма будущего времени «будем» актуализирует переносный характер употребления глагольных форм прошедшего времени «были», «смотрели», «звучали», «обнимали». Данные формы, выступая в сочетании с формой «будем», оказываются носителями значения будущего времени, т. е. используются в несвойственном им грамматическом значении, поскольку формы «были», «смотрели», «звучали», «обнимали» в этом контексте воспринимаются как наименования действий, относящихся к плану будущего.

⁷Арефьева О. Мы нет или нас есть? // Знамя. 2002. № 12. С. 6. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1886> (дата обращения: 29.07.2024).

⁸Ее же. Будем были. URL: <https://ark.ru/lyrics/anatomia/budembyli/> (дата обращения: 29.07.2024).

Заключение. Для Ольги Арефьевой не существует границ реального и ирреального, материального и абстрактного. Для выражения такого мировоззрения автор стремится уйти от нормы к не-норме, поэтому смело экспериментирует со всеми элементами языка, в т. ч. грамматики. Важным средством создания образности, яркой чертой идиостиля Ольги Арефьевой является грамматическая метафора.

Наиболее характерной для текстов поэтессы разновидностью грамматической метафоры является перенос в сфере категории времени глагола. Использование форм времени в несвойственных им значениях способствует возникновению темпорального контраста. Смеше-

ние планов прошлого, настоящего и будущего приводит к созданию образности, основанной на столкновении глагольных форм времени с сирконстантами «вчера», «сегодня» и «завтра». Этот прием может рассматриваться как особенность идиостиля Ольги Арефьевой.

Поэтесса употребляет транспозицию в сфере категории времени для создания ярких, образных и уникальных грамматических метафор, на базе которых создается контраст между различными временными планами. Грамматическая метафора является одним из ключевых приемов, используемых Ольгой Арефьевой для создания уникального стиля и выражения нестандартного мировосприятия.

Список литературы

1. *Weinrich H.* Semantik der kühnen Metapher // Dtsch. Vierteljahrsschr. Literaturwiss. Geistesgesch. 1963. Vol. 33, № 3. S. 325–344. <https://doi.org/10.1007/BF03375260>
2. *Oksaar E.* Zur Frage der grammatischen Metapher. Festschrift für Hugo Moser / hrgs. von U. Engel, P. Grebe, H. Rupp. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1969. S. 131–145.
3. *Тошович Б.* Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков. М.: Яз. славян. культуры, 2006. 560 с.
4. *Weinrich H.* Textlinguistik: Zur Syntax des Artikels in der deutschen Sprache // Jahrbuch für Internationale Germanistik. 1969. № 1. S. 61–74.
5. *Koller W.* Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1992. 343 S.
6. *Taverniers M.* Grammatical Metaphors in English // Mod. Spr. 2004. Vol. 98, № 1. P. 17–26.
7. *Devrim D.Y.* Grammatical Metaphor: What Do We Mean? What Exactly Are We Researching? // Funct. Linguist. 2015. Vol. 2. Art. № 3. <https://doi.org/10.1186/s40554-015-0016-7>
8. *Пантелеев А.Ф.* Инфинитив и грамматическая метафора в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Науч. мысль Кавказа. 2024. № 1(117). С. 80–87.
9. *Шендельс Е.И.* Грамматическая метафора // Филол. науки. 1972. № 3. С. 48–57.
10. *Шендельс Е.И.* Грамматические средства полифонии в тексте художественных произведений // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 158. Лингвостилистические проблемы текста. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1980. С. 143–155.
11. Современный русский язык: система языка, речь, общение: моногр. / отв. ред. В.Ю. Меликян. Ростов н/Д., 2010. 299 с.
12. *Береговская Э.М.* Стилистика в подробностях. М., 2009. 232 с.
13. *Пантелеев А.Ф., Талалаева М.А.* Грамматическая метафора в поэзии русского рока конца XX – начала XXI века // Гуманит. и соц. науки. 2024. Т. 102, № 1. С. 80–87.
14. *Зубова Л.В.* Одушевленные грибы и неодушевленные мухи (Стихотворение Александра Левина «Мы грибоеды» как грамматический эксперимент) // «Слово – чистое веселье...»: сб. ст. в честь А.Б. Пеньковского. М.: Яз. славян. культуры, 2009. С. 415–423.
15. *Кубрякова Е.С.* Деривация, транспозиция, конверсия // Вопр. языкознания. 1974. № 5. С. 64–76.
16. *Лукин М.Ф.* Критерии перехода частей речи в современном русском языке // Филол. науки. 1986. № 3. С. 32–43.
17. *Ремчукова Е.Н.* Морфологическая транспозиция как тип функционального варьирования грамматической формы // Проблемы функциональной грамматики: категории морфологии и синтаксиса в высказывании / отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 2000. С. 79–90.

18. Меркулова М.Г. Морфологическая транспозиция в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 179 с.
19. Кузнецова Т.Я. От «Граматики текста немецкого языка» Х. Вайриха до когнитивной теории дискурса // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2012. № 3. С. 94–99.
20. Приходько И.П. Аллеотеты: когнитивное содержание и лингвопрагматические характеристики: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2007. 155 с.
21. Самуйлова Л.В., Ланцова Е.С. Герменевтика грамматической метафоры // Иностр. языки: лингвист. и метод. аспекты. 2014. № 28. С. 152–158.
22. Осокина Н.Ю. Грамматическая метафора как отражение этнокультурных особенностей англоговорящего и русскоговорящего сообществ // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер.: Соц.-гуманит. науки. 2022. № 13. С. 163–168.
23. Osokina N.Yu. On Translation of the Intentional Semantic Shift in the Verb 'to Be' // Язык и культура в глобальном мире. СПб.: Лема, 2022. С. 384–390.
24. Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика: Антология / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 462–482.
25. Рябых Е.Б., Бабина Л.В. Интерпретирующий потенциал грамматической метафоры в аспекте моно- и мультимодальности (на примере поэтического дискурса) // Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов: сб. науч. ст. / отв. ред. Е.С. Шереметьева, Е.А. Стародумова, А.А. Анисова. Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2022. С. 135–142.

References

1. Weinrich H. Semantik der kühnen Metapher. *Dtsch. Vierteljahrsschr. Literaturwiss. Geistesgesch.*, 1963, vol. 33, no. 3, pp. 325–344. <https://doi.org/10.1007/BF03375260>
2. Oksaar E. Zur Frage der grammatischen Metapher. Engel U., Grebe P., Rupp H. (eds.). *Festschrift für Hugo Moser*. Düsseldorf, 1969, pp. 131–145.
3. Tošović B. *Ekspressivnyy sintaksis glagola russkogo i serbskogo/khorvatskogo yazykov* [Expressive Syntax of the Verb in the Russian and Serbian/Croatian Languages]. Moscow, 2006. 560 p.
4. Weinrich H. Textlinguistik: Zur Syntax des Artikels in der deutschen Sprache. *Jahrb. Int. Ger.*, 1969, no. 1, pp. 61–74.
5. Koller W. *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. Heidelberg, 1992. 343 p.
6. Taverniers M. Grammatical Metaphors in English. *Mod. Spr.*, 2004, vol. 98, no. 1, pp. 17–26.
7. Devrim D.Y. Grammatical Metaphor: What Do We Mean? What Exactly Are We Researching? *Funct. Linguist.*, 2015, vol. 2. Art. no. 3. <https://doi.org/10.1186/s40554-015-0016-7>
8. Panteleev A.F. Infinitiv i grammaticheskaya metafora v romane M.A. Bulgakova “Master i Margarita” [Infinitive and Grammatical Metaphor in M.A. Bulgakov’s Novel “The Master and Margarita”]. *Nauchnaya mysl’ Kavkaza*, 2024, no. 1, pp. 80–87.
9. Shendel’s E.I. Grammaticheskaya metafora [Grammatical Metaphor]. *Filologicheskie nauki*, 1972, no. 3, pp. 48–57.
10. Shendel’s E.I. Grammaticheskie sredstva polifonii v tekste khudozhestvennykh proizvedeniy [Grammatical Means of Polyphony in Works of Fiction]. *Sbornik nauchnykh trudov MGPIUIYa im. M. Toreza. Vyp. 158. Lingvostilisticheskie problemy teksta* [Proceedings of Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages. Iss. 158. Linguistic and Stylistic Problems of the Text]. Moscow, 1980, pp. 143–155.
11. *Sovremennyy russkiy yazyk: sistema yazyka, rech’, obshchenie* [Modern Russian: Language System, Speech, Communication]. Rostov-on-Don, 2010. 299 p.
12. Beregovskaya E.M. *Stilistika v podrobnostyakh* [Stylistics in Details]. Moscow, 2009. 232 p.
13. Panteleev A.F., Talalaeva M.A. Grammatical Metaphor in the Poetry of Russian Rock of the Late XX – Early XXI Century. *Humanit. Soc. Sci.*, vol. 102, no. 1, pp. 80–87 (in Russ.).
14. Zubova L.V. Odushevlyennye griby i neodushevlyennye mukhi (Stikhotvorenie Aleksandra Levina “My griboedy” kak grammaticheskiy eksperiment) [Animate Mushrooms and Inanimate Flies (Alexander Levin’s Poem “We Are Mushroom-Eaters” as a Grammatical Experiment)]. *“Slovo – chistoe vesel’e...”* [“The Word Is Pure Joy...”]. Moscow, 2009, pp. 415–423.
15. Kubryakova E.S. Derivatsiya, transpozitsiya, konversiya [Derivation, Transposition, Conversion]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1974, no. 5, pp. 64–76.

16. Lukin M.F. Kriterii perekhoda chastey rechi v sovremennom russkom yazyke [Criteria for the Conversion of Parts of Speech in Modern Russian]. *Filologicheskie nauki*, 1986, no. 3, pp. 32–43.
17. Remchukova E.N. Morfologicheskaya transpozitsiya kak tip funktsional'nogo var'irovaniya grammaticheskoy formy [Morphological Transposition as a Type of Functional Variation of Grammatical Form]. Bondarko A.V. (ed.). *Problemy funktsional'noy grammatiki: kategorii morfologii i sintaksisa v vyskazyvanii* [Issues of Functional Grammar: Morphological and Syntactic Categories in an Utterance]. St. Petersburg, 2000, pp. 79–90.
18. Merkulova M.G. *Morfologicheskaya transpozitsiya v sovremennom russkom yazyke* [Morphological Transposition in the Modern Russian Language: Diss.]. Moscow, 1997. 179 p.
19. Kuznetsova T.Ya. Ot "Grammatiki teksta nemetskogo yazyka" Kh. Vaynrikha do kognitivnoy teorii diskursa [From Harald Weinrich's *Text Grammar of German* to the Cognitive Theory of Discourse]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2012, no. 3, pp. 94–99.
20. Prikhod'ko I.P. *Alleotety: kognitivnoe sodержanie i lingvopragmaticheskie kharakteristiki: na materiale russkogo i angliyskogo yazykov* [Grammatical Metaphors: Cognitive Content and Linguopragmatic Characteristics: Based on the Russian and English Languages: Diss.]. Rostov-on-Don, 2007. 155 p.
21. Samuylova L.V., Lantsova E.S. Germenevtika grammaticheskoy metafory [Hermeneutics of Grammar Metaphor]. *Inostrannyye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*, 2014, no. 28, pp. 152–158.
22. Osokina N.Yu. Grammaticheskaya metafora kak otrazhenie etnokul'turnykh osobennostey anglogovoryashchego i russkogovoryashchego soobshchestv [Grammatical Metaphor as a Reflection of Ethnocultural Peculiarities of the English Speaking and Russian Speaking Communities]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, 2022, no. 13, pp. 163–168.
23. Osokina N.Yu. On Translation of the Intentional Semantic Shift in the Verb 'to Be'. *Yazyk i kul'tura v global'nom mire* [Language and Culture in the Global World]. St. Petersburg, 2022, pp. 384–390.
24. Jakobson R.O. Poeziya grammatiki i grammatika poezii [Poetry of Grammar and Grammar of Poetry]. Stepanov Yu.S. (ed.). *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, 1983, pp. 462–482.
25. Ryabykh E.B., Babina L.V. Interpretiruyushchiy potentsial grammaticheskoy metafory v aspekte mono- i mul'timodal'nosti (na primere poeticheskogo diskursa) [The Interpretive Potential of Grammatical Metaphor in the Aspect of Mono- and Multimodality (Based on Poetic Discourse)]. Sheremet'eva E.S., Starodumova E.A., Anisova A.A. (eds.). *Russkaya grammatika v dialoge nauchnykh shkol, napravleniy, metodov* [Russian Grammar in the Dialogue of Scientific Schools, Research Areas and Methods]. Vladivostok, 2022, pp. 135–142.

Информация об авторах

А.Ф. Пантелеев – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Южного федерального университета (адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42).

М.А. Талалаева – ассистент кафедры русского языка Южного федерального университета (адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42).

Information about the authors

Andrey F. Panteleev, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Head of the Russian Language Department, Southern Federal University (address: ul. B. Sadovaya 105/42, Rostov-on-Don, 344006, Russia).

Maria A. Talalaeva, Teaching Assistant at the Russian Language Department, Southern Federal University (address: ul. B. Sadovaya 105/42, Rostov-on-Don, 344006, Russia).

Поступила в редакцию 07.08.2024
Одобрена после рецензирования 25.11.2024
Принята к публикации 29.11.2024

Submitted 7 August 2024
Approved after reviewing 25 November 2024
Accepted for publication 29 November 2024

Кутлимурадова Н.И.

Возраст лирического персонажа как поэтическая информация в стихотворениях Махтумкули

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 1. С. 96–104.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 96–104.

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.37482/2687-1505-V412

Возраст лирического персонажа как поэтическая информация в стихотворениях Махтумкули

Назкат Искандаровна Кутлимурадова

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
e-mail: kutlimuradova1993@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5480-660X>

Аннотация. В данной работе рассматривается актуализация категории «возраст» в контексте диалога культур. Материалом служат переведенные на русский язык тексты туркменского классика Фраги Махтумкули. Большинство научных исследований, посвященных творчеству национального поэта, проводится в рамках литературоведения, переводоведения и философии. Филологические труды рассматривают, в частности, стилистические особенности и заимствования. Изучение наследия поэта актуально в связи с его 300-летним юбилеем. Автор статьи анализирует примеры абсолютного и условного возрастов, характеризует языковые средства выражения возраста в текстах сборника стихотворений Махтумкули. Приводит обозначения возрастных периодов в туркменской картине мира и проводит их количественный анализ на поэтическом материале. Уделяет внимание метафоре со значением возраста. Отмечает универсальность категории «возраст», подтверждая это примерами из текстов туркменского поэта. Особое место отводит автобиографическим стихотворениям. Согласно количественному анализу, в 95 из 274 стихотворений сборника присутствуют слова и словосочетания с семантикой возраста. Наиболее частотной лексемой с обозначением возраста является лексема «джигит», которая имеет множество значений. Это слово в контексте стихотворений Махтумкули содержит мелиоративную и пейоративную оценки. Данная работа позволяет рассмотреть индивидуальную картину мира туркменского мыслителя и специфику туркменской лингвокультуры, дает возможность ознакомиться с восприятием старости и юности у туркмен. Особо важными у Махтумкули являются сравнительные конструкции, в частности лирическая героиня сравнивается с молодой двухнедельной луной, что характерно для туркменской культуры. Среди примеров встречаются конструкции, подтверждающие линейность времени. В целом стихотворения туркменского поэта отражают его религиозную картину мира.

Ключевые слова: лексические маркеры возраста, интерпретационное поле концепта, лирический персонаж, туркменская лингвокультура, туркменская поэзия, Махтумкули

Для цитирования: Кутлимурадова, Н. И. Возраст лирического персонажа как поэтическая информация в стихотворениях Махтумкули / Н. И. Кутлимурадова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 96-104. – DOI 10.37482/2687-1505-V412.

© Кутлимурадова Н.И., 2025

Original article

Age of the Lyrical Hero as Poetic Information in Magtymguly's Poems

Nazokat I. Kutlimuradova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,

e-mail: kutlimuradova1993@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5480-660X>

Abstract. This paper examines the actualization of the category of age in the context of the dialogue of cultures. The material includes Russian translations of the texts of Turkmen classical poet Magtymguly Pyragy. Most of the research on his works is conducted within the framework of literary and translation studies as well as philosophy, while philologists focus on stylistic peculiarities and borrowings. Studying Magtymguly's heritage is relevant in view of the 300th anniversary of his birth. The article analyses examples of absolute and conventional ages and describes the linguistic means of expressing age in Magtymguly's collected poems. Further, words for periods of the human life in the Turkmen worldview are presented and their quantitative analysis based on the lyric poetry is carried out. The paper dwells on the metaphor with the meaning of age and notes the universality of the category of age, while providing examples from Magtymguly's poems. Special attention is given to his autobiographical poems. According to the quantitative analysis, 95 out of 274 poems under study contain words and expressions with the semantics of age. The most frequent lexeme denoting age is *dzhigit*, which has numerous meanings. This word in Magtymguly's poetry has both ameliorative and pejorative overtones. The paper provides insight into Magtymguly's worldview and the specifics of Turkmen linguoculture, as well as sheds some light on the perception of old age and youth among Turkmen. Of special importance for Magtymguly are comparative constructions. For instance, a lyrical heroine is compared to a young fortnight moon, which is characteristic of Turkmen culture. Among the examples are constructions confirming the linear nature of time. In general, Magtymguly's poems reflect his religious worldview.

Keywords: *lexical age markers, interpretive field of a concept, lyrical subject, Turkmen linguoculture, Turkmen poetry, Magtymguly*

For citation: Kutlimuradova N.I. Age of the Lyrical Hero as Poetic Information in Magtymguly's Poems. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 96–104. DOI: 10.37482/2687-1505-V412

Категория *возраст* является объектом исследования философии, педагогики, психологии, социологии, медицины, физиологии, юриспруденции, филологии и других наук. Ученые относят *возраст* к универсальным категориям: «Возраст – одна из важных характеристик объектов живой и неживой природы, выражаемая широким диапазоном языковых единиц и речевых структур» [1, с. 110]. Возраст человека представляет собой сложное явление и имеет

биологическую, социальную и психологическую значимость.

Признается тесная связь понятий *время* и *возраст*. Для одного поколения *время* – это детство и юность, для другого – взрослая жизнь, для третьего – старость с соответствующими ей ограничениями и зависимостями. В. Пиндер писал, что «каждый человек живет с людьми одного и того же возраста и разных возрастов... Для каждого из них одно и то же время – это

разное время, а именно разный возраст самого себя, который он разделяет только со своими сверстниками»¹ [2, с. 28].

Дискуссии о власти времени над человеком и власти человека над временем имеют давнюю историю в научном дискурсе. Согласно широко известному мнению, с раннего детства через интернализацию хронократии происходят обучение саморегуляции и развитие индивидуального сознания времени. Чем сильнее ощущается нехватка времени, тем больше человек стремится использовать разного рода знаковые системы, которые абстрагируются от вещей и становятся доступными [3, с. 1]. М. Хайдеггер ясно видел эту тенденцию и говорил в ее контексте о *времени образов мира*, которое определяется не тем, что человек создает образ мира, а тем, что мир постигается как образ. Мир постигается лишь постольку, поскольку он положен воображающим творческим человеком как воображаемый образ: «Вообразить здесь означает: представить присутствующее перед собой как нечто противоположное, соотносить его с собой, воображающим, и заставить его вернуться в это отношение к себе как к авторитетной области» [4, с. 8].

Ученые признают неоднородность категории *возраст* и неоднозначность его связи с категорией *время*. Так, выделяют *возраст* абсолютный (хронологический, календарный), который может быть выражен количеством временных единиц (секунды, года, тысячелетия), и условный, который «определяется путем самоощущения субъекта в определенном эволюционно-генетическом и социокультурном контексте, процессе развития» [5, с. 25]. С одной стороны, возраст – это результат физического процесса, с другой – процесс культурного конструирования. Временные этапы человеческой жизни философски осмысливаются, например: «Старение – это синоним жизни, подчеркивающий ее временность и скоротечность» [3, с. 1]. Очевидно, что в разных культурах и исторических эпохах возраст получает разные

интерпретации, несмотря на внешнюю общность процесса. Человеческая жизнь начинается с момента зачатия и заканчивается смертью. Между ними находится время жизни, или старения. В психологическом измерении временность существования человека ощущается прежде всего в старении физического тела. В культуре конечность жизни может быть оспорена. Так, христианство и ислам убеждены в воскресении: жизнь находит продолжение после смерти. Индуизм и буддизм предполагают возрождение в измененной форме. Если люди не верят в непрерывность жизни после смерти, конечность и временность приобретают неизбежность [3, с. 5].

Категория *возраст* является компонентом любой лингвокультуры. Общественный дискурс занимает значимое место при восприятии возрастных изменений. Об актуальности данной темы свидетельствуют исследования О.А. Авдеевой, И.С. Блиновой, Н.В. Крючковой, И.М. Любиной, З.Е. Фоминой в области лингвистики на материале различных языков. Концепт *возраст* и его разные аспекты рассматривают Ф.А. Марзук (способы вербализации понятия *возраст* в русском языке [6]) и Ю.Ю. Литвиненко (концепт *возраст* в русской языковой картине мира [7]).

Советские ученые проделали большую работу в изучении наследия Махтумкули, в частности В.В. Бартольд, А.Н. Самойлович, Е.Э. Бертельс и др. Одним из первых туркменских исследователей творчества Махтумкули является академик Б.А. Каррыев, защитивший в 1943 году докторскую диссертацию «Махтумкули и его патриотизм», – автор множества статей о творчестве национального поэта: «О языке Махтумкули», «Поэт-патриот Махтумкули», «Махтумкули и Неваи», «Диван Махтумкули, опубликованный в Германии», «О диване Махтумкули, хранящемся в Лондоне» и др. Сегодня лирика Фраги вызывает интерес не только опытных исследователей, но и молодых ученых. Среди современных филологов можно вы-

¹Здесь и далее представлен перевод автора настоящей статьи.

делить А. Сарыева [8], М. Соегова [9], А. Мередова², Т. Бекджаева³. В связи с 300-летним юбилеем поэта увеличилось количество работ, в которых раскрываются проблемы повторного перевода, стилистические приемы в стихотворениях классика, идея патриотизма, стилистические особенности перевода, заимствованные слова, фразеологические единицы, философские и политические взгляды поэта и др. Однако нет исследований, посвященных категории *возраст* в поэтическом наследии Махтумкули.

В настоящей статье мы рассмотрим репрезентацию концепта *возраст* в русских переводах произведений туркменского классика Махтумкули⁴. Такой ракурс анализа позволит проследить формирование художественного образа «чужой» туркменской культуры в сознании носителя русского языка.

Целями исследования являются реконструкция фрагмента индивидуально-авторской поэтической картины мира и моделирование лексико-семантического поля в поэтических переводах Махтумкули. Результаты анализа выбранного материала репрезентируют индивидуальное восприятие возраста туркменским классиком, его уникальную поэтическую картину мира и идиостиль.

Материалом послужили 274 стихотворения из сборника «Избранное» Махтумкули⁵, 95 из них включают слова и словосочетания с семан-

тикой возраста. В работе использовались такие методы, как количественный, контекстуальный, семантический и концептуальный анализ.

Поэтический текст как материал исследования предполагает обращение к образному и интерпретационному полю концепта. Согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину, интерпретационное поле относится к периферии концепта и не имеет определенной структуры. Оно содержит когнитивные признаки, условно распределяемые исследователями по следующим зонам: оценочной, энциклопедической, утилитарной, регулятивной, социально-культурной и паремнологической [10, с. 79–80].

В оригинальных текстах Махтумкули, созданных на туркменском языке, используются следующие единицы лексико-семантической группы со значением *возраст*: *yigit* (абстр. сущ.) – «джигит»/«юноша» (в переводе с турецкого на русский язык *молодой/молодец*⁶, *лихой наездник*⁷); *yigitçilik* (в русском языке – сущ., в туркменском – прил., образованное от сущ.) – «юношество»; *yaş* – «возраст»⁸, «молодой»; *yaşlyk* (прил., образованное от сущ. «молодость»)⁹; *garry* (прил.) – «старый»; *garrylyk* (прил., образованное от сущ. «старость»); *garramak* (глагол) – «стареть»¹⁰; *yaşuly* (*yaş* – «возраст», *uly* – «старший») – «пожилой», «возрастной человек» и форма обращения к ним; *yaşkiçi* (абстр. сущ.) – «младший»¹¹; *aksakal*

²Meredow A. Magtymgulynyň düşündirişli sözlügi. Günbed Kabus, 1997. 546 s.

³Bekjäyew T. Magtymgulynyň eserleriniň frazeologik sözlügi. Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2016. 240 s.

⁴Фраги Махтумкули (1724–1807) – туркменский поэт, философ и классик туркменской литературы. В этом году во многих странах отпраздновали 300-летие со дня рождения поэта.

⁵Махтумкули. Избранное: пер. с туркм. М.: Худ. лит., 1983. 414 с.

⁶Джигит // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1893. Т. X-а. С. 540; Джигит // Военная энциклопедия: в 18 т. / под ред. В.Ф. Новицкого и др. СПб.; М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1912. Т. 9. С. 84. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/ВЭ/ВТ/Джигит> (дата обращения: 10.11.2024).

⁷Беловинский Л.В. Джигит // Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XIX в. / под ред. Н. Ереминой. М.: Эксмо, 2007. С. 171.

⁸Meredow A. Magtymgulynyň düşündirişli sözlügi. S. 496.

⁹Türkmençe-iňlisçe-rusça üç dilli lukmançylyk sözlügi. Aşgabat: TDKP, 2005. S. 111.

¹⁰Ibid. S. 39.

¹¹Ibid. S. 111.

(абстр. сущ., досл. *белобородый, пожилой мужчина, старейшина*); *aga* – 1) господин, начальник, правитель; 2) старший брат; 3) форма обращения к старшим по возрасту лицам мужского пола и в знак уважения¹²; *kethuda* – 1) глава дома, муж; 2) глава села, старшина села; 3) достойный¹³; *pir* – 1) старик; 2) глава суфиев; 3) создатель одного из течений суфизма¹⁴ и др. Речевые средства, отражающие категорию возраста, становятся способом формирования образа лирического героя.

В анализируемых стихотворениях, переведенных на русский язык, образ *возраста* воссоздается средствами русского языка. Соответствующие значения передаются лексическими и лексико-грамматическими средствами. Это прежде всего числительные (*пять, семь, девять, тридцать, сорок* и т. д.) в сочетании с «единицей измерения» *год/лет* и др.; абстрактные существительные, называющие основные возрастные периоды (*детство, молодость, юность, старость*); существительные с семей «возраст», обозначающие лицо (*ребенок, подросток, джигит, старик* и др.); прилагательные, обозначающие признак по возрасту или признак возраста (*юный, молодой, старый, дряхлый, седой* и др.); глаголы, обозначающие действия и состояния времени или человека по отношению ко времени (*завершить, исполниться, кончаться, народиться, одряхлеть, прожить, пройти, сменяться, сравняться* и т. д.); соответствующие причастия и деепричастия (*доживя, одряхлев*).

Эпитеты *дряхлый* и *седой* создают визуальный образ старости, которая противопоставляется юности:

Счастливицу жизнь – плодов прекрасных гряда,
Но старику любое горько блюдо,
И юность – удивительное чудо
Для тех, кто стал и дряхлым и седым¹⁵.

Метод количественного анализа позволяет выявить когнитивные доминанты в картине мира поэта. Так, в текстах сборника Махтумкули абстрактные существительные встречаются в таком соотношении: *детство* – 4 раза, *молодость* и *дериваты* – 9, *юность* – 12, *старость* – 13; существительные, называющие лица: *ребенок* – 1 раз, *юноша* – 4, *старик* – 11, *девушка* – 11, *джигит* – 73; прилагательные: *юный* – 2 раза, *дряхлый* – 2, *старый* – 3, *молодой* – 22. Таким образом, в стихотворениях преобладает мотив расцвета жизни – молодости, юности.

Лексические маркеры концепта *возраст* в художественном тексте приобретают дополнительные смысловые элементы (контекстуальные смысловые приращения), которые репрезентируют возрастную характеристику лирического персонажа. Обратимся к контекстуальному анализу и рассмотрим актуализацию слов с семантикой возраста в поэтических текстах.

В стихотворении Махтумкули «Ты в мир явился, человек...» в переводе Ю. Неймана дан перечень основных возрастных вех человека, каждая из которых связана с важным событием в жизни. Поэт описывает, сколько времени находится плод в материнском чреве, в каком возрасте начинается обучение Корану и его чтение, когда человек женится и т. д.: *Ты девять месяцев провел в убежище глухом; В семь лет к учителю тебя отец препроводил; Ты был счастливцем в двадцать лет, справляя брачный той; А к тридцати годам, джигит, ты стал подобьем льва; И все же сорок лет тебе исполнилось едва; Когда полвека проживешь, слышнее божий глас; Ты постигаешь в шестьдесят, что сил иссяк запас; Когда ж – увы! – тебе пойдет семидесятый год; Ты выйдешь в восемьдесят лет из городских ворот;*

¹²Meredow A. Magtymgulynyň düşündirişli sözlügi. S. 10.

¹³Ibid. S. 175.

¹⁴Ibid. S. 272.

¹⁵Махтумкули. Указ. соч. С. 247.

*Махтумкули, несчастен тот, кому почти сто лет*¹⁶. Таким образом, можно представить следующую числовую символику, создающую поэтическую модель жизни лирического героя Махтумкули «в миру и в мире»: 7 – 20 – 30 – 40 – полвека – 60 – 70 – 80 – почти 100. Время существования человека до его появления на свет важно – оно обозначается абсолютным значением *девять месяцев* и метафорическим топосом *убежище глухое*. Точкой «перелома» жизни выступает «арифметическая» середина – 50 лет, основной признак этой возрастной вехи – приближение человека к богу, понимание божьего гласа. В анализируемом тексте используются и условные обозначения возраста, которые определяются исходя из эволюционно-генетического и культурного контекстов, например: *младенчества пора, старость*. Расцветом признается «возраст джигита», который наступает сразу после младенчества и длится до 30 лет: *Прошла младенчества пора, и ты – джигит лихой; А к тридцати годам, джигит, ты стал подобьем льва*. Очевидно, что значение слова *младенчество* не соотносится с научной картиной мира, с возрастной периодизацией. В картине мира поэта и переводчика младенец становится джигитом, который умело управляет скакуном.

Анализируя поэтический материал, в интерпретационном поле концепта мы неоднократно обнаруживаем положительные оценки возраста *джигит*: *Джигит с разумной речью – соль земли*¹⁷; *Джигиту битва – солнца краше*¹⁸. В то же время номинация *джигит* не является мелиоративной по своему лексическому значению (ср. русскоязычный узус). В контекстах Махтумкули встречаются и пейоративные образы джигита: *Вырастет – праздным бездель-*

*ником станет / С детства ленивый и сонный джигит, / Счастья к себе ни за что не приманит / Голодом злым изнуренный джигит*¹⁹.

Старость в поэтическом мире связывается не с благодатью, а с несчастьем, она олицетворяет образ врага человека: *И старость жалкая тебе колени подогнет*²⁰.

Отрицание и страх старости звучат и в других текстах туркменского классика. Обратимся к стихотворению «Нет спасенья» в переводе Г. Шенгели:

Ах, долго ли, Фраги, стонать под властью зла
И гневу правому подрезывать крыла?
А юности весна уже давно прошла,
И старости зима близка, и нет спасенья!²¹

Возраст человека в русской и туркменской картинах мира одинаково соотносится с природными сезонами. Метафора *юности весна* создает образ, понятный русскоязычному читателю: это время, когда зарождается новая жизнь, на деревьях распускаются листья, появляется зеленая трава после долгой зимы. У туркмен весной отмечается праздник *Новруз*, олицетворяющий приход новой жизни; для русской обрядовой культуры актуален праздник *Масленица*. Юность человека и весна в природе являются мелиоративными образами в картине мира. В таких понятиях, как *юность* и *детство*, осознается близость смыслов с понятиями *возраст* и *жизнь* [3, с. 5].

Метафора *старости зима* также прозрачна для носителей обеих лингвокультур: холодной зимой природа «умирает», подобно человеку на исходе жизненного пути. Страх старения – это в основном страх перед старым телом, его распадом, связанными с этим страданиями, зависимостью и бессилием [3, с. 11]. На переживание старости влияет множество факторов, важную

¹⁶Махтумкули. Указ. соч. С. 77–78.

¹⁷Там же. С. 215.

¹⁸Там же. С. 271.

¹⁹Там же. С. 294.

²⁰Там же. С. 78.

²¹Там же. С. 57.

роль среди которых играют распространенные в обществе стереотипы и представления. Ученые отмечают, что старение и старость охватывают биологические и медицинские, психологические и социальные, философские и литературно-эстетические, исторические и этнологические аспекты. Старение и старость загадочны и не могут быть адекватно поняты ни гуманитарными науками, включая философию, ни искусством, включая литературу [3, с. 11–18].

Тема возраста занимает важное место в наследии Махтумкули, на что указывают заголовки автобиографических стихотворений «Годы» и «Пятидесятилетие» (перевод А. Тарковского). В первом из названных произведений преобладают лексемы, выражающие абсолютный возраст с помощью числительных (30 употреблений). Также в лексико-семантическое поле *возраст* включаются глаголы (*накопить, не добрать, сомкнуться*), краткие прилагательные (*стар, сед, удал*), служебные части речи (предлоги *под, до* выражают приблизительность). Семантику возраста репрезентирует культурная аллюзия: *Года пророка насчитал*. Возраст пророка – прецедентный факт для носителя туркменской культуры: известно, что пророк Мухаммед прожил 63 года. Однако ни имя пророка (согласно Корану, пророков было 7), ни конкретный возраст не указан в тексте. Русский читатель может не иметь необходимых пресуппозиций для понимания контекста, поэтому к данным стихотворениям приводятся комментарии.

Временной промежуток *месяц* сохраняет в тексте перевода экзотическое обозначение – *луна*:

Во чреве матери я спал **девять лун**.

Открыв глаза, я в мир попал. – Дни мои!

В пять лун я вышел наконец из пелен;

Мне зубы **в восемь** бог послал. – Дни мои!²²

Рефрен *дни мои* является метонимическим перифразом номинации *жизнь*. Он повторяется в каждой строфе (в общей сложности 10 раз), совмещает дискурсивную функцию грамма-

тического актанта, междометия и обращения. В зависимости от синтаксического оформления та или иная функция актуализируется, выходит на первый план, например:

В шестнадцать лет я бушевал. – Дни мои! (междометие, синонимичное *ах, боже мой*);

О, жертва роковых начал – дни мои! (обращение, маркеры – начальное междометие, пунктуационное оформление, метафорическое перефразирование и т. п.);

Кто память у меня украл? – Дни мои (главный член предложения, субъект метафорически обозначенного действия).

Рефрен *дни мои* формирует субтекст со специфической жанровой функцией – молитвы, заклинания. Жанровым указателем может служить побудительная конструкция *Да будет спутницею вам благодать*.

Поэтическая автобиография частично совпадает с моделью возраста, описанной выше. Основные совпадения: *Я в тридцать лет – стрелу и стремя любил* (пик расцвета джигита); *Я в пятьдесят за четки брался чуть свет* (возраст приближения к общению с богом); *Под девяносто – ноша с плеч, в сердце – страх... Тебе, Махтумкули, до ста не добрать!* (возраст страха старости и смерти).

В стихотворении «Пятидесятилетие» – 13 употреблений слов и словосочетаний с семантикой возраста: существительные (*старость, юность*), прилагательные (*седой, древний, стар*), глаголы в комбинации с существительными (*та-ет сила, кончается жизнь, не гаснет мой пыл, борода поседела*). В произведении только одно числительное – *пятьдесят* – и его субстантивный синоним *полвека* (остальные лексемы указывают на условный возраст).

Веха *пятьдесят лет* интерпретируется уже как возраст старости:

Да будет нам спутником отчий народ,
Когда мы и впрямь поведем караван,
Доверимся Ною средь пенистых вод,
Дорогу держа **на седой океан**²³.

²²Махтумкули. Указ. соч. С. 116.

²³Там же. С. 102.

В данном отрывке эпитет *седой* косвенно характеризует возраст лирического героя. В следующих строках метафорический перифраз *пятьдесят неминуемых стрел* точно указывает на возраст персонажа:

Я **стар**. Я поистине много скорбел,
Судьбою запродан мой светлый удел,
И те **пятьдесят неминуемых стрел**
Остались в душе, изнемогшей от ран²⁴.

Поэтический образ концептуален: возраст и время ранят человека, причиняют ему боль и страдания, убивают его.

В поэтическом наследии Махтумкули возраст становится фокусом характеристики «обобщенного человека», автора как лирического героя и как поэта, лирической героини-персонажа и героини-адресата.

Рассмотрим описание возлюбленной Махтумкули в поэтическом тексте:

В мире есть красавица одна,
Словно двухнедельная луна;
Родинка ее насурьмлена, –
Кто с моей избранницей сравнится?²⁵

Экзотическое сравнение с луной прозрачно для носителя восточной культуры.

В другом стихотворении поэт указывает на возраст возлюбленной, описывая ее красоту:

С кустом прекрасных **юных** роз
Я, бедный соловей, расстался,
Пролив поток кровавых слез,
С возлюбленной своей расстался.
Ей **тридцать шесть сравнялось лет**.
Не описать ее примет:
Уста – бутон, уста – шербет.
Я с чернотой кудрей расстался²⁶.

Возраст женщины *тридцать шесть лет* в картине мира автора соотносится с ее расцветом.

В заключение можно сделать ряд выводов:

1. Концепт *возраст* занимает важное место в поэтическом наследии туркменского классика Махтумкули. В стихотворениях создается общая модель человеческого существования в соответствии с возрастными вехами. Поэтическая автобиография включает детальную периодизацию жизни поэта – в абсолютных и условных обозначениях возраста.

2. В анализируемом корпусе частотны числительные, обозначающие возраст: 50 употреблений в 95 стихотворениях. Поэтический материал свидетельствует об актуализации определенных граней концепта *возраст*: *джу-гит* – 73 употребления, *старый* и дериваты – 52, *муж* и дериваты – 50, *молодой* и дериваты – 34, *юный* и дериваты – 30, *девушка* и дериваты – 16, *ребенок* – 1.

3. В русской и туркменской картинах мира имеются общие поэтические представления о возрасте человека и времени жизни, например о старости и юности. Различия русской и туркменской лингвокультур выявляются в текстах переводов через лексические и стилистические экзотизмы (*месяц – луна, год – стрела* и др.), а также через культурные аллюзии. Концепт *возраст*, репрезентируемый в русских переводах Махтумкули, отражает картины мира поэта и его переводчиков.

Список литературы

1. Викулова Л.Г., Рянская Э.М. Универсальная категория *возраст* и его языковая реализация: рецензия на монографию Д. Митева «Категория возраста в аспекте номинативной деятельности языка (на материале русского и болгарского языков)». Велико Търново: Фабер, 2012 // Верхневолж. филол. вестн. 2016. № 3. С. 110–112.
2. Pinder W. Das Problem der Generation in der Kunstgeschichte Europas. Leipzig: Seemann, 1928. 156 S. URL: <https://digital.ub.uni-paderborn.de/ihd/content/titleinfo/2426186> (дата обращения: 10.09.2024).

²⁴Махтумкули. Указ. соч. С. 102.

²⁵Там же. С. 224.

²⁶Там же. С. 187.

3. Wulf C. On the Anthropology of Age // *Glob. J. Aging Geriatr. Res.* 2021. Vol. 1, № 4. URL: <https://ssrn.com/abstract=4400309> (дата обращения: 10.09.2024).
4. Heidegger M. Die Zeit des Weltbildes // Heidegger M. *Holzwege*. Frankfurt am/M.: Klostermann, 1950. S. 69–104.
5. Максимова О. Старость или «Третий возраст»? Дискурсы субъективного восприятия индивидами собственных возрастных изменений // *Laboratorium: журн. соц. исслед.* 2020. № 12(2). С. 22–44. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-22-44>
6. Марзук Ф.А. Способы вербализации понятия «возраст» в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2008. 238 с.
7. Литвиненко Ю.Ю. Концепт *возраст* в семантическом пространстве образа человека в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006. 256 с.
8. Сарыев А. Магтымгулының эсерлерининң дилинде парс алынма элементлери. Ашгабат, 1990. 240 с.
9. Соегов М. Некоторые вопросы туркменской литературы и истории в научном наследии А.-З. Валидова-Тогана (к 290-летию Махтумкули Фраги) // *Проблемы востоковедения.* 2014. № 3(65). С. 57–64.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. *Когнитивная лингвистика.* М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.

References

1. Vikulova L.G., Ryanskaya E.M. The Universal Category “Age” and Its Linguistic Realization: Review of the Monograph by D. Mitev *The Category of Age in the Aspect of Language Nominative Activity (in the Russian and Bulgarian Languages)*. Veliko Tarnovo: Faber, 2012. *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik*, 2016, no. 3, pp. 110–112 (in Russ.).
2. Pinder W. *Das Problem der Generation in der Kunstgeschichte Europas*. Leipzig, 1928. 156 p. Available at: <https://digital.ub.uni-paderborn.de/ihd/content/titleinfo/2426186> (accessed: 10 September 2024).
3. Wulf C. On the Anthropology of Age. *Glob. J. Aging Geriatr. Res.*, 2021, vol. 1, no. 4. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4400309> (accessed: 10 September 2024).
4. Heidegger M. Die Zeit des Weltbildes. Heidegger M. *Holzwege*. Frankfurt am Main, 1950, pp. 69–104.
5. Maximova O. Old Age or “Third Age”? Discourses of Individuals’ Subjective Perceptions of Their Own Age-Related Changes. *Lab. Russ. Rev. Soc. Res.*, 2020, vol. 12, no. 2, pp. 22–44 (in Russ.). <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-22-44>
6. Marzuk F.A. *Sposoby verbalizatsii ponyatiya “vozzrast” v russkom yazyke* [Ways of Verbalizing the Concept of Age in the Russian Language: Diss.]. Kaliningrad, 2008. 238 p.
7. Litvinenko Yu.Yu. *Kontsept vozzrast v semanticheskom prostranstve obraza cheloveka v russkoy yazykovoy kartine mira* [The Concept of Age in the Semantic Space of the Image of a Person in the Russian Linguistic Worldview: Diss.]. Omsk, 2006. 256 p.
8. Saryev A. *Persian Elements in the Language of Magtymguly’s Works*. Ashgabat, 1990. 240 p. (in Turkmen.).
9. Soegov M. Nekotorye voprosy turkmenskoy literatury i istorii v nauchnom nasledii A.-Z. Validova-Togana (k 290-letiyu Makhtumkuli Fragi) [Some Issues of Turkmen Literature and History in Scientific Heritage of Ahmet-Zaki Validov-Togan (to the 290th Birth Anniversary of Magtymguly Pyragy)]. *Problemy vostokovedeniya*, 2014, no. 3, pp. 57–64.
10. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, 2007. 314 p.

Информация об авторе

Н.И. Кутлимурадова – аспирант кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 4).

Information about the author

Nazokat I. Kutlimuradova, Postgraduate Student, Department of the Russian Language and Speech Culture, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 4, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 25.09.2024
Одобрена после рецензирования 26.12.2024
Принята к публикации 28.12.2024

Submitted 25 September 2024
Approved after reviewing 26 December 2024
Accepted for publication 28 December 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 1. С. 105–113.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 105–113.

Научная статья
УДК 111.7:008.2
DOI: 10.37482/2687-1505-V408

Расширение социокультурного континуума: экзистенциальные вызовы будущего в контексте аксиологии

Елена Юрьевна Воробьева

Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, Омск, Россия,
e-mail: velena-05@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3588-9404>

Аннотация. Футурологические исследования в настоящее время учитывают принципы равенства и толерантности, ставшие основой постмодернистского интеллектуального пространства, и направлены на критическое осмысление статуса человека, его места в мире и облика, который он приобретет в прогнозируемом будущем. Включение в социокультурный континуум агентов природного мира и сферы искусственного разума подталкивает к пересмотру ценностей, составляющих аксиологическое ядро цивилизации. Ревизия гуманистического идеала и антропоцентрического мировоззрения, в свою очередь, заставляет переосмысливать нормы права, политики и человеческого бытия вообще. Проекты будущего предлагают выстраивание систем, обеспечивающих равенство ценностных установок для всех разумных существ, всех живых существ и некоторых неживых существ, имеющих значимость. Идеальный образ человека, таким образом, дополняется не-человеческими характеристиками, что приводит к мысли об антигуманистической его направленности. Равенство расширенного круга субъектов аксиологии скрывает ловушки возникновения новых неравенств, и в том, какое место займет в созданной иерархии ценностей человек, заключается экзистенциальный вызов будущего. Применение характерного для микронарративов исследовательского инструментария к проблемам общечеловеческого масштаба показало слабую эффективность. Микронарративы не учитывают прогнозируемых рисков, следующих за наделением субъектностью не-человеческих агентов аксиологии. Исследования, проводимые на уровне культур и цивилизаций, тяготеют к классическому подходу: установлению причинно-следственных связей, погружению в кросс-культурный контекст, максимальному обобщению индивидуальных позиций при ответах на существенные вопросы. Пластичность аксиологического пространства предполагает возможность оперативного формирования сценариев будущего, основанных на включении в человеческое бытие вызовов завтрашнего дня.

Ключевые слова: *социокультурный континуум, аксиология, экзистенциальные вызовы, субъектность, искусственный интеллект, моральный круг, постгуманизм, постантропоцентризм*

Для цитирования: Воробьева, Е. Ю. Расширение социокультурного континуума: экзистенциальные вызовы будущего в контексте аксиологии / Е. Ю. Воробьева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 105-113. – DOI 10.37482/2687-1505-V408.

Original article

Expansion of the Sociocultural Continuum: Existential Challenges of the Future in the Context of Axiology

Elena Yu. Vorob'eva

Siberian Institute of Business and Information Technologies, Omsk, Russia,
e-mail: velena-05@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3588-9404>

Abstract. Futures studies currently take into account the principles of equality and tolerance, which have formed the basis for the postmodern intellectual space, and are aimed to critically examine the status of humans, their place in the world and the outward appearance they will have in the predicted future. The inclusion of actors of the natural world and the sphere of artificial intelligence in the sociocultural continuum pushes us to revise the values that make up the axiological core of civilization. The revision of the humanistic ideal and the anthropocentric worldview, in its turn, prompts us to rethink the norms of law, politics and human existence in general. Projects of the future propose building systems that ensure equality of value attitudes for all intelligent beings, all living beings and some non-living beings that have significance. The ideal image of a human is thus supplemented with non-human characteristics, which leads to the conclusion about its anti-humanistic orientation. Equality of the extended circle of agents of axiology holds the pitfalls of creating new inequalities, and the place that humans will occupy in the new hierarchy of values is the existential challenge of the future. Research tools characteristic of micronarratives proved rather ineffective when applied to the problems on a universal human scale. Micronarratives do not take into account the predicted risks following the endowment of non-human actors of axiology with agency. Research conducted at the level of cultures and civilizations gravitates towards the classical approach: establishment of cause-and-effect relationships, immersion in a cross-cultural context, and maximum generalization of individual positions when answering essential questions. The plasticity of the axiological space makes it possible to promptly create scenarios of the future that include the challenges of tomorrow in human existence.

Keywords: *sociocultural continuum, axiology, existential challenges, agency, artificial intelligence, moral circle, posthumanism, post-anthropocentrism*

For citation: Vorob'eva E.Yu. Expansion of the Sociocultural Continuum: Existential Challenges of the Future in the Context of Axiology. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 105–113. DOI: 10.37482/2687-1505-V408

Введение. Социокультурный континуум представляет собой непрерывность социального пространства и исторического линейного времени, в которой субъект выступает в качестве субстанциальной основы и осуществляет свою деятельность. Постсовременная реальность разворачивается в природно-культурном измерении, а эпоха антропоцена подразумевает включение в социокультурный континуум и

мира живой природы, и сферы искусственного разума. Возникает вопрос о наделении субъектностью агентов расширенного континуума, что заставляет переосмысливать нормы права, политики и социального бытия вообще.

Формулируя определение экзистенциальных вызовов, Л.В. Баева отмечает, что они связаны с трансформацией социальных систем и систем ценностей и направлены на культурную

идентичность и самореализацию человека [1]. Ответы на эти вызовы вводят нас в пространство аксиологии культуры, призванной, по убеждению Г.П. Выжлецова, противостоять «вырождению человеческого начала в человеке, которое начинается в постмодернистской реальности с аксиологического релятивизма» [2]. Западные исследователи уверены в необходимости пересмотра содержания феноменов аксиологии. Утописты считают, что система ценностей искусственного интеллекта будет отдавать приоритетное значение легитимированию форм человеческого удовольствия [3]. Антиутописты предупреждают, что искусственный интеллект в процессе субъективации станет преследовать собственные цели, не связанные с благополучием людей [4]. Новая социальная реальность должна учитывать техногенные вызовы, убеждены российские ученые В.А. Иноземцев, Ю.В. Иноземцева, Н.Д. Лепская [5]. Таким образом, дискуссия о прогнозируемом будущем ценностей техногенного мира касается вопроса «Будут ли люди по-прежнему главными моральными субъектами и бенефициарами искусственно разумного социального порядка?» [6].

В поисках ответа на этот вопрос Р. Бейкер, Й.К.Г. Хопстер, К. Арора, К. Бланден и др. фокусируются на изучении механизма «моральных» [7] и «техноморальных» [8] революций, выявляя зависимость ценностных установок от технологического развития. Ю.В. Назарова и А.Ю. Каширин на основании анализа концепции экзистенциальных рисков Н. Бострома [4] приходят к выводу о необходимости поиска аксиологической альтернативы трансгуманизму, поскольку именно последний воспринимает искусственный интеллект как особую форму жизни [9]. Например, С. Чопра и Л.Ф. Уайт предлагают регламентировать взаимоотношения с искусственным интеллектом в рамках социума и культуры, чтобы избежать обвинений в «шовинистическом сохранении особого статуса биологических существ, подобных нам» [10, с. 190].

Признавая опасность техногенных угроз, сторонники необходимости расширения соци-

окультурного «морального круга» высказывают предложения о включении в него исключительно живых существ (Дж.Р. Антис и Э. Паес [11]). Представители постгуманизма констатируют кризис модернистского проекта «человек» и рассматривают в качестве субъекта расширенного социокультурного континуума эры антропогена проект «постчеловек». Постантропоцентризм, в свою очередь, открыто провозглашает биоцентричный эгалитаризм, разрушающий иерархию видов (Р. Брайдотти и М. Хлавайова [12]). Российская философская мысль демонстрирует скептическое отношение к таким инициативам, отмечая, что в рамках современной объектно-ориентированной онтологии западной философии «запланированный» постчеловек не может состояться как субъект (А.С. Гагарин и С.А. Новопашин [13]).

В данном исследовании мы придерживаемся убеждения об определяющей роли аксиологии: для того чтобы поступать «как должно», нужно понимать «что такое хорошо и что такое плохо», а это требует установления базовых ценностных форм человеческого бытия, без сохранения которых бытие перестает быть человеческим.

Таким образом, в настоящее время социально одобряемыми становятся действия, направленные на утверждение равенства людей, агентов искусственного интеллекта, представителей живой природы и экосистем. Сторонники расширения социокультурного континуума предлагают раздвинуть его границы и выстроить новую аксиологическую реальность, обеспечивающую равенство всех разумных существ, всех живых существ и некоторых неживых существ, имеющих значимость. Но, на наш взгляд, ожидаемое равенство субъектов скрывает ловушки новых неравенств, и в том, какое место в новой системе займет человек, заключается экзистенциальный вызов будущего.

Ценность будущего и будущие ценности.

В подходе к анализу современной культурной ситуации, подразумевающей устремленность в будущее, будущее становится самоцелью, а действия, вещи и явления приобретают значимость в

контексте их причастности к таковому. Данный подход, на наш взгляд, базируется на линейном измерении темпоральной основы социокультурного континуума, подразумевающей исчезновение прошлого, истинное бытие настоящего и озабоченность грядущим. Аксиологический аспект темпорального измерения обнаруживает зыбкость ценностных установок прошлого, концептуализация которых на протяжении истории не раз подвергалась ревизии, и изменчивость ценностного набора настоящего. Будущее же включает широкое пространство возможных аксиологических траекторий, по которым мы могли бы двигаться, и деятельное составление сценарных планов этого движения в настоящем.

Комплектация и содержание ценностей зависят от формируемых обществом мировоззренческих позиций. Одни базируются на признании приоритета интересов микроуровневой общественной бытия в виде субкультур, социальных институтов и групп, характеризующихся множественностью ценностных установок, противоречия между которыми снимаются признанием права на выражение любого мнения. Другие допускают возможность иерархизации феноменов аксиологии на макроуровне, относящемся к цивилизации.

Первая позиция, отражающая специфику управления атомизированным социумом, состоящим из отдельных групп и индивидов, выходит на передний план в глобалистских проектах. Например, «открытое общество» Запада, как и прогнозировал К. Поппер, постепенно становится «абстрактным обществом», утрачивает органичность и причастность к объединяющей системе ценностей и смыслов. Каждый может опираться на то, что именно ему кажется разумным, нравственным, практичным и т. д. Общие формы произвольно заполняются индивидуальным содержанием, поэтому фактором, удерживающим «открытое общество» от распада, становится форсирование идеи абсолютного равенства всех индивидуальных ценностей, жизненных предпочтений и индивидуальной же ответственности за их реализацию. Соответственно, моральные

поощрения и запреты формируются произвольно, под диктовку сиюминутной необходимости. Базовый культурный набор ценностей в данной ситуации ежечасно проходит ревизию, дробится на единичные события, индивидуальные трактовки и интерпретации, связанные с конъюнктурой и выгодой сегодняшнего дня. Новый день приносит необходимость новой сборки, ибо каждый день в линейном времени уникален и неповторим. Следствием утраты органичности становится и включение в социальное пространство не-человеческих субъектов аксиологии, которые получают санкцию на отстаивание своих интересов, поскольку биологическое родство и видовая сплоченность также теряют свою значимость.

Вторую позицию представляет концепция аксиологического футуризма Дж. Данахера [6]. Пространство аксиологических возможностей, по убеждению ирландского исследователя, формируется под влиянием разума, в котором выделяется три идеальных типа: индивидуальный, коллективный и искусственный.

Каждому типу соответствует своя идеальная система ценностей, направленная на его защиту и максимальную реализацию:

- 1) индивидуальный – защита свободы и автономии человеческих достижений и самого человека как носителя ответственности за свою судьбу;
- 2) коллективный – защита групповой сплоченности и коллективного благополучия;
- 3) искусственный – продвижение способов решения проблем человека без участия человеческого интеллекта.

История развития человеческих обществ говорит о постоянном поиске компромисса между ценностями индивидуального и коллективного типов. Их традиционное противопоставление Дж. Данахер дополняет третьим, который, по нашему мнению, порождает новый интеллектуальный регистр дихотомии «искусственное – естественное». «Человеческое», в свою очередь, расплылось в пространстве, ограниченном заданными идеальными формами, и обогащается не-человеческими свойствами.

Из вышеописанного следует, что выход на обобщения более высокого, чем микронарративы, уровня возвращает мысль к традиционным операциям с цивилизационными ценностями. На протяжении столетий люди разрабатывали предохранители, реагирующие на определенные идеи и поступки, не только потому, что их манили высоты абстрактного «добра», но и потому, что эти предохранители помогали сосуществовать разным государствам, сословиям и индивидам в едином измерении. Каждая развитая культура на протяжении столетий формировала и сберегала аксиологическое ядро, сопряженное не с будущим, а с вечностью.

В классической философской парадигме ценностные установки занимали вершину культурных иерархий и транслировались нижним ее ступеням императивно, посредством откровения. Современная новая этика для новых миров направлена снизу вверх, т. е. базируется на спонтанности и ситуативности повседневного существования, в результате чего и происходит смешение содержания понятий «добро» и «зло», «хорошо» и «плохо», «допустимо» и «недопустимо», «истинно» и «ложно». Если ранее для маргинальных социальных групп неодобряемые остальными участниками общественной жизни нравственные, интеллектуальные или социальные позиции несли положительные коннотации, то вместе с изменением их места в социальной иерархии общепринятое понимание базовых ценностей также подвергалось трансформации. При условии развития тенденции к установлению абсолютно равного равенства такие запреты, как «не убий», «не укради», «не мсти», могут стать опциональными и синонимичными. Вряд ли базовые ценности человечества останутся актуальными в том случае, когда круг субъектов аксиологии объединит весь природно-культурный континуум.

Проблема человека в постчеловеческом измерении. Максимальное расширение границ социокультурного континуума заставляет переосмысливать образ человека и его место в нем. Западные исследователи разрабатывают теорию моральных революций, предполагающих радикальную смену аксиологических и деон-

тологических парадигм. Не всегда это касается ниспровержения основополагающих ценностных установок, но всегда революции «влекут значительные изменения в том, что люди и общество принимают за моральную истину» [14, с. 2]. Если посмотреть ретроспективно на историю таких революций, то мы увидим, что они тесно связаны с расширением морального круга, подразумевающим «наделение субъектностью» тех, кто ранее ее был лишен.

М. Фуко в «Археологии знания» прогнозировал, что, похоронив Бога посредством просветительской критики и обмирщения сознания, мы вряд ли способны будем создать человека как суверенного субъекта предметного мира, который просуществует дольше. Эта тенденция нашла отражение в постгуманизме – направлении, углубляющем деконструкцию проекта «человек как продукт дискурса». При определении границ человеческого отбрасываются любые иерархически выстроенные отношения как внутри видового пространства, так и в межвидовом взаимодействии. Сторонники ликвидации «бинарного мышления» Р. Брайдотти и М. Хлавайова вводят в научный дискурс два понятия, относящихся к «остаточному гуманизму»: «не-человеческое» и «бесчеловечное». Границы между ними, замечают исследователи, проницаемы и подвижны, и очеловечивание существ, относящихся к объектам изучения естественных наук, как и расчеловечивание определенных групп *Homo sapiens*, предопределено наличием структурной несправедливости: «Те, кто исключен из доминирующего понятия человека, исходя из маскулинистских, классовых, расистских и евроцентристских параметров, считают свою жизнь стоящей ниже в сравнении с человеческой *bios*, ближе к животному существованию, то есть к *zoe*. Это понимание структурных исключений бросает вызов универсалистским претензиям гуманистической традиции» [12, с. 10].

Собственно, вопросы, поднятые приверженцами постгуманизма и постантропоцентризма, задаются не в первый раз. «Собака»-Диоген уже давал на них ответы, вводя в практику бытие

вне гражданства, сословия и общественной морали, а киники постсовременности лишь продолжают «искать человека», стирая расовые, гендерные, классовые и биологические различия, обнаруживая свидетельства «структурной несправедливости» даже там, где они не усматривались. Поскольку человек частично состоит из не-человеческого (как с точки зрения принадлежности к животному миру, так и в связи с формированием пространства искусственного псевдоразума), появляются предложения о наделении субъектностью тех существ, которые не рассматривались в качестве таковых.

Гуманистическое закрепление особого положения человека в ряду представителей живой природы противопоставляется не-человеческому. В противовес этому постантропоцентризм и постгуманизм рассматривают человека в симбиотическом слиянии с не-человеческим. Тенденция оспаривания центрального положения человека в дебатах о сохранности природы является лучшей аргументацией для наделения субъектностью не-человеческих существ, коими в настоящее время выступают как представители животного мира, так и агенты искусственного интеллекта.

Дж.Р. Антис и Э. Паес для снижения воздействия техногенных рисков предлагают включить в систему ценностных отношений «разумных» животных. Говоря о разумности, ученые ссылаются на Кембриджскую декларацию о сознании 2012 года. Исследователи положительно оценивают тот факт, что в западном мире поедание мяса, например, собак уже сопряжено с моральным отвращением, но с сожалением констатируют отсутствие эмпатии по отношению к тем, кто изначально предназначен в пищу: «В случае с рыбами, очень не похожими на нас существами, практически не обсуждается их благополучие и не предпринимаются попытки учесть их интересы» [11]. Опасность такого избирательного отношения к братьям нашим меньшим видится в том, что наделение некоторых из них отрицательными качествами выражается в форсировании враждебности к представителям различных этнических и рели-

гиозных групп посредством их сравнения с такими животными. Дегуманизация животных способствует дегуманизации рас и национальностей: существующая иерархия «добрых» и «злых» зверушек, которая выстраивается с детства в результате погружения в культуру, приводит к возникновению расовых предрасположений. Дж.Р. Антис и Э. Паес находят прямую связь между признанием злодеяний цивилизации и расширением круга носителей нравственных ценностей: моральная забота о рабах привела к отмене рабства, поэтому дальнейший прогресс в данном направлении должен привести к поддержке моральной заботы о животных и дальнейшим шагам по удовлетворению их интересов. В настоящее время, констатируют исследователи, люди пренебрегают проблемами домашней птицы и скота, а ведь учет их благополучия не противоречит позициям современных этических учений (деонтологии, консеквенциализма) и прекрасно встраивается в реализацию общих понятий аксиологии: справедливости, счастья и свободы. Даже если не отходить от устанавливаемой постгуманистической иерархии, новые субъекты прекрасно впишутся в формулу: «Хотя все разумные существа имеют значение, некоторые имеют большее значение, чем другие» [11].

Признание базовых принципов человеческого бытия гибридными и реляционными предопределяет расширение аксиологических установок и на искусственное информационное пространство, в котором поколения человеческих и не-человеческих пользователей, по меткому замечанию Р. Брайдогги, получают статус «цифровых аборигенов» [12, с. 13]. Если включение в состав разумных существ происходит на основе динамической оценки их свойств и социально-экологических отношений, то вопрос о том, какие агенты искусственного интеллекта могут считаться имеющими признаки субъектности, остается актуальным.

Успех развития искусственного интеллекта, как утверждают С. Чопра и Л.Ф. Уайт, заключается в репликации человеческих способностей,

таких как эмоции, ощущения, самооценка, сознание. Искусственный интеллект понимается учеными как особая личность, а не просто проектируемые «разумные» системы [10]. Расширение богатства возможностей в отношениях с человеком, разнообразия моделей поведения будет иметь веские основания для наделения агентов искусственного интеллекта правами и обязанностями, прежде всего по экономическим соображениям. И если мы не пересмотрим былую уверенность в уникальности человека и необычности человеческого разума, то, по мнению исследователей, можем быть обвинены в том, что принадлежим к аутическому виду, не способному постичь мысли других существ. Но нельзя и просто отмахнуться от опасений, что само существование искусственного интеллекта способно генерировать экзистенциальные риски: посредством искусственных агентов можно обеспечивать изготовление нужных и полезных товаров и услуг, но можно их использовать и для шантажа, мести и садизма. Эти опасения возникают потому, что идеализированный тип искусственного разума видится независимым от интеллекта человека, следовательно, связанный с этой позицией тип аксиологии воспринимает людей в лучшем случае бенефициарами успеха познавательных достижений машин, получивших субъектность.

Таким образом, наделение агентов искусственного интеллекта субъектностью не уменьшает, а напротив, генерирует напряженность в отношениях между различными социальными группами, институтами и даже государствами цивилизации *Homo sapiens*.

Заключение. Возрастающая мобильность социумов, гиперизменчивость постмодерна как наделили людей новыми возможностями, так и обеспечили новыми проблемами, которые могут привести к катастрофе. В настоящее время предпринимаются попытки расширения социокультурного континуума, заключающиеся в уравнивании интересов всех внутривидовых человеческих субкультур, социальных институтов, групп и межвидовых отношений. Линейная темпоральная составляющая про-

дуцирует постоянную генерацию новых аксиологических установок, противостоящих прошлым и устремленных в будущее. Но присущая любой организации иерархизация отношений нуждается в наличии как стоящих на ее вершине, так и составляющих основание субъектов. В пространстве аксиологии также невозможно обойтись без опоры на неподвластные времени ценности человеческого бытия.

Футуристические прогнозы, основанные на анализе экзистенциальных вызовов, угрожающих будущему человечества, связаны в настоящем времени с пошатнувшимся статусом человека и переносом чисто человеческих свойств на новых, не-человеческих субъектов. В результате характеристики, указывающие на высшую природу души, уникальность разума, ответственность за слова и деяния, присваиваются всем или никому. «Права не-человеческих существ» говорят не о расширении правового пространства, а об ограничении в нем роли человека. Безответственное расширение границ ценностного измерения уравнивает представителей живой природы, агентов искусственного интеллекта и человека, а наделение субъектностью и, с неизбежной логикой процесса, правосубъектностью первых приводит к снижению роли и статуса последнего. В данной парадигме убийство цыпленка для приготовления супа может квалифицироваться как совершенное с отягчающими обстоятельствами, тогда как убийство ребенка может иметь менее суровые последствия для нарушителя новой морали. Ответственность же за финансовые потери в игре на бирже можно будет возложить на «проявившего халатность» чат-бота, а не на самого игрока.

Когда деконструкции подвергается система традиционных бинарных оппозиций, базовые этические константы наполняются случайными смыслами и мы имеем дело с убеждением в том, что истина – это ложь, мир – это война, порядок – это хаос, объект – это субъект. При таком подходе новый идеал человека собирается из не-человеческих черт, что приводит нас к выводу об антигуманистической его направленности.

Признавая пластичность аксиологического пространства линейного темпорального измерения, считаем необходимым указать на существование социокультурных проектов, существующих в циклическом временном алгоритме, признающих опорой укорененные в вечности феномены. Кросс-культурные изыскания, связанные с онтологией человеческого бытия, могут способствовать определению

роли и места человека в новом мире и закреплению его сущностных свойств, что поможет формированию более адекватных реальности аксиологических проектов будущего; выстроить иерархию ценностей, очертить круг субъектов воздействия и разработать меры по сохранению традиционных и продвижению новых феноменов устанавливающегося миропорядка.

Список литературы

1. Баева Л.В. Экзистенциальные риски и угрозы: понятие, классификация, оценка // Каспий и глобальные вызовы: материалы междунар. науч.-практ. конф. Астрахань, 2022. С. 604–609.
2. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры на рубежах веков // Междунар. журн. исслед. культуры. 2016. № 2(23). С. 16–26.
3. Danaher J. Automation and Utopia: Human Flourishing in a World Without Work. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2019. 288 p.
4. Bostrom N. Existential Risk Prevention as Global Priority // Glob. Policy. 2013. Vol. 4, № 1. P. 15–30. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12002>
5. Иноземцев В.А., Иноземцева Ю.В., Лепская Н.Д. Вызовы современной техногенной цивилизации в контексте формирования новой социальной реальности // Гуманит. вестн. МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2022. № 4(96). С. 1–17. <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2022-4-792>
6. Danaher J. Axiological Futurism: The Systematic Study of the Future of Values // Futures. 2021. Vol. 132. Art. № 102780. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2021.102780>
7. Baker R. The Structure of Moral Revolutions: Studies of Changes in the Morality of Abortion, Death, and the Bioethics Revolution. Cambridge: MIT Press, 2019. 335 p.
8. Hopster J.K.G., Arora C., Blunden C., Eriksen C., Frank L.E., Hermann J.S., Klenk M.B.O.T., O'Neill E.R.H., Steinert S. Pistols, Pills, Pork and Ploughs: The Structure of Technomoral Revolutions // Inquiry. 2022. Vol. 68, № 2. P. 264–296. <https://doi.org/10.1080/0020174X.2022.2090434>
9. Назарова Ю.В., Каширин А.Ю. Экзистенциальные риски искусственного интеллекта в контексте аксиологии трансгуманизма (по материалам работ Н. Бострома) // О-во: философия, история, культура. 2023. № 11. С. 40–45. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.11.5>
10. Chopra S., White L.F. A Legal Theory for Autonomous Artificial Agents. Ann Arbor: Univ. Michigan Press, 2011. 252 p.
11. Anthis J.R., Paez E. Moral Circle expansion: A Promising Strategy to Impact the Far Future // Futures. 2021. Vol. 130. Art. № 102756. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2021.102756>
12. Брайдонти Р., Хлавайова М. Постчеловек: глоссарий / пер. под ред. М.С. Фетисова. М.: Музей соврем. искусства «Гараж», 2023. 1242 с.
13. Гагарин А.С., Новопашин С.А. Концепция постчеловека: проблема субъектности и экзистенциальные основания бытия человека // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. Гуманит. исслед. 2022. № 2(35). С. 9–14. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-35-9-14>
14. Danaher J., Hopster J. The Normative Significance of Future Moral Revolutions // Futures. 2022. Vol. 144. Art. № 103046. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2022.103046>

References

1. Baeva L.V. Ekzistentsial'nye riski i ugrozy: ponyatie, klassifikatsiya, otsenka [Existential Risks and Threats: Concept, Classification, Assessment]. *Kaspiy i global'nye vyzovy* [The Caspian Sea Region and Global Challenges]. Astrakhan, 2022, pp. 604–609.

2. Vyzhletsov G.P. Aksiologiya kul'tury na rubezhakh vekov [Axiology of Culture at the Turn of the Centuries]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovatel'skoy kul'tury*, 2016, no. 2, pp. 15–26.
3. Danaher J. *Automation and Utopia: Human Flourishing in a World Without Work*. Cambridge, 2019. 288 p.
4. Bostrom N. Existential Risk Prevention as Global Priority. *Glob. Policy*, 2013, vol. 4, no. 1, pp. 15–30. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12002>
5. Inozemtsev V.A., Inozemtseva Yu.V., Lepskaya N.D. Vyzovy sovremennoy tekhnogennoy tsivilizatsii v kontekste formirovaniya novoy sotsial'noy real'nosti [Challenges of Modern Technogenic Civilization in the Context of the Formation of a New Social Reality]. *Gumanitarnyy vestnik. MGTU im. N.E. Baumana*, 2022, no. 4, pp. 1–17. <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2022-4-792>
6. Danaher J. Axiological Futurism: The Systematic Study of the Future of Values. *Futures*, 2021, vol. 132. Art. no. 102780. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2021.102780>
7. Baker R. *The Structure of Moral Revolutions: Studies of Changes in the Morality of Abortion, Death, and the Bioethics Revolution*. Cambridge, 2019. 335 p.
8. Hopster J.K.G., Arora C., Blunden C., Eriksen C., Frank L.E., Hermann J.S., Klenk M.B.O.T., O'Neill E.R.H., Steinert S. Pistols, Pills, Pork and Ploughs: The Structure of Technomoral Revolutions. *Inquiry*, 2022, vol. 68, no. 2, pp. 264–296. <https://doi.org/10.1080/0020174X.2022.2090434>
9. Nazarova Yu.V., Kashirin A.Yu. Existential Risks of Artificial Intelligence in the Context of the Axiology of Transhumanism (Based on the Works of N. Bostrom). *Soc. Philos. Hist. Cult.*, 2023, no. 11, pp. 40–45 (in Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2023.11.5>
10. Chopra S., White L.F. *A Legal Theory for Autonomous Artificial Agents*. Ann Arbor, 2011. 252 p.
11. Anthis J.R., Paez E. Moral Circle Expansion: A Promising Strategy to Impact the Far Future. *Futures*, 2021, vol. 130. Art. no. 102756. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2021.102756>
12. Braidotti R., Hlavajova M. *Posthuman Glossary*. London, 2018. 576 p. (Russ. ed.: Braydotti R., Khlavayova M. *Postchelovek: glossariy*. Moscow, 2023. 1242 p.).
13. Gagarin A.S., Novopashin S.A. Kontseptsiya postcheloveka: problema sub'ektnosti i ekzistentsial'nye osnovaniya bytiya cheloveka [The Posthuman Concept: The Problem of Subjectivity and Existential Foundations of Human Being]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, 2022, no. 2, pp. 9–14. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-35-9-14>
14. Danaher J., Hopster J. The Normative Significance of Future Moral Revolutions. *Futures*, 2022, vol. 144. Art. no. 103046. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2022.103046>

Информация об авторе

Е.Ю. Воробьева – кандидат философских наук, доцент факультета очного обучения Сибирского института бизнеса и информационных технологий (адрес: 644116, г. Омск, ул. 24-я Северная, д. 196, корп. 1).

Information about the author

Elena Yu. Vorob'eva, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Faculty of On-Campus Education, Siberian Institute of Business and Information Technologies (address: ul. 24-ya Severnaya 196, korp. 1, Omsk, 644116, Russia).

Поступила в редакцию 09.08.2024
 Одобрена после рецензирования 28.11.2024
 Принята к публикации 29.11.2024

Submitted 9 August 2024
 Approved after reviewing 28 November 2024
 Accepted for publication 29 November 2024

Новиков Н.С.

Современные аспекты формирования личности российских военных профессионалов

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 1. С. 114–123.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 114–123.

Научная статья
УДК 101.1+174
DOI: 10.37482/2687-1505-V409

Современные аспекты формирования личности российских военных профессионалов

Николай Сергеевич Новиков

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия,
e-mail: Nikolai.novikov.87@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9481-5128>

Аннотация. В предлагаемой статье рассматривается специфика военной деятельности, в качестве основного аспекта выделяется роль воспитания важнейших качеств личности: разумности, мужества, а также ответственности и воли. Обозначены исторические истоки и специфика исследования данной проблемы. Раскрываются роль и место армии в системе социального бытия, роль и место офицерского состава, требования, предъявляемые обществом к командованию армии. Целью работы является определение основных качеств личности современного офицера Российской армии. В качестве фундамирующих составляющих приняты разумность, ответственность, способность оперативно принимать оптимальные решения. Мышление с античности понималось как разумность и считалось одной из добродетелей. Офицерский состав армии, осуществляющий руководство всеми аспектами военных операций, должен обладать умением оперативно и точно производить выбор той стратегии, которая станет успешной в условиях конфликтной ситуации. При этом успех всегда понимается как результат, соответствующий целям, интересам и задачам государства. В статье обращается внимание на то, что решение стоящих перед каждым командиром военных задач требует развития логического и эмоционального начал, опирающихся на теоретические знания и практический опыт. Развитию такого рода качеств способствует применение форм и методов обучения, предусматривающих моделирование ситуаций, предоставляющих курсантам возможность самостоятельно оценивать складывающуюся обстановку, формулировать задачи и принимать решения в условиях военных учебных заведений. Практика таких форм обучения показала, что возможность принимать решения развивает у будущего офицерского состава ответственность и самостоятельность.

Ключевые слова: *Российская армия, военная деятельность, военные профессионалы, подготовка военных специалистов, офицерский состав армии, разумность, мужество*

Для цитирования: Новиков, Н. С. Современные аспекты формирования личности российских военных профессионалов / Н. С. Новиков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 114-123. – DOI 10.37482/2687-1505-V409.

© Новиков Н.С., 2025

Original article

Modern Aspects of Personality Formation in Russian Military Professionals

Nikolay S. Novikov

Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia,
e-mail: Nikolai.novikov.87@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9481-5128>

Abstract. This article examines the specific features of military activity, highlighting as the main aspect the importance of developing the following qualities: reasonableness, courage, responsibility and will. The historical origins and specifics of studying this problem are outlined. The paper dwells on the role and place of the army in the system of social existence, the role and place of officers, as well as the requirements imposed by society on commanders. The author aimed to determine the key personality traits of a modern officer in the Russian army. Reasonableness, responsibility and ability to promptly make optimal decisions are considered to lie at the base. Since antiquity thinking has been linked with reasonableness and viewed as a virtue. Army officers managing all aspects of military operations must be able to quickly and accurately choose a successful strategy in a conflict situation. Their success is always understood as a result corresponding to the goals, interests and objectives of the state. The article points out that to accomplish military tasks, each commander needs to have a developed logical and emotional sphere based on theoretical knowledge and practical experience. These qualities can be enhanced in military educational institutions through the use of training that includes simulation, which allows cadets to independently assess the situation on the ground, formulate tasks and make decisions. The practice of using such forms of education has shown that allowing cadets to make decisions fosters responsibility and independence.

Keywords: *Russian army, military activity, military professionals, training of military specialists, army officers, reasonableness, courage*

For citation: Novikov N.S. Modern Aspects of Personality Formation in Russian Military Professionals. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 114–123. DOI: 10.37482/2687-1505-V409

Рассматривая историю возникновения, становления и функционирования цивилизации, большинство тех, кто исследовал связанные с этим явления процессы, непременно выделяют помимо сугубо материальных и духовных аспектов аспекты социального характера. В.С. Степин отмечает, что «социальная группа как особая целостность образуется благодаря совместным действиям и поведенческим актам различных людей» [1, с. 21], обращая внимание на то, что «отношения между людьми, возникающие в этом процессе, образуют фундаментальную структуру социального бытия» [1, с. 24].

Практически аналогичный процесс можно обнаружить, исследуя принципы и формы взаимодействия и противостояния различных сообществ, существующих в едином пространстве, осваивающих соседние территории или претендующих на овладение ими.

Внутренняя функция любого сообщества заключается в обеспечении безопасности населения, результатов его деятельности, сохранении духовной культуры и проч. Вместе с появлением государственности постепенно складываются и закрепляются ее основные элементы: территория, на которой проживает и функционирует тот или иной этнос, публичная

власть, правовые нормы. Важное место в системе социального бытия в протогосударстве, а затем и в государственной системе занимает сначала вооруженное мужское население, а затем армия, охраняющая государство от внешних угроз и обеспечивающая как сохранение внутреннего порядка бытия, так и завоевания, сопровождающие историю цивилизации в целом.

Выделяясь в особый кластер социума, армия совершенствует свою внутреннюю структуру, способы и формы организации, подготовки и решения различных государственных и сугубо военных проблем.

Цель работы – сформулировать основные качества личности современного офицера Российской армии. В основу анализа положены такие составляющие, как разумность, ответственность, способность оперативно принимать оптимальные решения независимо от особенностей складывающейся ситуации.

В рамках статьи были использованы методы конкретно-исторического анализа и компаративистики. Значительное место в осмыслении действий и поведения профессиональных военных занимает анализ деонтологического начала деятельности офицеров и командиров. Кроме того, были применены методы обобщения трудов известных философов прошлого и настоящего.

Кризисное состояние современного общества диктует необходимость выработки путей и методов подготовки военных профессионалов. Это обстоятельство лежит в основе актуальности предлагаемой статьи.

В настоящее время данный вопрос недостаточно изучен, поскольку происходят стремительные изменения как в системе социального бытия в целом, так и в реализации функций современной армии в частности. Необходимость анализа такого рода процессов связана с появлением новых форм ведения военных действий, например гибридных и диффузных войн, при которых боевые действия не только проходят на определенной территории, но и нацелены на систему духовной и психической

жизни участников конфликта. Статьи Т.Л. Лопуха [2], В.Ю. Балабушевича [3], Д.А. Петровского [4], П. Хуовинена [5], Дж.Дж. МакКуэна [6], Р.У. Гленна [7], Г. Саймонса [8], А.А. Соколовой [9], А. Черепанова [10] и др. являются вполне актуальными и своевременными, однако количество таких исследований пока ограничено.

Армия выступает важным социальным институтом государства, имеющим свою историю, закономерности развития. В армии складываются специфические формы организации, иерархии и субординации, свойственные только этой социальной единице, устанавливаются критерии поведения, связанные с характером деятельности.

Уже в условиях протогосударства среди внешних функций социума центральными становятся охрана территории, считающейся собственностью социума, а также захват тех пространств, которые представляются необходимыми для улучшения общего благосостояния или благосостояния отдельных слоев. В период, названный К. Ясперсом «осевым временем» [11, с. 32–34], когда мифологическая картина мира заменяется рациональными взглядами на мир, складывается и оформляется идея мирового господства, которая наиболее ясно была сформулирована в Древней Греции. Идею завоевания эллинами всей ойкумены попытался осуществить Александр Македонский [12]. Примерно с этого времени возникает идеализированный образ полководца, чьи действия практически всегда оказываются успешными.

Условия социального бытия требовали постоянной готовности армии к военным действиям, а также ставили вопрос об управлении военной силой и, соответственно, о месте, роли и характере полководцев, которые должны были обеспечивать выполнение государственных задач, осуществлять руководство военными действиями. От полководцев зависело принятие решений, ими вырабатывались стратегия и тактика ведения войн, предпринимались военные операции, которые оборачивались успехом или неудачей.

Существуют различные взгляды на характер, форму и сущность военной деятельности. К примеру, Т.Л. Лопуха подчеркивает одно из основных противоречий: «...воинская деятельность “производит” защиту, т. е. услугу. В этом смысле воинская деятельность является трудом. Но воинская деятельность не созидательна, более того, в военное время она преимущественно разрушительна. С точки зрения общечеловеческой оценки, любая война есть разрушение. В этом смысле воинская деятельность является не созидательной деятельностью. Но она обеспечивает возможность мирного созидания» [2, с. 89]. Уже только понимание специфики военных действий как труда, не имеющего созидательных характеристик, выдвигает к профессии военнослужащего особые требования, связанные с постоянной необходимостью принимать нестандартные, сложные, а порой и судьбоносные решения. Профессиональный военный постоянно находится в ситуации выбора. В.Ю. Балабушевич в работе, посвященной профессиональной деятельности офицера, под выбором понимает «целенаправленный, рационально обоснованный и внутренне мотивированный акт, осуществляемый в условиях субъективно осознанного объективного существования нескольких (более чем одной) возможностей, направленный на выделение и реализацию одной (или нескольких) из этих возможностей и предполагающий личную ответственность субъекта за возникающие при этом последствия» [3, с. 66]. По мнению В.Ю. Балабушевича, в процессе подготовки офицерских кадров важной задачей является «формирование у офицера способности осознавать ситуацию выбора и умение выбирать» [3, с. 66]. Несформированность такого рода качества может привести к трагическим последствиям, чему существует множество примеров, относящихся к самым разным периодам истории. Например, Харьковская наступательная операция, проводившаяся в период с 12 по 30 мая 1941 года, обернулась катастрофой по причине неправильной оценки противника командованием юго-западного направления.

После окончания Великой Отечественной войны маршал И.Х. Баграмян признался: «Наши прогнозы строились больше на догадках, чем на реальных сведениях» (цит. по: [13, с. 121]).

Следовательно, профессиональный военный должен не только обладать особыми знаниями, проявляющимися в обученности основам военных наук, но и развивать в себе умения и навыки мышления, предвидения и оперативного принятия нестандартных решений, т. е. помимо обученности важно формировать качества личностного характера, фундаментирующие все стороны военной деятельности.

В различных теориях, посвященных рассмотрению проблем личности руководителя, на первом месте находится такое качество, как разумность, что предполагает наличие способности видеть стоящие перед военным подразделением задачи как в общих чертах, так и в конкретных формах их осуществления. При этом важно не только осмысление главной проблемы, но и адекватная ее формулировка. Часто от точности формулировки задачи зависят методы и способы ее решения.

Общая теория личности имеет длительную историю, однако вопросы об особенностях личности военачальника обладают особой спецификой. Наша же задача заключается в том, чтобы выявить основные черты личности профессиональных военных.

Базовыми качествами личности обычно называют разумность, ответственность, наличие воли, определенный уровень свободы, совесть и личное достоинство. Ключевую роль играет разумность, и уже само это понятие обозначает видовую особенность человека как природного существа. Однако только одно наличие разумности как человеческого качества еще не есть критерий, на основании которого можно рассматривать любое действие человека как разумное.

Вопрос о природе разумности, способах и путях ее реализации, уровнях и формах проявления неоднократно поднимался в трудах мыслителей различных эпох. Начиная с периода античности, размышлений Сократа, трудов

Аристотеля, вплоть до наших дней проблема разумности разрабатывается и осмысливается в самых разных теориях, касающихся человека и характера его деятельности. Для Аристотеля разумность сопряжена как с понятием диалогического (мыслительного, интеллектуального) отношения человека к миру, так и с нравственными категориями счастья, добродетели, блага и т. д. С разумностью в представлении греческого мыслителя связано и мужество, характерное для военного сословия.

В истории вопроса сложились различные подходы к пониманию феномена разумности. В античности, в частности в рассуждениях Сократа, разумность рассматривалась как знание при обсуждении вопросов справедливости, блага, добра и зла и т. п. Аристотель же считал, что разумность позволяет сделать «правильный выбор в своих действиях и поступках, стремясь добиться счастья (*eudaimonia*), воплотить в жизнь этический идеал» (цит. по: [14, с. 11]). Можно утверждать, что Аристотель впервые в истории философии прямо связывает понятие разумности с практической деятельностью человека: «...разумность – это некое состояние выбора и исполнения действий, исполнять или не исполнять которые зависит от нас...» [15, с. 333]. При этом греческий мыслитель разграничивает знания, которые можно получить «при помощи доказательства и рассуждения», и разумность, когда «имеет место выбор и уклонение» [15, с. 333].

Именно это обстоятельство – наличие выбора – лежит в основании личностных характеристик человека, таких как ответственность, воля и свобода, что и характеризует Аристотелем как добродетель.

Аристотель рассматривает разумность в различных видах деятельности, например в искусстве она направлена «на дела и создаваемые вещи», при этом «мудрость направлена на вещи доказуемые и неизменные, разумность же – не на них, а на вещи изменчивые» [15, с. 334]. Разумность, считает он, ориентирована на такие вещи, которые полезны человеку, именно они могут обладать изменчивостью, и с ними

постоянно необходимо работать. Следовательно, разумность требует действия.

Особое место в жизни общества занимают вопросы, связанные с военной деятельностью, требующей особых качеств характера от тех, кто ее осуществляет. В понимании Аристотеля, вместе с разумностью в этих случаях необходимым является мужество, которое он определяет как «обладание серединой между страхом и отвагой» [15, с. 108]. Для Аристотеля мужество воинов состоит в том, что, понимая, в чем заключается реальная опасность, «они сражаются, опираясь на стремление к добродетели»; базируется этот порыв мужества на справедливости, и «считается, что более мужествен тот, кому присуще бесстрашие и невозмутимость при внезапных опасностях, а не предвиденных заранее» [15, с. 114]. Обобщая рассуждения Аристотеля, можно сказать, что для него мужество в любом случае включает разумность, позволяющую увидеть, осмыслить реальные угрозы и действовать с максимально возможной пользой для общества. При этом греческий мыслитель обращает внимание на то, что неосмысленные поступки, совершенные самонадеянно или по воле случая, являются опрометчивыми и к мужеству (а следовательно, и к разумности) отношения не имеют. И разумность, и мужество, с нею связанное, суть элементы личностного развития, и потому решение вопроса о формировании личности профессионального военного, командира заключается в системе воспитания в военных учебных заведениях.

Подготовка военного профессионала направлена на формирование у него способности принимать, а затем реализовывать целесообразные решения. Личность командира раскрывается в ситуациях, где решение возникающих проблем возможно лишь в случае взаимодействия рационального и эмоционального начал, наличия фундаментальных знаний и непосредственной оценки ситуации. Разумность как одно из основополагающих качеств, лежащих в основе умения принимать целесообразные решения, может быть развита при

определенных условиях обучения и воспитания. Как показывает практика, развитию такого рода качеств способствует применение форм и методов обучения, предусматривающих моделирование ситуаций, дающих возможность курсантам самостоятельно оценивать складывающуюся обстановку, формулировать задачи и принимать решения. Предоставление курсантам подобной возможности в период их обучения в военных учебных заведениях развивает в них ответственность и самостоятельность. Такого рода процесс должен происходить под контролем командиров-наставников, которые, основываясь на собственном служебно-боевом и личном опыте, способны, во-первых, оценить правильность действий курсантов, во-вторых, дать необходимые рекомендации.

Стоит отметить, что развитие способности к принятию решений – процесс, не прекращающийся в течение всей служебно-боевой деятельности офицера. Каждая должность в системе военной иерархии требует все более высокой степени ответственности при выборе необходимых действий. При продвижении по карьерной лестнице спектр задач, возникающий перед офицером, постоянно меняется, возрастают степень ответственности, масштабы принимаемых решений, и задача постоянного саморазвития всегда стоит перед профессиональным военным; кроме того, решение проблем различной сложности требует актуальных знаний и нестандартных решений.

Становление личности профессионального военного специалиста обычно осуществляется в военном учебном заведении – месте, где на основе непрерывного, планомерного, целенаправленного учебно-воспитательного процесса, физической, психологической нагрузки формируется личность будущего офицера, способного выполнять стоящие перед ним задачи любой сложности. Подготовка профессиональных военных, коими являются офицеры, во все времена была актуальна и являлась одним из основных вопросов государственного масштаба.

В России идея специального обучения военных специалистов впервые начала реали-

зовываться при Петре I. Он, как никто другой, осознавал важность военного образования в судьбе страны. А.М. Лушников, подробно рассматривая вопросы военного образования в своей монографии «Армия, государство и общество: Система военного образования в социально-политической истории России (1701–1917)», отмечал, что создание первых военных школ связано с именем Петра I: «В 1712 г. создается Инженерная школа в Москве и Артиллерийская школа в Петербурге, в 1715 г. начинает действовать Морская академия в Петербурге, представляющая собой старшие классы Школы математических и навигационных наук, тогда как младшие классы остаются в Москве» [16, с. 14–15]. Создание такого рода учебных заведений по праву можно считать началом специального военного образования, которое заложило основы не только военного, но и светского образования в России. Уже к 1876 году Главное управление военно-учебных заведений, образованное в 1863 году, называли «центром педагогического движения», т. к. практически все русские педагоги сотрудничали с военно-учебными заведениями, как, например, В.О. Ключевский и К.Д. Ушинский [16, с. 92–93]. Система непрерывного военного образования, сформировавшаяся в период XVII–XIX веков, оказалась способной удовлетворять потребности армии в офицерских кадрах и потребности общества – в образованных и социально активных людях, поскольку многие известные ученые, художники, путешественники были прежде учениками именно военных учебных заведений (Н.А. Бердяев, Ф.Ф. Беллинсгаузен, И.Ф. Крузенштерн, В.И. Даль, А.И. Куприн и др.).

События XX столетия, характеризующегося огромными по своим масштабам войнами, повлияли на систему военного образования по-разному. Социалистическая революция, создание Рабоче-крестьянской красной армии (РККА), приказ Н.И. Подвойского от 14 ноября 1917 года «О прекращении производства в офицеры» [4, с. 11–12] разрушили традиции русской военной школы, история которой насчитывала более двух столетий [17, с. 69].

Произошедшие изменения, безусловно, оказали непосредственное влияние на подготовку офицерских кадров. В.И. Харламов в своем труде «Офицерский корпус между двумя мировыми войнами» подчеркивал: «Из нескольких десятков военных учебных заведений, часть которых была основана еще при Петре I, не уцелело ни одного. Как мы увидим далее, такой шаг и другие политические меры в отношении комплектования новой армии, связанные с полной потерей преемственности, будут дорого оплачены следующими военными поколениями в СССР» [17, с. 69].

В основе организации процесса подготовки военных специалистов лежит не только освоение новых, актуальных военных знаний, но и опыт жизнедеятельности войск, а также преемственность, выражающаяся в поэтапном освоении знаний, что составляет один из руководящих принципов военной педагогики. Огромное значение в процессе подготовки офицеров имела утраченная преемственность, на которую указывал В.И. Харламов. Только придерживаясь принципа преемственности, возможно сохранить традиции, которые рождаются, формируются и актуализируются в самые сложные периоды существования государства. Именно они являются морально-нравственной, деонтической основой действий офицерского корпуса армии, выполняющего свой долг вопреки всем трудностям и испытаниям.

Принципы построения РККА, которыми пользовались в дальнейшем, имели некоторые качественные отличия. Одним из основных факторов было то, что «образовательный уровень кандидатов для занятия командных должностей в ней был резко снижен» [17, с. 69]. Кандидаты для поступления в сухопутные военные школы едва умели читать и считать, «с 1925 по 1930 гг. 77–86 % обучаемых в ВУЗах не окончили 7-летнюю общеобразовательную школу, а число курсантов, имевших образование выше 7-летнего, не превышало за данный период 2,6 %» [17, с. 69]. Такого рода условия при поступлении в военные учебные заведения имели плачевные последствия уже в ближай-

шем будущем, и примером служат результаты советско-финской войны 1939–1940 годов. Советская армия понесла ошеломляющие потери: «130 тысяч человек. По сути, на каждого финского солдата советские войска теряли пять своих бойцов. Одна из главных причин такого печального исхода войны состоит в разном уровне подготовки военнослужащих советской и финской армии. Поскольку подготовка солдат и младших командиров всецело лежит на офицерском составе, можно уверенно сравнивать в этом отношении профессиональные качества офицеров» [17, с. 75].

Приведенный исторический анализ дает возможность понять важность образования для достижения дальнейших успехов армии в целом. Руководителями любых военных действий являются офицеры, обладающие такими личностными качествами, которые необходимо выработать каждому представителю офицерского корпуса. Особую остроту на современном этапе приобретает воспитание качеств, которые начиная с античности характеризовались как разумность и ответственность, а также мужество (Аристотель). В современном мире наличие разумности должно сопровождаться знанием самых новых форм вооружения, принципов действий, связанных с ними, а также пониманием психологии противника, его намерений и планов, типичных действий при проведении военных операций и т. п. Необходимо учитывать, что стремительно развивающиеся научно-технические процессы оказывают непосредственное влияние и на военную науку. Формы и методы ведения боевых действий претерпевают кардинальные изменения, а вместе с ними меняются и требования к офицерам, и все это происходит в кратчайшие сроки. На сегодняшний день офицер обязан обладать качествами, позволяющими усваивать актуальную информацию, анализировать ее и применять в процессе служебно-боевой деятельности. Эти знания обеспечивают наиболее верные варианты решений, а следовательно, эффективность команд, которые отдает офицер.

Кроме того, важны знание условий развертывания той или иной операции, умение выделить стандартные шаги противника и приемы противостояния, которые можно найти в материалах, описывающих аналогичные действия известных военных профессионалов в подобных ситуациях.

Особое место в сознании любого офицера занимает адекватная оценка ситуации. Современному офицеру важно не только выработать умение как можно ближе к реальности оценивать сложившуюся обстановку, но и осуществить наиболее верный выбор, о чем говорил еще Аристотель. Современный специалист по вопросам человеческой деятельности Э. Фромм выделял два типа отношения к реальности: продуктивное и деструктивное. Деструктивное отношение имеет следующие разновидности [18]:

1) рецептивное, при котором главным принципом становится попытка получить все извне, в т. ч. мысли и стандарты решений, без учета специфики ситуации. Такого рода поведение оказывается потребительским и редко может стать успешным в реальной ситуации;

2) эксплуататорское, когда личный состав воспринимается лишь с точки зрения его полезности, без понимания ценности каждого подчиненного. В этих условиях человеческие ресурсы становятся только средством для достижения конкретно поставленной задачи;

3) накопительское, предполагающее отношение к подчиненным как к собственности. Для сторонников такого поведения «логическая реакция на внешний мир – упрямство», никакие формы творчества не представляются желательными;

4) рыночное, базирующееся только на фактах, без их анализа, поэтому мышление не стремится к пониманию сущности вещей, процессов и т. д.

Единственно верным способом отношения к миру, с точки зрения Э. Фромма, является продуктивное отношение, при котором мир воспринимается таким, каков он есть, что дает возможность выработать пути и способы его

изменения в процессе определенных действий. Продуктивное мышление предполагает умение не искажать факты, а также способность понимать мир не только как данность, но и как целостность. Следовательно, главным принципом продуктивно мыслящего офицера должно стать его отношение к людям, опирающееся на заботу, ответственность, уважение и знание личного состава [18].

Определяющим принципом продуктивного мышления становится умение найти задачу. Другими словами, обнаружить противоречие, требующее дальнейшего устранения или разрешения. Такого рода противоречия актуализируются в реальной действительности, политических, экономических, морально-нравственных, профессиональных и других отношениях. Их нужно не только увидеть, но и сформулировать. Именно понимание сущности задачи и ее особенностей является основой для принятия дальнейших решений. При этом от того, каким образом сформулирована задача, часто зависят способы, методы и принципы ее решения. Следовательно, офицеру необходимо обладать умением вычленить основное противоречие, требующее решения, и найти адекватную форму его логизации. Нужно учесть также, что в реальной ситуации у офицера может не быть времени на длительные размышления. Способность же быстрого, а иногда и моментального принятия решения нужно воспитывать еще в период его подготовки в качестве будущего командира.

Кроме того, офицеру важно обладать такого рода моральными принципами, которые аккумулируют как логический, так и эмоциональный уровни отношения к миру с позиции гуманности. Следовательно, личностное становление профессионального военного должно включать в себя всю гамму его отношений к деятельности, получаемым знаниям, окружающему миру, коллегам и самому себе. Формирование личности становится комплексной задачей, имеющей своей целью развить на базе разумности особую форму ответственности, сопряженной с пониманием ценности жизни,

особую форму свободы принятия только таких решений, которые несут в себе осмысленные гуманистические функции, в которых определяющее место принадлежит охранительному, а не разрушительному началу.

Таким образом, в процессе подготовки специалиста, военного профессионала никакая сторона личностного становления не является лишней. Важное место занимают воспитание и развитие деонтологического начала, фундамирующего обусловленность всего комплекса действий командира понятиями должностования, наличием воли, ответственности, социальными и правовыми нормами. Каждый принцип воспи-

тания характера не только связан с узкоспециальными аспектами, но и призван формировать общечеловеческие качества, необходимые при любой форме управления личным составом, а также знания в области морали, нравственности и личной ответственности за принятые решения. Следовательно, весь комплекс проблем, лежащих в основе формирования личности командиров современной Российской армии, обладает культурной и общефилософской значимостью, опираться на которую необходимо в процессе трансформации взглядов на специфику подготовки профессиональных военных в современном российском обществе.

Список литературы

1. *Степин В.С.* Философская антропология и философия культуры / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: Акад. проект; Альма Матер, 2015. 542 с.
2. *Лопуха Т.Л.* Военская деятельность и проблема формирования смысла жизни у курсантов военных вузов // Гуманит. проблемы воен. дела. 2014. № 1(1). С. 88–92.
3. *Балабушевич В.Ю.* Ситуация выбора в профессиональной деятельности офицера (философский аспект) // Гуманит. проблемы воен. дела. 2014. № 1(1). С. 66–70.
4. *Петровский Д.А.* Военная школа в годы революции (1917–1924 гг.). М.: Высш. воен. ред. совет, 1924. 264 с.
5. *Huovinen P.* Hybrid Warfare – Just a Twist of Compound Warfare? Views on Warfare from the United States Armed Forces Perspective. Department of Military History, 2011. 55 p. URL: http://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/74215/E4081_HuovinenKPO_EUK63.pdf (дата обращения: 05.11.2024).
6. *McCuen J.J.* Hybrid Wars // Mil. Rev. 2008. March–April. P. 107–113.
7. *Glenn R.W.* Thoughts on “Hybrid” Conflict // Small Wars J. 2009. Vol. 2, № 1. URL: <https://smallwarsjournal.com/wp-content/uploads/2022/02/188-glenn.pdf> (дата обращения: 05.11.2024).
8. *Simons G.* Operational Implications and Effects of Informational and Political Dimensions of Western Hybrid Warfare // Bull. Mosc. State Reg. Univ. 2021. № 3. P. 106–116. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-3-1078>
9. *Sokolova A.A., Sokolova S.N.* The Age of Hybrid Wars and Neoterrorism in the Information Society // Bull. Polesky State Univ. Ser. Soc. Sci. Humanit. 2021. № 1. P. 26–33.
10. *Cherepanov A.* Hybrid Wars of Our Time // Sci. Alm. Black Sea Reg. Ctries. 2021. Vol. 27, № 3. P. 15–20.
11. *Яснерс К.* Смысл и назначение истории: пер. с нем. / вступ. ст. П.П. Гайденко. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
12. Мы и Они: конформизм и образ «другого»: сб. ст. на тему ксенофобии / отв. ред. Л.С. Васильев, ред.-сост. А.Л. Рябинин. М.: Ун-т, 2007. 223 с.
13. *Смыслов А.С.* Сто великих загадок Великой Отечественной войны. М.: Вече, 2024. 464 с.
14. *Кессиди Ф.Х.* Этические сочинения Аристотеля // *Аристотель.* Сочинения в четырех томах. Т. 4 / ред. А.И. Доватур, вступ. ст. Ф.Х. Кессиди / Акад. наук СССР, Ин-т философии. М.: Мысль, 1983. С. 9–37 (Филос. наследие; Т. 90).
15. *Аристотель.* Большая этика // *Аристотель.* Сочинения в четырех томах / Акад. наук СССР, Ин-т философии. Т. 4 / ред. А.И. Доватур, вступ. ст. Ф.Х. Кессиди. М.: Мысль, 1983. С. 295–375 (Филос. наследие; Т. 90).
16. *Лушиников А.М.* Армия, государство и общество: Система военного образования в социально-политической истории России (1701–1917). Ярославль: Яросл. гос. техн. ун-т, 1996. 151 с.
17. *Харламов В.И.* Офицерский корпус между двумя мировыми войнами // Пространство и Время. 2011. № 1. С. 68–78.
18. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э.М. Телятниковой. М.: АСТ, 2017. 736 с.

References

1. Stepin V.S. *Filosofskaya antropologiya i filosofiya kul'tury* [Philosophical Anthropology and the Philosophy of Culture]. Moscow, 2015. 542 p.
2. Lopukha T.L. Voinskaya deyatel'nost' i problema formirovaniya smysla zhizni u kursantov voennykh vuzov [Military Activity and the Problem of Finding the Meaning of Life by Cadets of Military Universities]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, 2014, no. 1, pp. 88–92.
3. Balabushevich V.Yu. Situatsiya vybora v professional'noy deyatel'nosti ofitsera (filosofskiy aspekt) [The Situation of Choice in the Professional Activity of an Officer (Philosophical Aspect)]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, 2014, no. 1, pp. 66–70.
4. Petrovskiy D.A. *Voennaya shkola v gody revolyutsii (1917–1924 gg.)* [Military School During the Revolution (1917–1924)]. Moscow, 1924. 264 p.
5. Huovinen P. *Hybrid Warfare – Just a Twist of Compound Warfare? Views on Warfare from the United States Armed Forces Perspective*. Department of Military History, 2011. 55 p. Available at: http://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/74215/E4081_HuovinenKPO_EUK63.pdf (accessed: 5 November 2024).
6. McCuen J.J. Hybrid Wars. *Mil. Rev.*, March–April 2008, pp. 107–113.
7. Glenn R.W. Thoughts on “Hybrid” Conflict. *Small Wars J.*, 2009, vol. 2, no. 1. Available at: <https://smallwarsjournal.com/wp-content/uploads/2022/02/188-glenn.pdf> (accessed: 5 November 2024).
8. Simons G. Operational Implications and Effects of Informational and Political Dimensions of Western Hybrid Warfare. *Bull. Mosc. State Reg. Univ.*, 2021, no. 3, pp. 106–116. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-3-1078>
9. Sokolova A.A., Sokolova S.N. The Age of Hybrid Wars and Neoterrorism in the Information Society. *Bull. Polessky State Univ. Ser. Soc. Sci. Humanit.*, 2021, no. 1, pp. 26–33.
10. Cherepanov A.Yu. Hybrid Wars of Our Time. *Sci. Alm. Black Sea Reg. Ctries*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 15–20.
11. Jaspers K. *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*. Zürich, 1949. 360 p. (Russ. ed.: Yaspers K. *Smysl i naznachenie istorii*. Moscow, 1991. 527 p.).
12. Vasil'ev L.S., Ryabinin A.L. (eds.). *My i Oni: konformizm i obraz “drugogo”* [Us vs Them: Conformism and the Image of the Other]. Moscow, 2007. 223 p.
13. Smyslov A.S. *Sto velikikh zagadok Velikoy Otechestvennoy voyny* [One Hundred Great Mysteries of the Great Patriotic War]. Moscow, 2024. 464 p.
14. Kessidi F.Kh. Eticheskie sochineniya Aristotelya [Aristotle's Works on Ethics]. Aristotle. *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in Four Volumes]. Moscow, 1983. Vol. 4, pp. 9–37.
15. Aristotle. Bol'shaya etika [Magna Moralia]. Aristotle. *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in Four Volumes]. Moscow, 1983. Vol. 4, pp. 295–375.
16. Lushnikov A.M. *Armiya, gosudarstvo i obshchestvo: Sistema voennogo obrazovaniya v sotsial'no-politicheskoy istorii Rossii (1701–1917)* [Army, State, and Society: The System of Military Education in the Socio-Political History of Russia (1701–1917)]. Yaroslavl, 1996. 151 p.
17. Kharlamov V.I. Ofitserkiy korpus mezhdum dvumya mirovymi voynami [Officer Corps Between Two World Wars]. *Prostranstvo i Vremya*, 2011, no. 1, pp. 68–78.
18. Fromm E. *Anatomie der menschlichen Destruktivität*. Stuttgart, 1974. 473 p. (Russ. ed.: Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti*. Moscow, 2017. 736 p.).

Информация об авторе

Н.С. Новиков – кандидат философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (адрес: 630114, г. Новосибирск, Ключ-Камышенское плато, д. 6/2).

Information about the author

Nikolay S. Novikov, Cand. Sci. (Philos.), Prof. at the Department of Humanities and Social Sciences, Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation (address: Klyuch-Kamyshenskoe plato 6/2, Novosibirsk, 630114, Russia).

Поступила в редакцию 16.09.2024

Одобрена после рецензирования 28.11.2024

Принята к публикации 29.11.2024

Submitted 16 September 2024

Approved after reviewing 28 November 2024

Accepted for publication 29 November 2024

Сацукевич А.И.

Абстракционизм и конечность: от феноменологии смерти к предельности искусства

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 1. С. 124–131.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 124–131.

Научная статья
УДК 141.319.8
DOI: 10.37482/2687-1505-V410

Абстракционизм и конечность: от феноменологии смерти к предельности искусства

Анна Игоревна Сацукевич

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
e-mail: AU10029@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0218-5902>

Аннотация. В статье отстаивается тезис, согласно которому общекультурный западный феномен смерти в философии – истории (Гегель, Маркс, Кожев), субъекта (Фуко), Бога (Ницше), субстанции (релятивизм, нигилизм), автора (Барт, Фуко), человеческого (Делез, Брайдотти, Ланд, Негарестани) – симметричен переходу от модуса феноменологического рассмотрения сознания к опыту абстрактного искусства, преодолевающего конечность. Абстракционизм выражает «художественную модель смерти», возможность истины конечности в эпоху «конца истории». Целью статьи является анализ абстракционизма как предела феноменологии сознания, где эстетические формы задают преодоление конечности человеческого существования. Конечность в абстракционистском творении перестает означать ограничение, открывая чистую возможность смерти. Предложенная концептуализация смерти через абстракционизм и феноменологию порождает парадоксальный зазор. С одной стороны, она сохраняет конечность «беспредметного» искусства, которое поддается феноменологическому рассмотрению, раскрывая эйдетический уровень произведения, с другой – прокладывает путь к трансгрессивной функции абстрактного искусства, демонстрируя конечность уже самой феноменологии, поскольку смерть не является феноменом. Тем самым воспроизводится модель «угасающей» жизни, или «вечной жизни» смерти и больших нарративов в доминионах культуры, – череда смертей в философии и искусстве воссоздается, так никогда и не заканчиваясь, что находит свое отражение в феноменологическом осмыслении. В то же время смерть субъекта, субстанции и конца истории уже произошла, что отображается в предельных выразительных формах, используемых абстракционизмом. Это говорит о «симметричности», или «коррелятивности», двух процессов – развития посткантiansкой философской мысли в рамках феноменологии и становления абстрактного искусства.

Ключевые слова: феноменология смерти, конечность, абстракционизм, современное искусство, эстетика

Для цитирования: Сацукевич, А. И. Абстракционизм и конечность: от феноменологии смерти к предельности искусства / А. И. Сацукевич // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 124–131. – DOI 10.37482/2687-1505-V410.

© Сацукевич А.И., 2025

Original article

Abstractionism and Finitude: From the Phenomenology of Death to the Ultimacy of Art

Anna I. Satsukevich

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,

e-mail: AU10029@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0218-5902>

Abstract. The article attempts to prove a thesis according to which the general cultural Western phenomenon of death in philosophy – that of history (Hegel, Marx, Kojève), subject (Foucault), God (Nietzsche), substance (relativism, nihilism), author (Barthes, Foucault) and human (Deleuze, Braidotti, Land, Negarestani) – is symmetrical to the transition from the mode of phenomenological consideration of consciousness to the experience of abstract art overcoming finitude. Abstractionism expresses the “artistic model of death”, the possibility of the truth of finitude in the era of the “end of history”. The purpose of this article is to analyse abstractionism as the limit of the phenomenology of consciousness, where aesthetic forms define the overcoming of the finitude of human existence. Finitude in abstractionist creation ceases to mean limitation, opening up a pure possibility of death. The proposed conceptualization of death through abstractionism and phenomenology reproduces a paradoxical gap. On the one hand, it preserves the finitude of “non-objective” art, which lends itself to phenomenological consideration by revealing the eidetic level of the work. On the other hand, it paves the way for the transgressive function of abstract art, demonstrating the finitude of phenomenology itself, since death is not a phenomenon. Thus, a model of “fading life”, or “eternal life” of death and large narratives in cultural dominions, is reproduced: a never-ending series of deaths in philosophy and art is recreated, which is reflected in phenomenological thought. At the same time, the death of the subject, substance and the end of history has already happened, which is manifested in the ultimate forms of expression used by abstractionism. This speaks of the “symmetry” or “correlativity” of two processes, namely, the development of post-Kantian philosophical thought within the framework of phenomenology and the development of abstract art.

Keywords: *phenomenology of death, finitude, abstract art, contemporary art, aesthetics*

For citation: Satsukevich A.I. Abstractionism and Finitude: From the Phenomenology of Death to the Ultimacy of Art. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 124–131. DOI: 10.37482/2687-1505-V410

Тема смерти восходит к истокам возникновения философии. Философия как искусство умирать [1] имплицитно содержит предел концептуализации. Как следствие, предел самой философии в качестве строгой науки, следующей «принципу всех принципов» [2], – смерть.

Несмотря на то, что в подлинном смысле она есть моя собственная [3], смерть никогда не предстает в качестве феномена – она никогда не дана в качестве *моей* смерти. Назовем эту проблему *трудной проблемой феноменологии*¹. Смерть классифицируется в модальности,

¹Следует упомянуть, что в качестве конкурирующих теорий могут выступать проекты, классифицирующие несуществующие и небытийствующие объекты, однако смерть не является ни объектом, ни событием, но принципиально – не-событием, если признавать ее ничтожащий онтологический статус.

необходимой и неизменной [4], однако не предстает в качестве феномена, в связи с чем в рамках феноменологии реализуются различные косвенные способы ее концептуализации. В фундаментальной онтологии М. Хайдеггера она предстает в качестве связующего экзистенциала (бытие-к-смерти), выступая антропологическим маркером стремления к подлинной жизни [5], что также уклоняется от данности *собственно* смерти. Невозможность разрешения проблемы исследования смерти в рамках феноменологии и соблюдения имманентистской программы находит свое выражение в поздней феноменологии Э. Гуссерля, получившей название монадологии, в рамках которой он постулирует неуничтожимость, или бессмертие, монады – ее затухание, или ее сон [6]. Однако подобное решение нельзя в строгом смысле назвать последовательно посткантiansким, поскольку оно предполагает выход не только за пределы *возможного* опыта, но и за пределы *реального* опыта.

Рабочее определение смерти требует не быть иммерсионным – это позволяет повторить дистанцию, на которой совершается вовлечение темы смерти в историю философии и ее неисчерпаемое возобновление. Тематика смерти лежит в основании гуссерлианского проекта феноменологии – в процедуре воздержания от суждения в реальности существования вещей за пределами наличной данности в опыте. Смерть в качестве «приостановки существования» вводится в феноменологию Гуссерля посредством заключения в скобки внешнего существования мира [2], или эпохи, посредством феноменологической редукции. Если «смерть как реальность человеческого существования» выражается как «смерть биологическая, смерть сознания и смерть социальная» [7], то, приостанавливая естественную установку, смертью человеческого существования в феноменологии следует назвать смерть естественного способа данности мирности мира: наличный опыт по-прежнему есть, однако изменяется точка отсчета; утрачивается то непосредственное отношение к миру, в ко-

тором человек пребывает в своей обыденной экзистенции в рамках естественной установки.

По замечанию А. Шюца, эпохе феноменологической установки предельно необъяснимо, если только не допустить, что существует множество регионов, или миров, пребывание в которых реализует собственное эпохе. В случае же естественной установки не подвергается сомнению существование внешнего мира, не испытывается экзистенциальная тревога, а фокус внимания фиксирован на реализации проекта, верховным миром которого выступает мир работы [8]. Продолжая линию концептуализации, релевантную для феноменологии, смерть реализуется двояким образом: 1) выполняет функцию определения региона, что обеспечивает его автономию и независимость; 2) является операцией, которая позволяет реализовывать трансгрессию, или выход за пределы наличного региона, или мира, в иной, в частности из мира естественной установки в мир феноменологический, или в мир грез [8, 9]. Однако подобная концептуализация смерти в рамках многомировой феноменологии А. Шюца ограничена, собственно, все еще присутствующим отсутствием: обладая памятью о том, что возможно изменение или возможен переход из одного региона в иной, смерть в феноменологии по-прежнему ускользает от предельной концептуализации. Смерть устремляется к своему пределу, по ту сторону сознания. К историческому мышлению.

Рекурсия танатоса: прогрессия смерти в философии. Предел философии есть завершение ее построения, но он есть не исторический ее предел, а логический, и находит свое выражение в метафизике Гегеля – любое отрицание спекулятивной системы инкорпорируется в нее [10]. Для абсолютного духа смерть не представляет угрозы – смертно лишь конечное существо. Материал конечного существа суть разрешенные противоречия, используемые для восхождения абсолютного духа к себе самому. Для философии наступает череда смертей, которым нет конца, но нет и завершения: конец истории (Гегель, Маркс, Кожев), смерть субъекта (Фуко), смерть Бога (Ницше), смерть

субстанции (релятивизм, нигилизм), смерть автора (Барт, Фуко), смерть человеческого (Делез, Брайдотти, Ланд, Негарестани) наследуют агональности греческого истока философии, переходя в агонию истории философии. Сама смерть и история, если следовать Б. Гройсу, находятся в особом рекурсивном отношении: «Дискурс о конце истории аннулирует исторически новое прежде всего своей собственной радикальной новизной. Кажется, что речь идет здесь о предельной, непреодолимой новизне – нет и не может быть ничего более нового, нежели новость о конце всего нового» [11, с. 148]. Череда подобных смертей объединена утратой фундаментального основания, в силу которого тот или иной нарратив выступает в качестве господствующего. Рефлексивная петля, замыкающая *нарратив* собственно на самом *нарративе*, не позволяет ей более разомкнуться, кроме как перейдя на новый круг, повторяя движение захвата на *еще одном* сюжете – такова логика негативности и самозамыкания абсолютного духа на себе самом².

Чем может быть объяснено пролонгированное преодоление [13] конца больших нарративов – «вечная жизнь» смерти? Тезис настоящей статьи заключается в том, что философия как строгая наука, следующая принципу всех принципов Гуссерля, не способна концептуализировать смерть, поскольку смерть не является феноменом – обратное бы означало смерть самой философии. Череда смертей в философии реализует производство нового. Рекурсивное обращение к предельным концептам философии позволяет реконцептуализировать [14], а также осуществлять реинжиниринг [15] понятий, несмотря на то, что подобное переизобретение совершает новое лишь во-вне философии – в иных доминио-

нах культуры [14]. Однако единство доминионов культуры находит свое выражение в симметричности изменений – череда смертей в философии симметрична концу искусства [16, 17], к которому относят абстрактное искусство.

На пути решения. Абстрактное искусство направлено не на мимесис в отношении реальности, не на ее копирование и подражание, как это происходит в искусстве классическом, но на производство ирреального, поскольку «в своем разрушении реальности искусство исходит из разрушения телесности мира, увеличивая свою абстрактность и уменьшая материальную объективацию, стараясь отказаться от наличного мира» [7, с. 16]. Абстрактное искусство, выходя за пределы мимесиса реальности, выражает то, что в искусстве подражательном существует в превращенных формах. Высвобождение формы посредством развенчания реальности в ирреальном характеризует абстракционизм как направление, которое ставит перед собой задачу эмансипации от конечных определений реальности; высвобождение ее абсолютного содержания – неумолимость разрушения, смерти и конечности, которые содержатся в искусстве как подражании. Логика подражания уже несет в себе увядание, поскольку копия несоизмеримо уступает оригиналу [18]. Разрыв, в частности, *отражен* в нигилистической традиции философии [19].

Ж. Бодрийяр в работе «Заговор искусства» подчеркивает, что в основании любой человеческой деятельности уже-всегда находится «ничто» совместно с миром, который отныне подвластен спекуляции: «...искусство (современное) еще могло бы относиться к проклятой доле, могло бы быть своего рода драматической альтернативой реальности, выражая собой вторжение ирреального в реальное.

²На это указывает и современный исследователь в области кибернетики Юк Хуэй, обращая внимание на то, что кибернетика, названная Хайдеггером победившей метафизикой, несет в себе опасность самозамыкания возможностей [12], вследствие чего техническая рекурсивность впредь может перестать впускать в себя новую возможность, или контингентность, и утратить связь с внешней реальностью – перестать адаптироваться к окружающей среде. Решением же выступает проработка вопроса о множественной космотехнике – умножении регионов, которые создают внутреннюю конкуренцию по взаимной адаптации, что может быть сопоставлено с общим принципом правил клеточного автомата.

Но что еще может означать искусство в мире уже гиперреальном, холодном [cool], транспарентном, коммерциализированном?» [20, с. 241]. Он пишет, что апроприация обыденности и банальности выстраивает современный идеологический дискурс системы ценностей – нигилистическое «заражение» западных ценностей в искусстве выхолощено коммерциализацией ее целей. Пустотность повторения произведений искусства сводится в пределе не к прибыли в капитале. Попытки преодоления не способны произвести окончательное завершение в силу присутствия смерти в качестве процесса разложения: «Тема опыта смерти, которую чаще всего стремятся изгнать из предмета искусства, – это фактически и тема “опыта витальности”, опыта актуализации собственно витальности как данности, а не размышлений о ней. Витальность проживается полноценно там, где есть осознание предстояния перед смертью. И само творчество, пока это творчество плодоносит, способно вытаскивать человека из бездны» [21, с. 312].

На место изображения смерти приходит смерть не только содержимого, но и самой формы любых феноменов, что является отличительной характеристикой абстракционизма. Абстракционизм есть предел феноменального. Натэлла Сперанская характеризует абстракционизм как то, что дает художнику «метод абстрактный, непрактичный, нерационалистичный» [22, с. 5], чтобы реализоваться в «*попытках выразить невыразимое, абстрактное искусство стремилось к тому, чтобы обнаружить “вещь в себе”, решительно отказавшись от создания копий*» [22, с. 7]. Иными словами, абстракционизм в качестве приема выражения является не-методом – он стремится к тому, чтобы *перестать* быть. В связи с этим абстракционизм выступает в качестве парадигмального варианта реализации смерти в искусстве, но никак не направлением некро-реализма [23], которое, напротив, является в большинстве своем неоклассическим направлением, поскольку тяготеет к миметическим формам выражения (достаточно привести в пример картины и фотографии Евгения Юфита

и Владимира Кустова). Абстракционизм, наоборот, уничтожает мимесис посредством растворения феноменальности, разрушая устойчивые очертания сформированных механизмов апперцепции, переводя их в пластичность и гибкость или, в противовес, очищая плавные очертания до предельной концентрации, выкалывающей и срезающей «грань игл».

Абстрактное искусство как инфра-феноменальное выражение смерти. В ходе жизнедеятельности человек приобретает привычки [24], которые оседают в нем в качестве трансценденталий, организующих и структурирующих его опыт. Они фиксируют его феноменальную данность, сковывают его, погружая в антропологический сон, в котором нет ничего, кроме «застывших образов» [25, с. 781]. Воображение как предельная человеческая способность [26, 27] ослабевает, и вслед за интерпретацией Хайдеггера «Критики чистого разума» Канта [28] мы можем сказать, что время как само-аффектация лишь приближает собственную смерть.

Телесность является наиболее релевантной [29] зоной соприкосновения феноменологии и искусства. Феноменология не способна концептуализировать смерть в качестве смерти, поскольку смерть не является феноменом – она есть неданность неданности. Однако абстрактное искусство (см., например, «Картину с тремя пятнами № 196» Кандинского), средствами выразительности которого являются трансгрессия форм, резкость очертаний или, напротив, мягкость и контрастность фигур, размывает устоявшийся, скованный трансцендентальный «аппарат». Доведение до пределов «очищает» эмпирическое созерцание и вовлечение в установки, описанных средствами феноменологии А. Шюца.

Предложенная концептуализация взаимоотношений конца искусства и смерти парадоксальным образом воспроизводит и раскрывает эйдетический уровень произведения искусства, неподвластный времени. Ставка на конечность, абсолютизацию конечности позволяет выполнить локальное высвобождение от времени, которым уничтожается все, что когда-либо возникает во времени [4]. Воз-

вращение конечности и смертности, в свою очередь, позволяет тематизировать конечность произведения искусства как необходимость его существования и, как следствие, неустранимость самой конечности. Конечность сопровождает каждый акт художественного творения, но реализуется в абстракционистском творении особым образом: она перестает мыслиться как ограниченность произведения искусства, как нехватка в субстанциональности, запечатленная в невозможности превзойти миметический первоисточник – художника, природу, вдохно-

венность и наваждение. Однако очищение абстракцией сущего открывает его чистую возможность, возможность быть иным или не быть вовсе, или контингентность [30] – вечную смерть жизни, которая возвращается лишь затем, чтобы утвердить собственную конечность, обращаясь в свою противоположность – в умерщвление смерти, которым абстракция раскрывает необходимость существования. Феноменология смерти находит свое симметричное выражение и полную реализацию в искусстве абстрактном – в искусстве, в котором смерть *уже* умерла.

Список литературы

1. Платон. Федр // Платон. Собр. соч.: в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева и др.; примеч. А.А. Тахо-Годи. Т. 2 / пер. с древнегр. С.А. Анангина и др. М.: Мысль, 1993. С. 135–191.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / пер. с нем. А.В. Михайлова, вступ. ст. В.А. Куренного. М.: Акад. Проект, 2009. 489 с.
3. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
4. Чанышев А. Трактат о небытии // Философия и о-во. 2005. № 1. С. 5–15.
5. Ростова Н. Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека: моногр. М.: Проспект, 2017. 432 с.
6. Husserl E. Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Dritter Teil: 1929–1935. Haag: Nijhoff, 1973. 741 S.
7. Ковалевский А.А. Трансформация смерти в искусстве // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. Гуманит. исслед. 2016. № 3(12). С. 15–18.
8. Шюц А. Избранное: Мир, священный смыслом / пер. с нем. и англ. В.Г. Николаева и др.; сост. Н.М. Смирнова; общ. и науч. ред., послесл. Н.М. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004. 1054 с.
9. Гиренок Ф. Море грез. URL: <https://fedor-girenok.ru/more-grez/> (дата обращения: 04.08.2024).
10. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 700 с.
11. Гройс Б.Е. Философ после конца истории // Ускользающий контекст. Русская философия в постсоветских условиях: материалы конф. М.: Ad Marginem, 2002. С. 147–160.
12. Юк Хуэй. Рекурсивность и контингентность / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: V-A-C Press, 2020. 398 с.
13. Ухин М. Сосуществование метафизик, или Реальное (не) в зоне доступа: способны ли мы отказаться от рефлексии? // Еще один. 2024. № 1(1). С. 231–266.
14. Кузнецов В. Постнеклассическое единство мира. М.: Рипол-Классик, 2023. 461 с.
15. Chalmers D.J. What Is Conceptual Engineering and What Should It Be? // Inquiry. 2020. Vol. 63. P. 1–18. <https://doi.org/10.1080/0020174X.2020.1817141>
16. Danto A.C. The End of Art: A Philosophical Defense // Hist. Theory. 1998. Vol. 37, № 4. P. 127–143. <https://doi.org/10.1111/0018-2656.721998072>
17. Danto A.C., Horowitz G., Huhn T. The Wake of Art: Criticism, Philosophy, and the Ends of Taste. London: Routledge, 2013. 240 p.
18. Делёз Ж. I. Платон и симулякр // Делёз Ж. Логика смысла: пер. с фр. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая кн., 1998. С. 329–346.
19. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык и др. М.: Культур. революция, 2005. 880 с.

20. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства / пер. с фр. А.В. Качалова. М.: Рипол-Классик / Панглос, 2019. 347 с. (Фигуры философии).

21. Кривицун О.А., Беспалов О.В., Проклов И.Н., Беликова М.А., Флорковская А.К., Лукина Г.У., Савенко С.И., Дуцев М.В., Сальникова Е.В., Ступин С.С., Карпов А.В., Мутья Н.Н. Витальность искусства: подходы к исследованию // Худож. культура. 2021. № 1. С. 304–353.

22. Сперанская Н. [Анти]духовность искусства. На подступах к новому методу // Эвола Ю. Абстрактное искусство / пер. с итал., фр. А.Г. Дугина, с фр. В.И. Карпец. М.: Евраз. движение, 2012. С. 5–16.

23. Мазин В. Нереальная реальность: (ф)акт репрезентации // Memento vivere, или Помни о смерти: сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: Academia, 2006. С. 196–208.

24. Блауберг И.И. Истоки бергсонизма. Философия Феликса Равессона / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 2014. 187 с.

25. Бергсон А. Непосредственные данные сознания // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память: пер. с фр. Минск: Харвест, 1999. С. 781. (Классич. филос. мысль).

26. Кант И. Соч.: в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1964. Т. 3. Критика чистого разума. 799 с.

27. Гиренок Ф.И. Кант, Хайдеггер и проблема метафизики // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Философия. 2013. № 2. С. 86–97.

28. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики / пер. с нем. и послесл. О.В. Никифорова. М.: Логос, 1997. 143 с.

29. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Ювента: Наука, 1999. 606 с.

30. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург: Кабинет. ученый, 2015. 195 с.

References

1. Plato. Fedr [Phaedrus]. Plato. *Sobranie Sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow, 1993, pp. 135–191.
2. Gusserl' E. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaya* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. Book One]. Moscow, 2009. 489 p.
3. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen, 1993 445 p. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Bytie i vremya*. Moscow, 1997. 451 p.).
4. Chanyshv A. Traktat o nebytii [A Treatise on Non-Being]. *Filosofiya i obshchestvo*, 2005, no. 1, pp. 5–15.
5. Rostova N. *Izgnanie Boga. Problema sakral'nogo v filosofii cheloveka* [The Expulsion of God. The Problem of the Sacred in Philosophical Anthropology]. Moscow, 2017. 432 p.
6. Husserl E. *Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Dritter Teil: 1929–1935*. The Hague, 1973. 741 p.
7. Kovalevskiy A.A. Transformatsiya smerti v iskusstve [Transformation of Death in Art]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, 2016, no. 3, pp. 15–18.
8. Schütz A. *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected Works: A World Radiating Meaning]. Moscow, 2004. 1054 p.
9. Girenok F. *More grez* [A Sea of Dreams]. Available at: <https://fedor-girenok.ru/more-grez/> (accessed: 4 August 2024).
10. Gadamer H.-G. *Wahrheit und Methode: Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik*. Tübingen, 1960. 486 p. (Russ. ed.: Gadamer Kh.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki*. Moscow, 1988. 700 p.).
11. Groys B.E. *Filosof posle kontsa istorii* [Philosopher After the End of History]. *Uskol'zayushchiy kontekst. Russkaya filosofiya v postsovetskikh usloviyakh* [The Elusive Context. Russian Philosophy in Post-Soviet Conditions]. Moscow, 2002, pp. 147–160.
12. Yuk Hui. *Recursivity and Contingency*. London, 2019. 337 p. (Russ. ed.: Yuk Khuey. *Rekursivnost' i kontingentnost'*. Moscow, 2020. 298 p.).
13. Ukhin M. *Sosushchestvovanie metafizik, ili Real'noe (ne) v zone dostupa: sposobny li my otkazat'sya ot refleksii?* [Coexistence of Metaphysical Systems: The (Not Quite) Reality in the Public Domain: Can We Win Through

Reflection?]. *Eshche odin*, 2024, no. 1, pp. 231–266.

14. Kuznetsov V. *Postneklassicheskoe edinstvo mira* [Post-Non-Classical Unity of the World]. Moscow, 2023. 461 p.

15. Chalmers D.J. What Is Conceptual Engineering and What Should It Be? *Inquiry*, 2020, vol. 63, pp. 1–18.

<https://doi.org/10.1080/0020174X.2020.1817141>

16. Danto A.C. The End of Art: A Philosophical Defense. *Hist. Theory*, 1998, vol. 37, no. 4, pp. 127–143.

<https://doi.org/10.1111/0018-2656.721998072>

17. Danto A.C., Horowitz G., Huhn T. *The Wake of Art: Criticism, Philosophy, and the Ends of Taste*. London, 2013. 240 p.

18. Deleuze G. I. Platon i simulyakr [I. Plato and the Simulacrum]. Deleuze G. *Logika smysla* [The Logic of Sense].

Moscow, 1998, pp. 329–346.

19. Nietzsche F. *Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vseh tsennostey* [The Will to Power. Revaluation of All Values].

Moscow, 2005. 880 p.

20. Baudrillard J. *Sovershennoe prestuplenie. Zagovor iskusstva* [The Perfect Crime. The Conspiracy of Art].

Moscow, 2019. 347 p.

21. Krivtsun O.A., Bepalov O.V., Proklov I.N., Belikova M.A., Florkovskaya A.K., Lukina G.U., Savenko S.I., Dutsev M.V., Sal'nikova E.V., Stupin S.S., Karpov A.V., Mut'ya N.N. Vital'nost' iskusstva: podkhody k issledovaniyu [Vitality of the Art: Approaches to Research]. *Khudozhestvennaya kul'tura*, 2021, no. 1, pp. 304–353.

22. Speranskaya N. [Anti]dukhovnost' iskusstva. Na podstupakh k novomu metodu [Anti]Spirituality of Art. Towards a New Method]. Evola J. *Abstraktnoe iskusstvo* [Abstract Art]. Moscow, 2012, pp. 5–16.

23. Mazin V. Nereal'naya real'nost': (f)akt reprezentatsii [The Unreal Reality: A F(Act) of Representation]. *Memento vivere, ili Pomni o smerti* [Memento vivere, or Remember That You Die]. Moscow, 2006, pp. 196–208.

24. Blauberger I.I. *Istoki bergsonizma. Filosofiya Feliksa Ravessona* [The Origins of Bergsonism. The Philosophy of Félix Ravaisson]. Moscow, 2014. 187 p.

25. Bergson A. Neposredstvennye dannye soznaniya [The Immediate Data of Consciousness]. Bergson A. *Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat'* [Creative Evolution. Matter and Memory]. Moscow, 1999. p. 781.

26. Kant I. *Sochineniya. T. 3. Kritika chistogo razuma* [Works. Vol. 3. The Critique of Pure Reason]. Moscow, 1964. 799 p.

27. Girenok F.I. Kant, Heidegger i problema metafiziki [Kant, Heidegger and the Problem of Metaphysics]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Filosofiya*, 2013, no. 2, pp. 86–97.

28. Heidegger M. *Kant i problema metafiziki* [Kant and the Problem of Metaphysics]. Moscow, 1997. 143 p.

29. Merleau-Ponty M. *Phénoménologie de la perception*. Paris, 1945. 531 p. (Russ. ed.: Merlo-Ponti M. *Fenomenologiya vospriyatiya*. St. Petersburg, 1999. 606 p.).

30. Meillassoux Q. *Après la finitude: Essai sur la nécessité de la contingence*. Paris, 2006. 189 p. (Russ. ed.: Meiyasu K. *Posle konechnosti: esse o neobkhodimosti kontingentnosti*. Yekaterinburg, 2015. 195 p.).

Information about the author

Информация об авторе

А.И. Сацкевич – аспирант кафедры философской антропологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4).

Anna I. Satsukevich, Postgraduate Student, Philosophical Anthropology Department, Lomonosov Moscow State University (address: Lomonosovskiy prosp. 27, korp. 4, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia).

Поступила в редакцию 05.08.2024

Одобрена после рецензирования 19.12.2024

Принята к публикации 25.12.2024

Submitted 5 August 2024

Approved after reviewing 19 December 2024

Accepted for publication 25 December 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 1. С. 132–139.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 132–139.

Original article
UDC 1(091)11
DOI: 10.37482/2687-1505-V411

Shestov and Hegel: The Experience of Truth

Elena N. Sobolnikova^{1,2}

Natalia V. Dorodneva³✉

¹Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, St. Petersburg, Russia,
e-mail: sobolnikova.elena@pharminnotech.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8129-1855>

²North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov, St. Petersburg, Russia

³Tyumen State Medical University, Tyumen, Russia,

e-mail: dorodnevav@tyumsmu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9756-6750>

Abstract. L. Shestov and G.W.F. Hegel were concerned with the problem of truth and knowledge. The genuine dialectical relationship between necessity and freedom, according to Hegel, is expressed in the return of the absolute to itself as a realized unity of itself and *its own other*. As a result, the hidden power of absolute truth erodes the limitations of particular definitions, forcing one to pass over into another and return to itself in a new, truer form. While Hegel thought of the history of philosophy as a series of necessary stages in the advancement of truth and knowledge, Shestov was sceptical of the claims about the necessity and possibility of absolute knowledge. The purpose of our research is to demonstrate the specific features of the philosophical interpretation of Hegel's ideas in the works of religious existentialist Shestov, as well as to generalize Shestov's understanding of the principles of correlating the categories of faith and reason when dealing with the problem of truth through the interpretation of Hegel's philosophy. This approach seems acceptable, since the two thinkers differ significantly in their understanding of the process of searching for truth, which found expression in their views on the very course of the historical-philosophical process. Shestov believed that a study of the history of philosophy allows us to grow and develop through a free and committed attitude towards truth and knowledge. For him, such a commitment is a criterion by which we can judge whether we have a genuine experience of knowing the truth. For Hegel, our experience in pursuing the truth is not a product of the history of philosophy, but a process underlying the history of philosophy. Therefore, the experience of truth, a self-reflection on the contradictions, is an experience of a continuous process of moving away from the familiar towards something new, where knowledge appears as an endless process of liberating thought from the burden of non-existence, a revival of the miracle of thinking as the creation of the impossible.

Keywords: *history of philosophy, Hegel, Shestov, epistemology, metaphysics, experience of truth*

For citation: Sobolnikova E.N., Dorodneva N.V. Shestov and Hegel: The Experience of Truth. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 132–139. DOI: 10.37482/2687-1505-V411

Научная статья

Шестов и Гегель: опыт познания истины

Елена Николаевна Собольникова^{1,2}

Наталья Витальевна Дороднева³✉

¹Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет,
Санкт-Петербург, Россия,

e-mail: sobolnikova.elena@pharminnotech.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8129-1855>

²Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова,
Санкт-Петербург, Россия

³Тюменский государственный медицинский университет, Тюмень, Россия,

e-mail: dorodnevanv@tyumsmu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9756-6750>

Аннотация. Л.И. Шестов и Г.В.Ф. Гегель стремились к исследованию проблемы познания истины. Подлинная диалектическая взаимосвязь необходимости и свободы, по мысли Гегеля, получает выражение в возвращении к себе абсолютного как осуществленного единства себя и своего другого, благодаря чему скрытая сила абсолютной истины расторгает ограниченность частных определений, заставляя переходить одно в другое и возвращаться к себе в новой, более истинной форме. Если Гегель считал историю философии единым процессом саморазвития абсолютной идеи, где различия представляют собой ступени познания истины, то Шестов скептически относился к утверждениям о необходимости и возможности абсолютного, истинного знания. Цель настоящего исследования – показать особенности философской интерпретации идей Г.В.Ф. Гегеля, реализованные в творчестве религиозного экзистенциалиста Л.И. Шестова, обобщить понимание Шестовым принципов соотношения категорий веры и разума в постижении проблемы истины через интерпретацию философии Гегеля. Данный подход кажется вполне приемлемым, поскольку у этих мыслителей крайне разное понимание процесса познания истины, что выразилось в их представлении самого хода историко-философского процесса. Шестов верил, что изучение истории философии дает возможность расти и развиваться благодаря свободному и преданному отношению к истине и знанию. Для него такая приверженность выступает критерием, по которому мы можем судить о том, что у нас есть подлинный опыт познания истины. Но для Гегеля то, что мы переживаем, когда постигаем истину, является не продуктом истории философии, а процессом, лежащим в основе истории философии. Следовательно, переживание истины, саморефлексия над противоречиями – это переживание непрерывного процесса отхода от привычного к осознанию чего-то нового, где знание предстает нескончаемым процессом освобождения мысли от бремени небытия, возрождением чуда мышления как творчества невозможного.

Ключевые слова: история философии, Г.В.Ф. Гегель, Л. Шестов, эпистемология, метафизика, познание истины

Для цитирования: Собольникова, Е. Н. Шестов и Гегель: опыт познания истины / Е. Н. Собольникова, Н. В. Дороднева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 132-139. – DOI 10.37482/2687-1505-V411.

Introduction: Truth as Experience Through the History of Philosophy

Lev Shestov (1866–1938) and Georg Wilhelm Friedrich Hegel (1770–1831) are two philosophers to have engaged with the problem of knowledge. Shestov in his *Theory of Knowledge* considers the history of philosophy to be a discipline in its own right, noting Kant's tendency to view it primarily as a series of false starts. Whereas for Hegel, progress is made in the history of philosophy; philosophers, rather than leading us towards dead ends, make advancements in the problems they are dealing with, if only in small steps, providing at least temporary solutions that can then give rise to more adequate ones. Thus, the inquiry moves forward schematically, in a continuous dialectic of thesis, antithesis and synthesis. S. Gutova emphasizes, "Hegel makes no secret of an obvious borrowing from Plotinus and even admires his significant contribution to the development of philosophy. The German thinker sees Neoplatonism as one of the key stages in the formation of the Absolute Idea, since it is in this ancient school that the 'rational concept' acquires its fundamentally new qualitative expression"¹ [1, p. 120]. As a deeply religious thinker, a "knight of faith", Shestov recognizes in Hegel's objective idealism an important reading of Christianity, which is based on the consistent development of ancient thought. However, the claim of philosophical reason to create a logical system describing the formation of the world as a self-development of the Absolute (the One) and as a unity of historical process in Hegel's philosophy is not acceptable for Shestov's philosophy [2, pp. 165–166].

Shestov discards this understanding of the history of philosophy and this way of comprehending the truth. He suggests being open in the process of searching for the truth, especially in rethinking the history of philosophy, since it is in this process that truth can be lived and experienced by us; this furnishes us with an opportunity to grow and develop in our relation to the truth through both our freedom and our commitment towards it. In one of his most important books, *Athens and Jerusalem*,

Shestov provides a kind of a classification of his philosophy. He begins with a critique of philosophical rational and scientific thought: "In pursuing knowledge, the great philosophers lost the most precious of the Creator's gifts – freedom; Parmenides was not a free man but one enchained" [3, pp. 16–17].

The loss of the ability to think freely leads to the realization that knowledge-oriented philosophy inevitably generates the horror of being: "Metaphysics, he remarked in 'The Theory of Knowledge' (1916), 'was not only unable to find a form of expression for her truths which would free her from the obligation of proof; she did not even want to'. Shestov condemned metaphysics, which he considered merely the obverse of positivistic thought, for its scientific pretensions and its refusal to confront the horror of being" [4, p. 31]. Therefore, in knowledge we have that freedom where the truth evinces itself in the very nature of philosophy that cannot be imposed upon us.

Shestovian Experience of Truth

For Shestov, truth is so much more than a property of propositions, nor is it merely a matter of what is real or unreal, nor is it something confined to a reasoning mind. According to him, philosophical thinking "is a painful questioning on the border of being about the ontological foundations 'before' and 'beyond' knowledge and objectification... Philosophy is a metaphysics that opposes the rational mode of thinking. It does not seek to explain the world, but 'looks back' at it, legitimizes it as free and accessible only to the unique human personality" [5, p. 28]. Shestov opposes his theory of knowledge to the rationalist conceptions of truth, thereby initiating an epistemological shift away from the focus of modern philosophy on the question of what constitutes knowledge, that is to say, away from the modern endeavour to place philosophy upon a solid footing and to explain how it can resemble a science and yet not be a science. It is no coincidence that most researchers define Shestov's philosophy as a "metaphysics of groundlessness", an intense search for the "hidden", "unmanifested", "potential": "Chivalrous (in the spirit of Nietzsche) or insightfully sacred (in the spirit of Shakespeare and

¹Hereinafter, the citations from Russian sources were translated by the authors of this article.

Kierkegaard) overcoming of a philosophical ailment is associated with sincere and audacious doubt. And it is possible to achieve productive doubt of true thought by giving up the ground” [6, p. 88].

Shestov believes that human existence has never been based on the principles of reason. Reason is hostile to life; humans are irrational beings by their very nature, since human nature is contradictory and antonymic *a priori*. Moreover, the entire human culture and history is mystical. In this regard, the problem of truth in Shestov’s philosophy can be considered in the context of mind and reason. The mind strives for a utilitarian attitude towards truth and its use, while reason “participates” in truth as truly existing [7, p. 110].

Shestov writes about the truth taken in an existential context. He presents us with a criterion by which we can determine for our own selves the value of truth, what truth is, and what the experience of truth is like: “And yet one desires to know whether he does indeed possess the truth or whether he has only a universal error in his hands. What is to be done? I think there is a way. He should think to himself that it is absolutely impossible for his truth to be binding upon anybody. If in spite of this he still refuses to renounce her, if the truth can suffer such an ordeal and yet remain the same to him as she was before, then it may be supposed that she is worth something” [8, p. 156]. Thus, Shestov firmly rejects the important attributes of truth: universality and necessity. In Shestov’s philosophical search for truth, “everything is equally possible and impossible” [9, p. 38].

However, although the experience of truth is personal, it does not follow that truth itself is subjective and relative, or that anything goes. “Philosophy focuses on the unrepeatable, the amazing, the accidental and the singular. Philosophy asks about the ultimate and the groundless, it has no judge and no legislator, it is itself the legislator of all other forms of culture and self-awareness” [5, p. 34]. Relativism towards truth is a mere ploy for masking the insecurity that underlies the ability to accuse one another of lying. “Shestov considers this mistake as a series of unsuccessful attempts to reconcile

the revealed truth of the Bible with the Hellenistic truth. And all this leads to a great uprising in philosophy against reason and knowledge: ‘Philosophy is not a curious looking around, not *Besinnung*, but a great struggle’, whose task is ‘to throw off the power of the soulless and entirely indifferent truths into which the fruits of the tree of knowledge have been transformed’” [6, p. 86].

Shestov is looking for ways to the truth through connection with the absolute, in a feat of faith. He believes some extra exertion is required in order to avoid the temptation of treating knowledge as a fixed and passive object: “Conceptual thinking dries up the world, makes it ‘convenient’, ‘practical’, ultimately making the person himself a means, depriving him of agency” [5, pp. 33–34]. According to Shestov, philosophy is “sceptical and unsystematic and thus resonates strongly with people” [5, p. 34].

Having taken possession of knowledge, we must then be able to distinguish the experience of truth from the experience of a facsimile of truth, that which condenses intricate notions. This points to the overcoming of Hegelian rationalism in Shestov’s philosophy through the interpretation of Hegel’s early works in an irrational way: “Shestov makes his criticism of Hegel according to the traditional principle: in the German philosopher he sees the completion of the destructive new European rationalism, the final victory of ‘philosophy’ over faith” [5, p. 36]. It was this initial recognition of the irrationality of human existence itself that made Shestov reconsider his attitude towards the past philosophical heritage. He emphasizes in his works that, being scientific, traditional European thought, from Socrates to Hegel, ignored man. Philosophers developed values unrelated to the actual life of people. According to Shestov, human life is a colossal tragedy: “the tragedy of old Lear, deceived by his daughters, the tragedy of Hamlet, Anna Karenina, Tolstoy’s Ivan Ilyich and Dostoyevsky’s the Underground Man, the tragedy of human loneliness” [10, p. 20]. By what means can the unfamiliar develop out of the familiar, and how can we recognize, or experience, truth that is authentically new and not merely old truth re-modelled?

Hegelian Experience of Truth

Whether we experience a mere facsimile of truth or truth itself, the issue arises as to whether it is a product that is experienced or a process; that is to say, the experience of true philosophical revelations or the experience of philosophizing in a truthful manner, so to speak: “Science sets forth this formative process in all its detail and necessity, exposing the mature configuration of everything which has already been reduced to a moment and property of Spirit. The goal is Spirit’s insight into what knowing is” [11, p. 17]. It is important to remember that what Hegel terms Spirit, the mature configuration of which is to be laid bare, is Mind; not merely my mind or your mind, but the Mind of humanity. The Mind of God, which we will discover at the end of the process, once everything has worked itself out and Spirit comes to know itself through human history. An experience of truth and knowledge requires that a person, unhurriedly and without distractions, goes through a particular stage of acquiring truth and knowledge, wherein this experience has its own particular shape and structure that are incomplete and yet fully realized for that stage.

The history of philosophy does not merely bestow upon us products to be appropriated or processes to be instituted and through which we may arrive at our present condition with regard to truth and knowledge. This is a path that has to be endured, the length of which is the entire development throughout history of the stages of consciousness; and it is the individual who wants to experience truth and knowledge that has to endure this path. Truth and knowledge are then not so much products as a process which can be accessed through its products and which we are active participants in, both mentally and spiritually. Thus, the experience of truth and knowledge for Hegel, and for Shestov as well, requires commitment: “Since the Substance of the individual, the World-Spirit itself, has had the patience to pass through these shapes over the long passage of time, and to take upon itself the enormous labour of world-history, in which it embodied in each shape as much of its entire content as that shape was capable of holding, and

since it could not have attained consciousness of itself by any lesser effort, the individual certainly cannot by the nature of the case comprehend his own substance more easily” [11, p. 17].

The World-Spirit, or Mind, thus works itself out through the oppositions of its moments in history, endeavouring to arrive at a more complete understanding of what it is, which is to say, what it is to be fully human. And there is progress, for each new moment of the World-Spirit is more complex and developed than the one that preceded it, more and more does the World-Spirit become manifest in relation to its past. And at a number of different moments along the path, humanity becomes conscious of itself as involved in this process, if only in the form of a tragic awareness of its condition, which has much of the appearance of necessity and yet is open to many and diverse possibilities. Hegel provides the essential components on how each stage leads to the next, but the richness of the experience of truth and knowledge rests, to a large extent, on the individual’s own development of his or her historical and cultural literacy.

The Experience of Truth and the Dismantling of the Familiar

Verification in philosophy plays itself out in an attempt to avoid contradictions, but if Schopenhauer, or Hegel, are able to formulate a big idea that is appropriate for their time and that the people of the age can identify with, their contradictions can be overlooked: “...strictly speaking, we must confess that we have no real objective method of verifying a philosophical truth, and when we criticize other people’s systems, we judge arbitrarily after all” [8, p. 156]. Shestov recommends his test or criterion of truth whereby we imagine that the truth that we have is not binding upon anybody else; if we then do not wish to keep it, we should reconsider it. With Hegel we have his system laid out in the *Phenomenology of Spirit* and the two *Logics*.

Hegel ontologizes logic, emphasizing that “this kingdom is the truth without veils, as it is in itself and for itself. Therefore, one can say that its content is the image of G-d, such as it is in its eternal essence before the creation of the world and of a finite spirit” [3, p. 56]. Hegel’s God is the essence of the idea, the absolute, the essence

achieved in thought and concept. It is in this understanding of the Hegelian God that Shestov sees the convergence of religion and philosophy, for both the object of religion and the object of philosophy is the eternal truth in objectivity, God and knowledge of God: "Thus religion and philosophy come to be one... It is in the peculiar way in which they both occupy themselves with God that the distinction comes out" [11, p. 20].

Shestov remains irreconcilable: "If you want to ruin a new idea – try to give it the widest possible publicity... The majority of philosophic systems are chaotically and obscurely expounded, so that not every educated person can understand them. It is a pity to kill one's own child, and every one does his best to save it from premature death" [8, p. 158]. For Hegel, despite the undoubted truth of its content, Christianity, by virtue of the general form of religious representation, was not an adequate expression of absolute truth, such an expression it finds only in philosophy. Hegel writes, "Thus the expression 'faith' is principally used to express the certainty that a God exists..." [12, p. 118]. Since God is self-knowledge, "...faith must be defined as the witness of the spirit to absolute Spirit, or as a certainty of the truth..." [12, p. 212]. Hegel seeks to give faith a form of mediation: "It itself is already this form implicitly, for it is knowledge of God and of His character, and this knowledge is in itself a process, a movement – is life, mediation" [12, p. 218]. In this sense, faith is knowledge: "We have knowledge of God, and, in fact, immediate knowledge" [12, p. 119]. Therefore, Hegel equates faith with knowledge, but separates the former from the process of cognition.

Yet, there is a problem here, of which, perhaps, Hegel may assist in the resolution. We can deceive ourselves, we can make an involuntary error, we can mistake a chimera for reality. Shestov believes it to be within our capacity to eliminate the possibility of genuine error and relate to the truth without arguments or judgements. Indeed, there are realms of discourse where it is taken for granted that proofs are impossible: "What we cannot speak about we must pass over in silence" [13, p. 151]. The experience of truth is in effect an experience of truths, ultimate truths; that is to say, pluralism replaces foundations and proofs. However, "the

fundamental difference is that the ultimate truths are absolutely unintelligible. Unintelligible, I repeat, but not inaccessible. It is true that middle truths also are, strictly speaking, unintelligible. Who will assert that he understands light, heat, pain, pride, joy, degradation?" [8, pp. 162–163].

Revelations of ultimate truths are more likely to be experienced by an understanding that is adequate to the reception of such truths, to the knowledge they disclose; understanding the truth does not merely inform the mind, it liberates it, making it responsive to new experiences. The experience of truth and knowledge, Hegel argues, is not a matter of owning the truth by making it familiar and then asserting its ideal representation, the kind of idealism Shestov referred to; it is quite the opposite, a continuous interplay between the understanding and the unfamiliar: "...existence has thus merely passed over into *figurative representation*. At the same time, it is thus something *familiar*, something which the existent Spirit is finished and done with, so that it is no longer active or really interested in it. Although the activity that has finished with existence is itself only the movement of the particular Spirit, the Spirit that does not comprehend itself, [genuine] knowing, on the other hand, is directed against the representation thus formed, against this [mere] familiarity; knowing is the activity of the *universal self*, the concern of *thinking*" [11, p. 18]. Thus, there are two ways of knowing: what we have learned through reason and what we have understood through faith, which means a deeper and more scrupulous way of understanding something, rather than a superficial acquaintance.

Shestov contrasts salvation with Hegel's "optimistic rationalism" and his conviction about the omnipotence of man as an opportunity to, "through unity with God", become oneself and find one's true self. Unlike Hegel, salvation for Shestov is an object of true faith, not a rational construction, not an intelligible project. According to Shestov, the phenomenon of faith directs man into a world where there is neither law nor reason, but only the riddle of faith, which proclaims that he will be saved beyond and outside of law, in Christ.

Conclusion: The Experience of Truth as True Understanding

Shestov's commitment to the truth tempered with Hegel's self-reflectivity, without which truth will not be a genuine experience, allows Shestov to distinguish a genuine experience of truth from a mere facsimile, that is, to overcome the dependency on established opinions. It is no coincidence that some researchers called Shestov's thought "Ahasveric" [14, p. 522], and the thinker himself, a "wanderer" [15, p. 15]. Shestov emphasized that true universality can only be born out of homelessness. Thus, Shestov's thought was based on the life of an exile, a fugitive, in contrast to the established, logically structured metaphysics: in Nietzschean terms, the life of a wanderer. Shestov's philosophy is uncompromising in its assertion of homelessness, anxiety and even fear. Dangerous experiences are for Shestov the very precondition of authentic thought, since "a thinking man is one who has lost his balance, in the vulgar, not in the tragic sense" [9, p. 139].

To summarize, the philosophical experience of truth can overcome serious logical or empirical challenges; it can survive due to, and is indeed strengthened by, evidence that otherwise, from a logical point of view, would anticipate a weakening of beliefs. This survival, in the face of the destruction of the original evidence bases, can be explained by the make-up of the philosopher's knowing mind, the instrument of his or her understanding, that which enables him or her to cognize anything at all. By cultivating understanding, we render it adequate to the things to be known; knowing such things becomes possible. Thus, the experience of truth is a victory; understanding attains its genuine experience through a dismantling of the familiar and achieves victory by reflecting upon its own activity and contradictions. Indeed, the life of the mind is nourished by a continuous dismantling of the familiar to the extent that death itself, this ultimate dismantling, leaves understanding untouched, while enriching its experience of truth.

References

1. Gutova S.G. Posledniy neoplatonik: mezhdru mistikoy i ratsio (sinkretizm v filosofii Georga Vil'gel'ma Fridrikha Gegelya) [The Last Neoplatonist: Between Mysticism and Ratio (Syncretism in the Philosophy of Georg Wilhelm Friedrich Hegel)]. *Nemetskaya filosofiya vtoroy poloviny XVIII – kontsa XIX veka* [German Philosophy of the Second Half of the 18th – Late 19th Centuries]. Nizhnevartovsk, 1999, pp. 116–144.
2. Leusiere V.A. The Concept of Optimistic Rationalism of G.W.F. Hegel in Existential Philosophy of L.I. Shestov. *Bull. Chelyabinsk State Univ.*, 2015, no. 9, pp. 164–170 (in Russ.).
3. Shestov L. *Athens and Jerusalem*. Athens, 1966. 447 p.
4. Beaumont M. *Lev Shestov: Philosopher of the Sleepless Night*. London, 2021. 216 p. <https://doi.org/10.5040/9781350151185>
5. Girinsky A.A. Critique of Hegelian Philosophy in the Works of Søren Kierkegaard and Lev Shestov. *Hist. Philos.*, 2020, vol. 25, no. 1, pp. 27–38 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/2074-5869-2020-25-1-27-38>
6. Minakov M.A. Return to the Most Important: Philosophical Revolt of Leo Shestov. *Hist. Philos.*, 2018, vol. 23, no. 1, pp. 82–95 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/2074-5869-2018-23-1-82-95>
7. Voznyak V.S., Zayats T.M. Problema istiny v kontekste razlicheniya rassudka i razuma [The Problem of Truth in the Context of Distinguishing Between Intellect and Reason]. Masloboeva O.D. (ed.). *Poisk istiny i pravda zhizni v prostranstve sovremennoy kul'tury* [The Search for Truth and the Truth of Life in the Space of Modern Culture]. St. Petersburg, 2018. Iss. 4, pp. 107–116.
8. Shestov L. *Penultimate Words and Other Essays*. Boston, 1916. 205 p.
9. Shestov L. *All Things Are Possible*. London, 1920. 244 p.
10. Zhukova O.I., Zhukov V.D. Russkaya filosofskaya irratsionalisticheskaya kul'tura na rubezhe XIX–XX vekov (na materiale tvorchestva L. Shestova) [Russian Philosophical Irrationalist Culture at the Turn of the 19th – 20th Centuries (Based on the Works of L. Shestov)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2021, no. 55, pp. 14–21. <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2021-55-14-22>
11. Hegel G.W.F. *Phenomenology of Spirit*. Oxford, 1977. 595 p.
12. Hegel G.W.F. *Lectures on the Philosophy of Religion: Together with a Work on the Proofs of the Existence of God*. London, 1895. Vol. 1. 349 p.
13. Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus*. London, 1961. 166 p.

14. Bulgakov S.N. Nekotorye cherty religioznogo mirovozzreniya L. Shestova [Some Aspects of Lev Shestov's Religious Worldview]. Bulgakov S.N. *Sochineniya. T. 1. Filosofiya khozyaystva. Tragediya filosofii* [Works. Vol. 1. Philosophy of Economy. The Tragedy of Philosophy]. Moscow, 1993, pp. 519–537.
15. Bonetskaya N.C. The Wonderer and His Aim (the L. Shestov's Hermeneutics). *Voprosy filosofii*, 2015, no. 7, pp. 95–110 (in Russ.).

Список литературы

1. Гутова С.Г. Последний неоплатоник: между мистикой и рацио (синкретизм в философии Георга Вильгельма Фридриха Гегеля) // *Немецкая философия второй половины XVIII – конца XIX века: коллектив. моногр.* Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1999. С. 116–144.
2. Лезьер В.А. Концепция оптимистического рационализма Г.В.Ф. Гегеля в экзистенциальной философии Л.И. Шестова // *Вестн. Челяб. гос. ун-та.* 2015. № 9(364). С. 164–170.
3. Shestov L. *Athens and Jerusalem.* Athens: Ohio Univ. Press, 1966. 447 p.
4. Beaumont M. *Lev Shestov: Philosopher of the Sleepless Night.* Bloomsbury: Bloomsbury Academic, 2021. 216 p. <https://doi.org/10.5040/9781350151185>
5. Гиринский А.А. Критика гегелевской философии в творчестве Серена Кьеркегора и Льва Шестова // *История философии.* 2020. № 25(1). С. 27–38. <https://doi.org/10.21146/2074-5869-2020-25-1-27-38>
6. Минаков М.А. Возвращение к Самому Важному: философское восстание Льва Шестова // *История философии.* 2018. Т. 23, № 1. С. 82–95. <https://doi.org/10.21146/2074-5869-2018-23-1-82-95>
7. Возняк В.С., Заяц Т.М. Проблема истины в контексте различения рассудка и разума // *Поиск истины и правда жизни в пространстве современной культуры: сб. науч. ст. / под ред. О.Д. Маслобоевой.* СПб.: С.-Петербург. гос. экон. ун-т. 2018. Вып. 4. С. 107–116.
8. Shestov L. *Penultimate Words and Other Essays.* Boston: John W. Luce & Co, 1916. 205 p.
9. Shestov L. *All Things Are Possible.* London: Martin Secker, 1920. 244 p.
10. Жукова О.И., Жуков В.Д. Русская философская иррационалистическая культура на рубеже XIX–XX веков (на материале творчества Л. Шестова) // *Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств.* 2021. № 55. С. 14–21. <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2021-55-14-22>
11. Hegel G.W.F. *Phenomenology of Spirit* / trans. A.V. Miller. Oxford: Oxford Univ. Press, 1987. 595 p.
12. Hegel G.W.F. *Lectures on the Philosophy of Religion: Together with a Work on the Proofs of the Existence of God* / trans. E.B. Spiers, J. Burdon-Sanderson. London: K. Paul, Trench, Trübner, & Co., 1895. Vol. 1. 349 p.
13. Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus.* London: Routledge & Kegan Paul, 1961. 166 p.
14. Булгаков С.Н. Некоторые черты религиозного мировоззрения Л. Шестова // *Булгаков С.Н. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С.С. Хоружего.* М.: Наука, 1993. С. 519–537.
15. Бонецкая Н.К. Странник и его цель (герменевтика Л. Шестова) // *Вопр. философии.* 2015. № 7. С. 95–110.

Information about the authors

Elena N. Sobolnikova, *Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Social Sciences, Humanities, Economics and Law, North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov, Assoc. Prof. at the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University (address: ul. Professora Popova 14, lit. A, St. Petersburg, 197022, Russia).*

Natalia V. Dorodneva, *Cand. Sci. (Pedagog.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Philological Disciplines, Tyumen State Medical University (address: ul. Odesskaya 54, Tyumen, 625023, Russia).*

Информация об авторах

Е.Н. Соболяникова – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, экономики и права Северо-Западного государственного медицинского университета им. И.И. Мечникова, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета (адрес: 197022, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 14, лит. А).

Н.В. Дороднева – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры филологических дисциплин Тюменского государственного медицинского университета (адрес: 625023, г. Тюмень, ул. Одесская, д. 54).

Submitted 25 March 2024

Approved after reviewing 20 November 2024

Accepted for publication 29 November 2024

Поступила в редакцию 25.03.2024

Одобрена после рецензирования 20.11.2024

Принята к публикации 29.11.2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 1. С. 140–143.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 140–143.

Рецензия на книгу
УДК 81'373.46
DOI: 10.37482/2687-1505-V413

Мотивационно-ориентирующая доминанта как специфическая черта терминообразования

Рецензия на книгу: *Куликова И.С., Салмина Д.В. Лингвистическая терминология в профессиональном аспекте: учеб. пособие для вузов. СПб.: Лань, 2020. 380 с.*

Татьяна Николаевна Федуленкова

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия,
e-mail: fedulenkova@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>

Аннотация. Терминообразование в данной книге рассматривается прежде всего на лингвистическом материале в двух аспектах: с точки зрения связи терминологической номинации и ориентирующего потенциала термина и с точки зрения системообразующих возможностей разных способов терминообразования. Отмечая высокую когнитивную и коммуникативно-прагматическую ценность мотивированности термина в языке для специальных целей, авторы доказывают, что с разной мерой ориентированности термина пересекаются три вида мотивированности. Инновационность рецензируемой книги состоит в том, что авторы, внося свои коррективы в терминологическую номинацию, расставляют релевантные акценты на рассматриваемых понятиях.

Ключевые слова: терминологическая номинация, мотивационно-ориентирующая доминанта, ориентирующий потенциал термина, виды мотивированности термина

Для цитирования: Федуленкова, Т. Н. Мотивационно-ориентирующая доминанта как специфическая черта терминообразования / Т. Н. Федуленкова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 140-143. – DOI 10.37482/2687-1505-V413.

Book review

Motivational-Orienting Dominant as a Specific Feature of Term Formation

Review of the book: *Kulikova I.S., Salmina D.V. Linguistic Terminology in the Professional Aspect. St. Petersburg, 2020. 380 p. (in Russ.)*

Tatiana N. Fedulenkova

Vladimir State University, Vladimir, Russia,
e-mail: fedulenkova@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>

© Федуленкова Т.Н., 2025

Abstract. In this book, term formation is considered primarily using linguistic material in two aspects: the link between naming and the orienting potential of terms, and the system-forming potential of different methods of term formation. Noting the high cognitive and communicative-pragmatic value of the motivation of terms in the language for specific purposes, the authors argue that three types of motivation intersect with different degrees of term orientation. The novelty of the reviewed book lies in the fact that the authors, making their own adjustments to naming in terminology, put relevant accents on the concepts under consideration.

Keywords: *naming in terminology, motivational-orienting dominant, orienting potential of terms, types of term motivation*

For citation: Fedulenkova T.N. Motivational-Orienting Dominant as a Specific Feature of Term Formation. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 140–143. DOI: 10.37482/2687-1505-V413

Видное место в своей книге И.С. Куликова и Д.В. Салмина отводят рассмотрению такого понятия, как мотивационно-ориентирующая доминанта терминообразования. Еще полвека назад отмечалось, что термины, в отличие от спонтанного процесса словообразования в общем языке, не образуются, а создаются [1, с. 55]. Указывая на интеграцию, дифференциацию, унификацию как специфические тенденции терминологической динамики, обусловленные именно целенаправленностью их создания, авторы утверждают, что в конечном счете эти тенденции направлены на совершенствование терминосистем и их коммуникативно-когнитивного потенциала.

Авторы обращаются к тезису К.Я. Авербуха, подчеркивающего автономность процесса называния словом и обязательность учета системной принадлежности при номинировании термином, неременность осознания места, которое занимает термилируемое понятие в описываемой предметной области.

И.С. Куликова и Д.В. Салмина рецензируемой книги рассматривают терминообразование прежде всего на лингвистическом материале – в двух аспектах:

- а) с точки зрения связи терминологической номинации и ориентирующего потенциала термина;
- б) с точки зрения системообразующих возможностей разных способов терминообразования.

По словам авторов, термин, как и любое слово, в момент своего появления всегда мотивирован – словообразовательно или семан-

тически. Мотивировка обычного слова, даже производного, со временем может утрачиваться, стираться, никак не мешая при этом его использованию (*радуга, переулоч, наука, промышленность*). Многие интернациональные термины (*флексия, морфема, метафора* и т. п.) и однословные термины, имеющие давнюю традицию и возникающие часто в результате терминологизации обычного слова (*речь, глагол, надеж, спряжение*), тоже могут утратить мотивировку. Но что касается производных однословных и тем более составных терминов, они «крепко держатся» за свою мотивировку.

Называя причины этого явления, И.С. Куликова и Д.В. Салмина подчеркивают следующие его характеристики.

Во-первых, «терминотворец» сознательно исходит из требования точности термина, что подразумевает такое сочетание терминологических элементов в производном однословном термине или компонентов в составном термине, чтобы с его помощью были переданы смысл понятия или характерные для него признаки. Естественно, гармония формы и содержания хорошо продуманного и удачно построенного термина делает его мотивированность устойчивой. Но в процессе научного познания объекта, подчеркивают авторы, мотивировка (внутренняя форма) термина может иногда войти в противоречие с обновленным содержанием понятия: в этом случае происходит замена термина (например, термин *аморфные* (= *бесформенные*) применительно к языкам типа китайского был

вытеснен термином *корневые*, а затем и наиболее точным – *изолирующие*).

Во-вторых (и вследствие первой причины!), в языке для специальных целей мотивированность термина обладает высокой когнитивной и коммуникативно-прагматической ценностью.

Известно, что на явление мотивированности впервые обратил внимание Д.С. Лотте, который, введя понятие «ориентирующая способность термина», выделил три вида терминов: а) правильно ориентирующие; б) нейтральные; в) неправильно, или ложно ориентирующие [2, с. 314].

Опираясь на находки Д.С. Лотте, И.С. Куликова и Д.В. Салмина доказывают очевидность того, что с разной мерой ориентированности термина пересекаются три вида мотивированности внутренней формы: 1) полная (форма выражает признак, целиком входящий в значение); 2) частичная (существует общая для внутренней формы и лексического значения часть языкового содержания единицы); 3) отсутствие мотивированности (ни одна морфема, входящая в состав внутренней формы, не находит соответствия в значении).

Отметим, что в современном терминоведении с его когнитивными и коммуникативно-прагматическими установками проблема ориентирующей способности термина в соотношении с проблемой мотивированности подробно разрабатывается О.Л. Арискиной и И.А. Рёбрушкиной [3, 4], которые отрицают возможность рассмотрения терминологической ориентируемости вне языковой личности.

И.С. Куликова и Д.В. Салмина демонстрируют новизну подхода к данной проблеме, заостряя внимание на том, что степень терминологической ориентируемости во многом определяется наличием или отсутствием у адресата специального текста необходимой presupпозиции. При этом, разумеется, нельзя не учитывать фактор включенности такого термина в контекст и/или определенную терминологическую подсистему. Так, незнакомые ранее термины *конфикс*, *трансфикс*, *инфикс* благодаря системообразующему терминоподэлементу *-фикс*

легко могут правильно (хотя и частично) ориентировать читателя как названия каких-то служебных морфем.

В этом плане авторы считают полезным и справедливым разведение понятий ориентации:

а) абсолютной / авторской / объективной, в которой все термины изначально правильно, с точки зрения автора термина, ориентированы;

б) относительной / читательской / субъективной, в которой термины ориентированы, понимаемы, прозрачны в зависимости от индивидуальных особенностей адресата. При этом в качестве примера приводится термин *бихевиоризм*, являющийся в разной мере ориентирующим для читателя – и владеющего, и не владеющего английским языком.

В рецензируемой книге этим понятиям И.С. Куликова и Д.В. Салмина предпосылают соответствующие термины, а именно: *ориентационный потенциал*, заложенный автором, и *ориентирующая сила термина*, воздействующая на читателя. Соглашаясь с высказыванием И.А. Рёбрушкиной о том, что семантическая прозрачность термина или его элемента, лежащая в основе возникновения ориентации, обуславливается отнюдь не происхождением, а степенью освоенности единицы языком [4], авторы выступают против игнорирования того факта, что в процессе становления профессиональной языковой личности термины «свой» и «чужой» при равном правильном и полном ориентационном потенциале, заложенном в мотивировке для начинающего специалиста, обладают неравной ориентирующей силой.

И.С. Куликова и Д.В. Салмина убедительно аргументируют развитие этой мысли: освоение исконных терминов типа *заимствование*, транслитерированных терминов типа *интерференция*, где внешним мотиватором может служить знакомый термин другой науки, в данном случае физики, и собственно заимствованных, немотивированных в русском языке терминов типа *субстрат* или *адстрат* предполагает включение нетождественных когнитивных механизмов и требует использования разных лингводидактических приемов от обучающего.

Расхождение мотивированности и ориентирующей силы термина проявляется также при столкновении с терминами, принадлежащими ранним периодам становления терминологий (ср.: от термина *господственное слово* до термина *производящее слово*).

И.С. Куликова и Д.В. Салмина выражают уверенность в том, что разная степень ориентации термина может быть обусловлена и тем, что словообразовательные и дериватологические связи между терминами не совпадают со связями понятийными и затрудняют правильную интерпретацию термина (например, *морфология* и *морфемика*).

О мотивированности и ориентирующей силе термина как компонентах его семантики есть ряд опубликованных материалов. Инновационность рецензируемой книги состоит в том, что авторы, внося свои коррективы в терминологическую номинацию, расставляют релевантные акценты на рассматриваемых понятиях.

Книга, в которой анализируется терминологическая составляющая лексикона языковой личности, рекомендуется всем языковедам, изучающим терминологию, и может быть полезна преподавателям любой специальности в данной области.

Список литературы

1. Хаютин А.Д. Термин, терминология, номенклатура. Самарканд: [Б. и.], 1972. 129 с.
2. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 158 с.
3. Аriskина О.Л. Методы исследования терминологической ориентации // Вестн. Ун-та Рос. акад. образования. 2011. № 3(56). С. 111–115.
4. Ребрушкина И.А., Аriskина О.Л. Отрицательная ориентация термина как его относительный признак (на материале лингвистической терминологии) // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2011. № 2(14). С. 211–214.

References

1. Khayutin A.D. *Termin, terminologiya, nomenklatura* [Term, Terminology, Nomenclature]. Samarkand, 1972. 129 p.
2. Lotte D.S. *Osnovy postroeniya nauchno-tekhnicheskoy terminologii: Voprosy teorii i metodiki* [Fundamentals of Creating Scientific and Technical Terms: Issues of Theory and Methodology]. Moscow, 1961. 158 p.
3. Ariskina O.L. *Metody issledovaniya terminologicheskoy orientatsii* [The Methods of Research on Terminological Orientation]. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya* 2011, no. 3, pp. 111–115.
4. Rebrushkina I.A., Ariskina O.L. *Otritsatel'naya orientatsiya termina kak ego otnositel'nyy priznak (na materiale lingvisticheskoy terminologii)* [Negative Orientation of a Term as Its Relative Property (on the Material of Linguistic Terminology)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo univrsiteta. Ser. 2: Yazykoznanie*, 2011, no. 2, pp. 211–214.

Информация об авторе

Т.Н. Федуленкова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации» Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87).

Information about the author

Tatiana N. Fedulenkova, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Prof. at the Department of Foreign Languages of Professional Communication, Vladimir State University (address: ul. Gor'kogo 87, Vladimir, 600000, Russia).

Поступила в редакцию 22.01.2025

Одобрена после рецензирования 27.01.2025

Принята к публикации 29.01.2025

Submitted 22 January 2025

Approved after reviewing 27 January 2025

Accepted for publication 29 January 2025

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Баева Л.В., доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева;

Бедина Н.Н., кандидат филологических наук, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Белошицкая Н.Н., кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Бичехвост А.Ф., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии;

Борисов С.В., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, профессор кафедры философии Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета) (г. Челябинск);

Волкова (Лезьер) В.А., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета;

Голубкова Е.Е., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лексикологии английского языка, заведующая лабораторией корпусной лингвистики Московского государственного лингвистического университета;

Гончаров В.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь);

Горшенин А.В., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин частного учреждения образовательной организации высшего образования «Медицинский университет «Реавиз» (г. Самара);

Грибеценок О.А., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Ростовского государственного строительного университета;

Кобзева Т.А., кандидат исторических наук, доцент, декан кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова;

Кобозева З.М., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева;

Кудряшов И.А., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и русского языка Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону);

Мёдова А.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социальных наук Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева (г. Красноярск), профессор кафедры музыкально-художественного образования Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева;

Морозова Е.Н., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского;

Мухамедов Р.А., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова;

Назарова Т.Б., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языкознания Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Никитина Л.Б., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и лингводидактики Омского государственного педагогического университета;

Полынов М.Ф., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета;

Ружницкая И.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва);

Сафонов Д.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Оренбургского государственного университета;

Светлов Р.В., доктор философских наук, профессор, директор высшей школы философии истории и социальных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (г. Калининград);

Селифонова Е.Д., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории английского языка и переводоведения Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского;

Темиришина О.Р., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Российского государственного социального университета (Москва);

Тесля А.А., кандидат философских наук, старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Центр исследования русской мысли», доцент высшей школы философии, истории и социальных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (г. Калининград);

Ульянова С.Б., доктор исторических наук, профессор, профессор высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого;

Ушакова Е.В., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры физической культуры и здорового образа жизни Алтайского государственного медицинского университета (г. Барнаул);

Ханин С.В., кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации;

Ходяков М.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета;

Чимаров С.Ю., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации;

Яблонская Л.В., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова (филиала в г. Новороссийске);

Ястребов А.Л., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, философии и литературы Российского института театрального искусства – ГИТИС (Москва).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области истории и археологии, языкознания, философии.

Общие требования

Тексты предоставляются в электронном виде. Для этого необходимо зайти на сайт журнала <https://vestnikgum.ru/> и, нажав на кнопку «Отправить материал», перейти на редакционно-издательскую платформу, куда можно будет после регистрации загрузить статью и сопроводительные документы. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия и инициалы автора.

Параметры страницы

Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм; верхнее, нижнее – 20 мм.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются посередине верхнего поля страницы арабскими цифрами.

Шрифт

Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.

Объем статьи

Максимальный объем статей: научных – 10–15 страниц, обзорных – до 20 страниц.

Сведения об авторе

Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.

ORCID

В сведениях об авторе также необходимо указать международный авторский идентификатор ORCID в формате интерактивной ссылки <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>. Если у автора нет номера ORCID, его необходимо получить, зарегистрировавшись на ресурсе orcid.org. В профиле обязательно должна быть указана минимальная информация: место работы, ученая степень, должность.

Индекс УДК

Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.

Заглавие	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
Аннотация	<p>Предоставляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть:</p> <ul style="list-style-type: none"> – информативной (не содержать общих фраз); – оригинальной; – содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); – структурированной (следовать логике описания результатов в статье); – компактной (укладываться в объем от 200 до 250 слов). <p>Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию объемом 50–100 слов.</p>
Ключевые слова	После аннотации указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
Примечания и комментарии	Примечания, комментарии, ссылки на нормативные акты, сайты (если это не книга, сборник, статья и т. п. в электронном виде), документальные источники, а также справочную и анализируемую литературу даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная).
Библиографические ссылки	<p>Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»).</p> <ul style="list-style-type: none"> – Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. <i>Например:</i> в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59]; в списке литературы: 59. <i>Кауфман И.М.</i> Терминологические словари: Библиография. М.: Сов. Россия, 1961. 419 с. – Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. <i>Например:</i> в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.; в списке литературы: 10. <i>Бердяев Н.А.</i> Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.
Рисунки, схемы, диаграммы	Принимается не более 4 рисунков (черно-белых). Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (Grayscale – Оттенки серого, 300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (<i>рис. 2</i>). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабдить порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12–2011 (касается русских слов), 7.11–2004 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

- Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
- Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.
- Статьи публикуются на бесплатной основе.
- Для отправки статьи воспользуйтесь кнопкой «Отправить материал» на сайте нашего журнала <https://vestnikgum.ru/>

Тел.: (8182) 21-61-21; e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

- Редакция принимает предварительные заявки на приобретение номеров журнала.

На электронную версию журнала можно подписаться через каталоги:

«Урал-Пресс» http://www.ural-press.ru/catalog/97209/8650495/?sphrase_id=328736

«Пресса по подписке» <https://www.akc.ru/search/>

Свободная цена.